АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА—1973

СОДЕРЖАНИЕ

М. М. Гухман (Москва). Лингвистические универсалии и типологические исследования 3
И. К. Белодед (Киев). Украинский язык в исследованиях академика В. В. Виноградова 16

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Ю. Шведова (Москва). Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм 25
Н. С. Авилова, С. Н. Дмитренко, В. В. Лопатин, В. А. Плотникова, И. С. Улуханов (Москва). Спорные вопросы описания грамматического строя русского языка 37
И. И. Ковтунова (Москва). Порядок слов как предмет грамматического изучения 50
Ю. С. Степанов (Москва). Современные связи лингвистики и логики. 62

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. П. Даниленко (Москва). О терминологическом словообразовании 76
А. Т. Кривоносов (Калинин). Структура языка и система классов слов 86
Т. Г. Хазагеров (Ростов-на-Дону). Ударение как средство дифференциации грамматических форм 98
В. Н. Теплова (Москва). Материалы к изучению исторических связей между западными и северными говорами русского языка 109
А. А. Вейлерт (Краснодар). Об использовании количественных данных в диалектологии 119

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

В. И. Кодухов (Ленинград) «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». 124
В. Г. Гак (Москва). *Р. А. Будагов*. История слов в истории общества 134
Э. А. Макаев (Москва). «Проблема общности алтайских языков» 139
Л. Г. Герценберг (Ленинград). *O. Szemerényi*. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 142
В. И. Горелов (Москва). *А. А. Москалев*. Грамматика языка чжуан 143
З. А. Сарджвеладзе (Тбилиси). *H. Vogt*. Grammaire de la langue géorgienne . 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 152

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахмансва, Р. А. Будагов, А. В. Десницкая, Ю. Д. Дешериев, Г. А. Климов (отв. секретарь редакции), *В. З. Панфилов* (зам. главного редактора), *Б. А. Серебренников, В. М. Солнцев* (зам. главного редактора), *О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин* (главный редактор), *Г. В. Церетели, В. Н. Ярцева*

Адрес редакции: 103031, Москва К-31, Кузнецкий мост, д. 9/10. Тел. 228-75-55

© «Вопросы языкознания», 1973

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

М. М. ГУХМАН

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. В зарубежном языкознании последних десятилетий отмечается возрождение интереса к теоретической проблематике, длительное время находившейся на периферии лингвистической науки или даже почти забытой. Так было с социологией языка и типологией, быть может, еще в большей степени это положение относится к кругу вопросов, связанных с проблемой универсалий. Пробуждение интереса к универсалиям и типологии отнюдь не было случайным. Оно связано с поворотом от эмпирики дескриптивизма и близких ему течений к более широкой проблематике общей теории языка, наметившимся в зарубежной, особенно американской, лингвистике. В предисловии к сборнику «Universals in linguistic theory» редакторы отмечали потерю у американских языковедов интереса к простому описанию отдельных языков, если при этом не выясняется значение полученных фактов для общей лингвистической теории [1]. Подобно тому, как усиление интереса к социологии языка явилось своеобразной реакцией против длительного господства направлений, рассматривавших языковые процессы в полной изоляции от экстралингвистических факторов, так и обращение к универсалиям было антитезой основной тематике, разрабатывавшейся в предыдущие десятилетия преимущественно дескриптивистами США, а также учеными других стран, примыкавшими к этому направлению. В. Чейф в одной из своих монографий [2], полемизируя с лингвистами иельской школы, противопоставляет изучение универсалий концепциям, согласно которым «языки могут безгранично отличаться друг от друга, причем различие это непредсказуемо» [3].

Показательной в этой связи была сама организация еще в 1961 г. специальной конференции по универсалиям, материалы которой вошли в известный сборник под редакцией Дж. Гринберга. Сборник сыграл определенную роль в популяризации самой тематики и привлечении к ней внимания языковедов разных школ и направлений.

За относительно короткий период появился не один десяток работ, посвященных универсалиям. Универсалии обнаруживали или пытались обнаружить на всех уровнях языка; в зависимости от интересов и вкусов исследователей к ним относили признаки разной степени обобщенности: семантические категории разной значимости, фонологические явления, нередко довольно частные, общие характеристики языка, ставшие уже тривиальными [4].

---

[1] «Universals in linguistic theory», ed. by E. Bach, R. Harms, New York, 1968.

[2] W. L. Chafe, Meaning and the structure of language, Chicago, 1971, стр. 6; ср. также несколько более осторожные высказывания Дж. Гринберга: Y. H. Greenberg, The role of typology in the development of a scientific linguistics, «Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages», Budapest, 1970, стр. 12.

[3] Ср.: M. Joos, (ed.), Readings in linguistics, I, 4 ed., Chicago, 1966.

[4] См. по этому поводу замечания Б. А. Серебренникова в статье «О лингвистических универсалиях», ВЯ, 1972, 2.

Построение последовательной и единой классификации даже так называемых полных универсалий, выделявшихся в разных исследованиях, практически невозможно; слишком пестр и неоднороден их состав. К «полным универсалиям» относили: 1) номенклатуру основных единиц; 2) некоторые процессы, широко представленные в разных языках (метатезу, ассимиляцию, смысловое «выветривание»); 3) разные типы отношений, действующие в процессе функционирования языка (противопоставление нового и данного на уровне актуального членения предложения, маркирование говорящего и адресата высказывания, производителя признака и т. д.); 4) определенные типы значений (атрибутивность, указание на место действия и т. д.); 5) онтологические признаковые характеристики языка. Разные по своей емкости универсалии выделяют как содержательные, так и формально-строевые категории. Еще в большей степени разноплановы и разнокалиберны универсалии, которые относятся к классу «неполных или импликационных универсалий».

Очевидно, пестрота в декларируемых наборах универсалий отражает определенную неустойчивость и расплывчатость самого понятия. И если включение этой проблемы в основную тематику XI Международного конгресса лингвистов свидетельствует о широком интересе к универсалиям, то стремление авторов статей, опубликованных в «Preprints» [5], уточнить содержание этого понятия, отграничив его от сходных объектов и определив методику обнаружения и описания универсалий, по-видимому, показательно для состояния разработки основных вопросов, относящихся к этой сфере исследований.

Вместе с тем, знакомство с многими работами по универсалиям позволяет заметить, что здесь, частично в новых терминах, излагаются идеи, неоднократно высказывавшиеся в значительно более ранних исследованиях, преимущественно советских и чешских ученых. Как это ни парадоксально, но повторяется ситуация, характерная для исследований по социологии языка [6]. Что касается универсалий, особенно логико-семантического плана, то вопрос этот был поставлен с большой широтой в работах И. И. Мещанинова в связи с теорией понятийных категорий, к которым он относил понятие агенса и пациенса, атрибутивности, посессивности и т. д. [7]. Обращает на себя внимание и выделение признаков, являющихся постоянными, универсальными для определенного синтаксического типа; такие признаки И. И. Мещанинов намечал в своих исследованиях по эргативному и номинативному строю [8]. Довольно любопытно, что в современных работах по универсалиям повторяются даже те же понятийные единицы, которые были в 30—40-е годы в центре внимания И. И. Мещанинова и его учеников, преимущественно в связи с изучением различий в оформлении субъектно-предикативно-объектных отношений. Не менее любопытно, что внимание вновь привлекает соотношение эргативной и номинативной конструкций [9]; однако в современных зарубеж-

---

[5] Ср.: Y. Kuryłovicz, Universaux linguistiques, «Preprints», Bologna, 1972, стр. 20—27; H. Seiler, Universals of language, там же, стр. 28—47.

[6] В отношении социологии языка это неоднократно отмечалось в работах советских авторов; ср. М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, О социологическом аспекте рассмотрения немецкого литературного языка, сб. «Норма и социальная дифференциация языка», М., 1969, стр. 5—7; см. также: А. Д. Швейцер, Американская социолингвистика, М., 1972.

[7] И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, М., 1945, стр. 195—198; его же, Понятийные категории, «Труды Военного института иностранных языков», 1, 1945.

[8] И. И. Мещанинов, Общее языкознание, Л., 1940.

[9] Ср.: Ch. Fillmore, The case for case, «Universals in linguistic theory», New York, 1968; W. L. Chafe, указ. соч., стр. 232—233.

ных работах проблема ставится и решается на значительно более ограниченном материале с привлечением преимущественно изолированных явлений, без рассмотрения всей системы признаков-координат, что было столь характерно для трудов И. И. Мещанинова [10]. Необходимо сделать еще одну оговорку: советские исследователи, работавшие в этом направлении, считали основной своей задачей не столько обнаружение общего, «универсального», сколько раскрытие прежде всего специфических форм реализации этого общего. Если выразить эту мысль в современных терминах, то можно сказать, что установление какого-либо инварианта на любом участке человеческого языка отнюдь не расценивалось тогда с точки зрения возможности построения некой абстрактной модели, оно было лишь средством обнаружения и лучшего познания диалектической связи общего и частного. Именно эта черта отграничивает советские работы данного направления не только от логико-грамматических построений структурализма 30-х годов, но и от работ по универсалиям последнего десятилетия.

2. Определяя место универсалий в лингвистических исследованиях, можно выделить две задачи, решение которых в той или иной степени связано с универсалиями: 1) построение универсальной модели естественного языка и 2) изучение тех типовых модификаций и вариантов, в которых реализуются многие универсальные категории, признаки и свойства языка. Первая задача относится к общей теории языка, вторая — к сфере типологии. Такие «полные универсалии», как логико-грамматическое членение предложения, или категории агенса и пациенса, или атрибутивность и принадлежность, в равной степени как и противопоставление слоговых и неслоговых фонем, и т. д., как бы переходят в другой ключ, если изучается существенная вариантность в их реализации. Переход к типологии обусловлен переключением от рассмотрения, к а к и е признаки являются универсальными, к анализу, к а к реализуются те элементы и свойства, которым приписывается статус универсалий, так как типология прежде всего занимается качественными различительными характеристиками. Именно в этом случае универсалия выступает как некий обобщенный инвариант, модификации которого могут оказаться типологическими признаками языков. Тем самым признается, что существует значительный класс полных универсалий, которые участвуют в построении обоих моделей — универсальной модели языка и типологически характеризованных моделей разных языков [11].

Иное положение занимают так называемые импликационные универсалии и иным является их отношение к типологии. По самой своей сущности они представляют собой один из контрастных вариантов более общего или даже универсального признака или свойства, который может быть противопоставлен другому, столь же возможному варианту. Так, например, существует определенная и, по-видимому, даже обязательная зависимость между статусом агенса и пациенса в языке. Наблюдения, т. е. индуктивные приемы анализа, показали наличие определенной взаимной зависимости в их структурных характеристиках. Это может быть выражено в ряде импликационных универсалий: «Если в языке имеются различия в оформлении падежа производителя или носителя признака у разных классов глаголов (ср. в аварском языке различие в оформлении производителя признака при переходных и непереходных глаголах, глаголах аффекта,

[10] См. в этой связи характеристику типологических изысканий И. И. Мещанинова в ст.: М. М. Г у х м а н, Типологические исследования, сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 77.

[11] Вряд ли поэтому можно согласиться с Зайлером, который исключает типологическое сравнение из сферы универсалий (см.: H. S e i l e r, указ. соч., стр. 31).

обладания, восприятия), то нулевая форма или абсолютный падеж закреплен за субъектом одного класса глаголов и за объектом другого класса», или в иной формулировке — «если в языке имеется различие в оформлении производителя признака (агенса) у разных групп глаголов, то в нем отсутствует общее специализированное оформление пациенса или объекта, так как неоформленный падеж может выступать при одних глаголах в функции субъекта (например, при непереходных глаголах в баскском языке), при других глаголах — в функции объекта (переходные глаголы в том же языке)». Имплицитно эта характеристика соотнесена или противопоставлена другой закономерности, носящей столь же ограниченный характер: «Если в языке имеется единственная обобщенная форма обозначения деятеля при глаголах любой семантики, то обычно имеется и специализированная форма обозначения прямого объекта». Очевидно, ни один из этих вариантов не может быть включен в обобщенную модель естественного языка, поскольку каждая из приведенных «неполных универсалий» является типологически ограниченной — она выделяет известную совокупность типологических признаков, характеризующих определенную группу языков в отличие от других языков. Условно такие общие закономерности можно было бы назвать типологическими универсалиями.

Однако сформулированные в такой форме типологические универсалии отражают лишь самую обобщенную схему зависимостей. В реальных языках данные структурно-семантические отношения получают разное материальное оформление в зависимости от их строевых особенностей, ср. в применении к языкам эргативного строя: 1) наличие или отсутствие изменения по падежам; 2) наличие или отсутствие полиперсонного спряжения; 3) наличие или отсутствие деления имен на классы и в связи с этим наличие или отсутствие классных показателей в спрягаемой форме; 4) наличие разных группировок глаголов, влияющих на оформление агенса и пациенса; 5) возможность полного или частичного охвата глагольной парадигмы данной схемой. К тому же последовательность реализации всей суммы признаков, отличающих конкретную типологическую универсалию, весьма относительна в строе языков, объединяемых в один тип. Еще И. И. Мещанинов указывал, характеризуя типологически грузинский язык, что в этом языке «мы наблюдаем как бы борьбу номинативного строя предложения с пережиточно сохранившимся эргативным построением» [12]. В качестве противоположных типологических параметров отмечались не только разное оформление субъектно-объектных отношений в презентной и аористной группах времен, но и наличие страдательного залога, к тому же в аористе, где в активе господствует эргативное построение. Наличие же пассива наряду с единой формой обозначения агенса у разных классов глаголов обычно является показателями номинативного строя.

Типологически релевантные неполные универсалии представляют собой по сути дела обобщенную модель, типологический эталон, освобожденный от частных вариантов и отступлений. Смысл выделения подобного инварианта заключается в том, что только с его помощью может быть обнаружено и более полно изучено соотношение общих типологических закономерностей и конкретного многообразия их преломления в языках, т. е. только этим путем может быть решена важнейшая задача любого типологического исследования.

Раздельное рассмотрение полных и импликационных универсалий показало, что их соотношение с типологическими характеристиками языка и процедура их использования в типологических исследованиях различны.

---

[12] И. И. Мещанинов, Общее языкознание, стр. 217; еще ранее Н. Я. Марр указывал, что «чистых» типов языка не существует.

В отличие от импликационных или ограниченных универсалий, которые могут непосредственно участвовать в типологических характеристиках, выступая в определенных случаях как единицы измерения типологического сходства и различия, полные универсалии часто лишь опосредованно включаются в типологию, причем в этом участвует серия ограниченных универсалий: ср. приведенную полную универсалию о взаимосвязанности оформления агенса и пациенса и ограниченные или импликационные универсалии, отражающие закономерности а) эргативного типа построения предложения, б) номинативного типа построения предложения.

Вместе с тем в определенных случаях серия импликационных универсалий дает основание для построения полной универсалии. Так, например, сопоставление импликационных универсалий, содержащих наборы взаимосвязанных признаков флективного, агглютинативного и аморфного типов языка [13], подводит к выводу, что существует обязательная зависимость способов выражения грамматических значений от структуры слова. Этот вывод является своего рода полной универсалией, полученной при сравнении типологически ограниченных универсалий, т. е. в конечном итоге индуктивным путем [14]. Бесспорно полные универсалии, соотнесенные с ограниченными или типологически характеризованными универсалиями, обладают крайне обобщенным значением, весьма бедны по своему содержанию и в известной степени мало информативны. Особенно ясно эта черта данной группы полных универсалий проявляется при сопоставлении с типологическими универсалиями, являющимися их модификациями или вариантами.

3. Одной из дискуссионных проблем, непосредственно связанной с определением задач и содержания типологических исследований, является вопрос о типологической релевантности тех вариантов и модификаций, в которых может реализоваться полная универсалия. Проблема эта неоднократно рассматривалась в работах Р. Якобсона, В. Скалички, П. Сгалла [15] и др. Частично с этим было связано и уточнение самого термина «тип языка». Не останавливаясь здесь на истории вопроса, отметим лишь, что лингвистическая типология может рассматривать 1) типы языков и 2) типы реализации отдельных более или менее универсальных категорий. Первая задача значительно более сложна, ибо она предполагает наличие не одного случайного признака, а совокупность, систему существенных признаков, формирующих данный тип языка в отличие от другого типа. То

[13] Конечно, каждый из этих типов, в равной степени как и наборы устанавливаемых признаков, является лишь обобщенной моделью, своеобразным эталоном, освобожденным от частных вариантов и отступлений. И в данном случае сохраняет силу утверждение о том, что не существует чистых типов.

[14] В этой связи хотелось бы отметить дискуссионность положений, высказанных Э. Косериу, а затем поддержанных Е. Куриловичем в докладе на XI конгрессе лингвистов 1972 г. Косериу разграничивает общие языковые категории, обнаруженные в результате наблюдения над разными языками, и собственно универсалии, т.е. категории, присущие языку как таковому. Процедура обнаружения подлинных универсалий является, по мнению Косериу, чисто дедуктивным процессом (см.: E. Coseriu, Über Leistung und Grenzen der kontrastiven Grammatik, сб. «Probleme der kontrastiven Grammatik», Düsseldorf, 1969, стр. 29—30). Между тем вопрос о соотношении индуктивного и дедуктивного методов анализа при обнаружении и описании универсалий значительно более сложен: оба метода чередуются на разных стадиях изучения универсалий. Сведéние же универсалий к ограниченной группе постулатов (в докладе Куриловича в качестве универсалии рассматривается, например, наличие в любой речевой ситуации говорящего и адресата высказывания) мало перспективно. Размеры статьи не позволяют остановиться на этих вопросах подробнее.

[15] Ср.: Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963; V. Skalička, Zur ungarischen Grammatik, Praha, 1935; его же. К вопросу о типологии, ВЯ, 1966, 4; P. Sgall, On the notion «type of language», «Travaux linguistiques de Prague», 4, 1971.

обстоятельство, что в естественных языках чистые типы встречаются сравнительно редко, не влияет на определение задач типологии, поскольку имеется в виду, что в системе естественного языка все же признаки одного типа образуют доминанту, тогда как другие типологические черты лишь неполно и спорадически присутствуют. Подобной постановке вопроса не противоречит и существование «переходных» (в типологическом отношении) языков. Но именно для решения этой первой и наиболее сложной задачи особое значение имеет отбор самих универсалий, варианты которых способны структурировать тип языка.

Так, например, понятийная категория модальности, по-видимому, универсальна. Нет и не может быть высказывания, содержание которого было бы «не модально». Это понятийное содержание может выражаться разными языковыми средствами: модальными словами, более или менее развитой системой наклонений, интонацией, транспозицией некоторых временных форм, например, футурума в немецком языке. Однако то или иное средство не закреплено за какой-либо группой языков: нередко наблюдается сосуществование нескольких средств в одном и том же языке, но удельный вес каждого средства, частотность употребления могут быть нетождественными даже в близкородственных языках [16]. Сопоставление различий в системе средств выражения модальности в разных языках, а особенно различий их значимости бесспорно имеет познавательный интерес, но вряд ли может служить типологической характеристикой, в частности ввиду отсутствия необходимой для такой характеристики структурной отмеченности в их распределении.

Очевидно, и логико-грамматическое членение предложения, основанное на противопоставлении нового и данного, должно существовать в любом языке и может быть отнесено к универсалиям. Эта универсалия проявляется по-разному в зависимости от строевых особенностей языка: в литературе отмечалось использование артиклей, залоговых форм, фразового ударения, специальных формативов, порядка слов. Одни из этих средств имеют широкое распространение, как, например, фразовое ударение, другие ограничены: артикли, залоги, специальные формативы. В этой связи возникает в свою очередь вопрос, в какой степени средства выражения логико-грамматического членения предложения являются типологическими параметрами. И в этом случае само сосуществование в одном языке разных средств выражения этой смысловой категории, отсутствие стратификации по разным языковым группам, т. е. отсутствие четкой типологической отмеченности, препятствует отнесению этих средств выражения одной и той же смысловой категории к параметрам, позволяющим выделять тип языка.

В приведенных примерах модификации средств выражения рассматриваемых универсалий образуют типологию отдельной, хотя и весьма важной, универсальной категории, но вряд ли можно утверждать, что эти модификации представляют разные типы языков и образуют некие типологические универсалии. Аналогичен статус таких универсалий, как атрибутивность, посессивность, число и т. д. Большинство этих универсалий представляет собой существенные, в известной степени основные понятийные категории, получающие разную реализацию в конкретных языках. Изучение этих реализаций входит в задачу типологических исследований, хотя они и не дают характеристики языкового типа, если рассматриваются изолированно. Впрочем, опыт показывает, что некоторые категории, рассматривавшиеся первоначально изолированно, в процессе

[16] Ср.: Л. С. Ермолаева, Система средств выражения модальности в современных германских языках (на материале немецкого, английского, шведского и исландского языков). АКД, М., 1964.

дальнейшего изучения оказывались включенными в сеть признаков-координат, как это было с делением имен на класс активных и пассивных объектов или как получилось с категорией неотделяемой принадлежности: признаки эти, по-видимому, исторически восходят к системе категорий так называемого активного строя [17].

Для статуса полных универсалий этого класса, т. е. для «изолированных» универсалий, все же характерно, что варианты в их реализации не образуют типологических универсалий; утверждение это относится как к тем случаям, когда эти варианты сосуществуют в одном и том же языке (ср. модальность), так и к тому случаю, когда они противопоставлены (ср. типологию категории принадлежности или обладания). Но имеются и известные различия: во втором случае, при условии возможного включения в сеть признаков-координат определенного языкового типа, они могут стать компонентами типологической универсалии, в данном случае активного строя, как это было с категорией неотделимой принадлежности, противополагаемой принадлежности отделимой; впрочем реликты этой оппозиции наблюдаются даже в древнегреческом в противопоставлении медиума и актива.

Вместе с тем, следует отметить, что и неполные или импликационные универсалии, строящиеся обычно не на основе одного изолированного признака, но включающие известное соотношение по крайней мере двух признаков, бывают нередко типологически мало информативны, ибо касаются поверхностных и частных явлений. Ср., например, утверждение: «Если местоименный объект следует за глаголом, то за глаголом следует и именной объект» [18] или «В том случае, если глагол согласуется с именным объектом в роде, он согласуется с ним и в числе» [19] и т. д. Конечно, вопрос о том, какие признаки являются важными и существенными, а какие из них — частными и поверхностными, можно считать до известной степени спорным: закономерности порядка слов могут оказаться столь же важными, как и смысловая структура предложения, решающим является то, как рассматривается эта структурная черта, включается ли она в определенную систему признаков, какова ее смысловая нагрузка, ее функция в построении высказывания.

Для выделения языковых типов, а, быть может, и для типологии отдельных категорий, приведенные выше универсалии, по-видимому, мало перспективны. Следовательно, и среди импликационных или неполных универсалий выделяются универсалии типологически релевантные (ср. выше о соотношении агенса и пациенса) и универсалии, типологически мало информативные, а следовательно, и нерелевантные. По-видимому, только первые следует определять как типологические универсалии.

Разграничение задач, связанных с изучением типологии отдельных категорий, с одной стороны, и типов языка — с другой, отнюдь не вносит какой-либо оценочный момент в рассмотрение этих двух онтологически между собой связанных объектов типологии. К тому же сведéние типологии только к классификации языков вряд ли было бы правильным, поскольку общей задачей, общим содержанием типологических исследований является, как это и отмечалось выше, изучение соотношения общего

[17] См.: Г. А. Климов, К характеристике языков активного строя, ВЯ,1972, 4.

[18] Дж. Гринберг, Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов, сб. «Новое в лингвистике», V, М., 1970, стр. 136.

[19] Там же, стр. 139; ср. в этой связи справедливое замечание С. Д. Кацнельсона в адрес типологии отдельных изолированных универсалий: «закономерности, характеризующие систему в целом, выпадают из ее поля зрения... место данной универсалии в системе, ее внутрисистемный „смысл“ остаются невыясненными» (С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 10).

и частного, отдельного, исследование того, как это общее различно реализуется в языке.

Выделение импликационных или типологических универсалий, образующих основу моделирования типов языка как на формальном, так и на смысловом уровне, предполагает существование сети взаимосвязанных категорий, получающих разную реализацию в строе разных групп языков. Системный подход в применении к типологии был впервые сформулирован Н. Я. Марром еще в 1927 г. в связи с рассмотрением старой морфологической классификации. Отмечая, что один признак не может служить критерием выделения языкового типа, Марр указывал, что необходимо наличие признаков-координат, которые в сумме определяют тот или иной языковой тип. В качестве примера приводились следующие характеристики так называемого аморфного строя: «1) аморфность, то есть отсутствие морфологии, 2) моносиллабизм (односложные слова), 3) синтетический строй, 4) отсутствие (или плохая дифференцированность) частей речи и 5) полисемантизм» [20]. Как известно, Марр пытался включить старую трехчленную морфологическую классификацию языков в схему единого глоттогонического процесса. Произвольность этих построений не нуждается в доказательствах. С другой стороны, понятие замкнутого, «чистого» языкового типа само по себе уязвимо, что неоднократно отмечалось многими лингвистами [21]. Однако для понимания задач и содержания типологии важно положение о непригодности единичных изолированных признаков в качестве типологических параметров. Идея эта получила широкое распространение и развитие независимо от Н. Я. Марра. Определяя свое понимание типологии, пражцы писали в известном представлении VI Международному лингвистическому конгрессу: «Типология учитывает общую структуру языка: избегая обращения к изолированным чертам сходства или различия, типология рассматривает все особенности языка в их иерархии» [22]. Изучение «взаимообусловленности отдельных элементов языковой структуры» считал одной из важных задач и Л. В. Щерба. Значительно позднее и в новых формулировках положение это всплывает в работах Р. Якобсона и В. Скалички [23].

В советском языкознании системный подход при выделении типологических характеристик получил развитие в 30—40-е годы в работах лингвистов ленинградской школы, особенно в трудах И. И. Мещанинова и С. Д. Кацнельсона [24]. Вряд ли поэтому можно согласиться с критикой самого принципа синтаксической классификации в последней работе С. Д. Кацнельсона [25]. Различие эргативной и номинативной конструкций проявляется в столь существенной совокупности взаимообусловленных признаков, что оправдано было употребление И. И. Мещаниновым впоследствии терминов «номинативный строй языка», «эргативный строй языка». Более поздние работы показали, в частности, возможность реконструкции модели-эталона каждого строя с максимальным набором характерных для этого строя признаков, что не противоречит существованию в языках—представителях этого типа иноструктурных черт и не снимает возможности существования в языках другого строя отдельных характер-

[20] Н. Я. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1927, стр. 132.

[21] Ср.: В. Скаличка. К вопросу о типологии; С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 6—7.

[22] И. Вахек, Лингвистический словарь Пражской школы, М., 1964, стр. 244.

[23] Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, сб. «Новое в лингвистике», III; В. Скаличка, указ. соч.

[24] И. И. Мещанинов, Общее языкознание; С. Д. Кацнельсон, Историко-грамматические исследования, М.—Л., 1949.

[25] С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, стр. 7.

ных признаков эргативного языкового типа. Было бы весьма нежелательно, если бы отрицание существования «чистых» типов, ставшее в настоящее время уже лингвистическим труизмом, привело к атомизму в типологии. Впрочем, С. Д. Кацнельсон сам далек от атомизма: «Ни один структурный признак, изъятый из системы языка и рассматриваемый в отдельности,— пишет он,— не может... отразить все многообразие элементов языкового строя и его типологические особенности»[26]. И хотя действительно мы не имеем идеальной характеристики ни одного типа языка, наиболее близки к этому идеалу те построения, которые основываются на комплексе взаимосвязанных элементов, будут ли эти элементы относиться к формальной или содержательной стороне языка, анализируются ли морфологическая, лексическая или синтаксическая типологии.

4. Типологические универсалии, включающие систему признаков-координат, могут характеризовать оба аспекта языка — его формальную и смысловую структуру.

К первому разряду, в частности, относятся те структурные признаки, которые соотнесены с типологией словоизменительных систем. Так, например, контрастное сопоставление принципов построения отдельных словоформ и целостных парадигм в древних индоевропейских языках, с одной стороны, и в тюркских языках или в китайском языке, с другой стороны, позволяет выделить для древней модели индоевропейского словоизменения совокупность признаков, среди которых отмечаются: 1) господство многосложных словоизменительных форм; 2) комплексность содержания простого словоизменительного показателя, выражающаяся в том, что его знаковую структуру образуют несколько граммем, ср. латинскую форму *laudō* «хвалю», где *ō* включает граммемы лица (1-е лицо), числа (ед. число), наклонения (индикатив), время (презенс); следовательно, смысловая и морфемная структуры простого словоизменительного показателя не изоморфны; 3) возможная подвижность или вариативность в словоизменительной парадигме корневой и основообразующей морфем, ср. значимое чередование гласных корня в глагольных парадигмах греческого и германских языков, чередование гласных в основообразующих суффиксах именного склонения во всех индоевропейских языках; 4) особое соотношение в словоформах между лексической основой и словоизменительным показателем, так как сама основа оказывается фонетически не стабильной, но изменяемой величиной; 5) избыточность в построении словоформ, проявляющаяся в наличии двух или более морфов для обозначения одного и того же содержания в пределах одной и той же единицы: в греческом языке противопоставление форм перфекта формам презенса осуществлялось путем изменения корня (редупликация, аблаут) и различием личных окончаний, а в группе тематических глаголов еще и противопоставлением презентной тематической основы атематической основе перфекта, ср. λείπω «оставляю» — λέλοιπα «оставил»; 6) особенности в фономорфологической структуре слов, выражающиеся в несовпадении морфемной и слоговой членимости; 7) существование вариантов или классов в пределах именной и глагольной парадигматики, что обусловило разветвленную синонимию словоизменительных форм.

Внутри приведенного набора признаков одни являются ведущими, другие — подчиненными, или относительно независимыми. Так, по-видимому, пункт третий обусловил до известной степени существование пункта четвертого, седьмого, пятого; пункт шестой соотнесен с пунктом третьим и четвертым и т. д. Иными словами фономорфологическая структура слова и словоизменительный тип оказываются взаимосвязанными.

---

[26] Там же.

Если определить данную совокупность фономорфологических и словоизменительных признаков условно как флективную типологию, то возникнет ряд вопросов: а) образует ли совокупность всех этих признаков или их части некий инвариант, который можно было бы рассматривать как типологическую универсалию, противополагаемую другой типологической универсалии?, б) какие из отмеченных признаков выступают в ином окружении и какие являются характерными для данного словоизменительного типа? Выделить некую типологическую универсалию, хотя бы охватывающую относительно небольшое число языков, можно будет только в том случае, 1) если совокупность опорных признаков будет иметь не случайный, а закономерный характер, и 2) если этому набору признаков будет противопоставляться словоизменительная модель, характеризованная противоположными чертами: например, 1) отсутствием в смысловой структуре простого (одноморфемного) показателя нескольких граммем, следовательно, наличием изоморфизма между смысловой структурой показателя и его морфемной структурой; 2) отсутствием значимой подвижности корневой и основообразующей морфем в именном и глагольном словоизменении; 3) иным соотношением между лексической основой и словоизменительным показателем, поскольку основа остается стабильной; 4) отсутствием избыточности в построении словоформ. Будет ли такой тип в терминах традиционных классификаций называться агглютинирующим или как-нибудь иначе — не столь существенно. Важно другое — наличие словоизменительной модели иного типа, чем рассмотренная выше. И в отношении этой второй модели сохраняет значение весь круг проблем, отмеченных ранее; и те же условия предопределяют возможность отнесения перечисленных признаков-координат к одной из типологических универсалий [27]. Имеются ли такие предпосылки — должны показать специальные исследования, основанные на большом эмпирическом материале.

Значительно сложнее комплекс проблем, связанных с типологическими универсалиями, ориентированными на содержательную сторону языка. Какие содержательные категории, обладающие статусом универсалий, должны быть при этом отобраны? К какому уровню анализа должны относиться, например, содержательные компоненты высказывания, которые могут быть использованы в качестве типологических параметров семантико-синтаксической характеристики языка? В какой степени и как должны в этой связи разграничиваться внеязыковая ситуация и языковый факт?

Вопросы эти, сами по себе достаточно сложные, приобрели особую остроту в связи с так называемой теорией поверхностных и глубинных структур, еще более осложнившей анализ содержательных категорий языка. Наблюдается тенденция подменить анализ содержания языковых категорий анализом ситуаций, которые нередко и выступают в функции глубинных структур. Наиболее прозрачны и поэтому уязвимы в этом отношении приемы анализа значения падежей в работе Филлмора [28]. Так, например, сопоставляя предложения *Джон открывает дверь ключом* и *Ключ открывает дверь*, автор

---

[27] Автору данной статьи может быть сделан упрек, что здесь делается попытка «воскресить» старую «отжившую» классификацию. Однако отрицание существования «чистых» флективных или агглютинативных языков отнюдь не снимает вопроса о различных словоизменительных типах, выделение которых основывается не на таких внешних признаках, как флексия или агглютинация, а на значительно более сущностных отношениях. В этой связи можно до известной степени согласиться с П. Сгаллом, утверждавшим, что в морфемике и поверхностных структурах (? — *М. Г.*) особенно четко выделяется специфика языкового моделирования (P. Sgall, указ. соч., стр. 83).

[28] Ch. Fillmore, указ. соч.

приходит к выводу, что, поскольку ключ всегда является инструментом и не может выступать в роли агентива, в основе обоих предложений лежит единая глубинная структура, которую Филлмор называет «инструменталь». При этом сознательно игнорируются структурные различия, отнюдь не сводящиеся только к различию падежных форм, но и к различному числу участников процесса: они относятся к вторичным, несущественным элементам. Между тем, для содержания языковых единиц, входящих в состав двух приведенных выше предложений, важно, что лицо, т. е. одушевленный субъект в первом предложении (*Джон*), и не лицо, предмет, во втором предложении (*ключ*), оказываются по своей позиции в одинаковом отношении к предицируемому признаку, иными словами, *ключ* «ведет себя», как *Джон*, занимая положение производителя признака.

Подобная «метафоричность», связанная с «неиконическим» отображением реальной ситуации и, в частности, с определенной формализацией содержания агенса, с выветриванием его конкретного значения, присуща отнюдь не всем языкам. Иные закономерности со строгим разграничением «поведения» имен активного и инактивного класса и определенными правилами их сочетаемости с разными классами глаголов прослеживаются в большой группе типологически однородных языков, отнесенных Г. А. Климовым к языкам активного строя [29]. Следовательно, рассмотренная выше черта в построении двух предложений, оказавшаяся затемненной приемами анализа глубинных структур, является одним из семантических признаков предложения в таких языках, как русский, английский и т. д. Поскольку та же закономерность свойственна многим известным языкам, она может стать одним из типологических параметров тех языков, которые не обладают семантическими признаками активного строя.

Пренебрежение к специфике «поверхностных структур», непомерно расширяя круг семантических языковых универсалий, вместе с тем «смазывает» типологическую отмеченность анализируемых явлений; на уровне глубинных структур типологически отличное оказывается совершенно снятым. По-видимому, этим объясняется появление в последние годы ряда работ, доказывающих наличие или даже развитие эргативности в английском языке [30]. Нетрудно заметить, что в этих работах эргативность, хотя она и понимается не вполне одинаково, лишена тех признаков, которые составляют ее специфические черты, рассматриваемые авторами как поверхностные структуры (различия в оформлении субъекта переходного и непереходного глагола, особенности согласования и т. д.) [31].

Сущность, или глубинную структуру, эргативности Халлидэй, например, видит в том, что в любом предложении, оформленном по модели предложения действия (action clause), производитель признака мыслится как аффицированный процессом [32].

Тем самым автор примыкает до известной степени к пассивной интерпретации эргативного построения предложения, но в своеобразном варианте. Так, модель предложения типа *I like him* рассматривается как эргативная, поскольку активная поверхностная структура скрывает пассивность, аффицированность лица. Поэтому, замена более ранних безличных конструкций типа *Me likað* в современном английском языке личными конструк-

[29] Г. А. Климов, указ. соч.

[30] Ср.: Y. Anderson, Ergative and nominative in English, «Journal of linguistics», 1968, 4; M. A. K. Halliday, Notes on transitivity and theme in English, «Journal of linguistics», 1967, 3, 1968, 4; его же, Language structure and language function, «New horizons in linguistics», ed. by J. Lyons, Baltimore, 1971; J. Lyons, Introduction to theoretical linguistics, Cambridge, 1971, стр. 350—359.

[31] Ср.: J. Lyons, указ. соч., стр. 358.

[32] M. A. K. Halliday, Language structure and language function, стр. 157—158.

циями рассматривается как развитие эргативности. В действительности имелся, по-видимому, обратный процесс: замена безличной конструкции при глаголах аффекта, существовавшей в разных индоевропейских языках [33], личными конструкциями была звеном в универсализации схемы предложения — имя в общем падеже + личная форма глагола.

Между тем для языков с эргативной конструкцией предложения характерно именно различие построения предложения при разных категориях глагола, в частности, в картвельских языках и в аварском при глаголах аффекта носитель признака стоит в дательном падеже: ср. авар. *Вацасе жиндирго лъимер бокьула* «Брат любит своего ребенка» (буквально: «брату любится свой ребенок»). Не касаясь вопроса о том, какой член этого предложения является подлежащим, отметим особенность оформления носителя признака. В грузинском по этой схеме строятся не только предложения с глаголами определенной семантики, но и с любым переходным глаголом в так называемой третьей (перфектной) группе времен.

Малоубедительны и соображения, высказанные все по поводу той же эргативности в современном английском языке Лайонзом. И здесь пренебрежение к так называемым поверхностным структурам привело к отождествлению типологически разных синтаксических образований. Поскольку основными особенностями эргативного построения предложения считаются а) различие в позиции субъекта у переходных и непереходных глаголов и б) совпадение позиций субъекта непереходного и объекта переходного глаголов, Лайонз полагает, что аналогичные закономерности лежат в основе построения двух моделей английского предложения с теми глаголами, которые могут употребляться в безобъектном и объектном построении: ср. его примеры *The stone moved — John moved the stone* (буквально: «камень двигался» и «Джон двинул камень»). Сопоставление этих примеров приводит к выводу, что в современном английском языке транзитивное построение может образоваться из интранзитивного при помощи «эргативной трансформации» [34], причем субъект интранзитивного глагола становится объектом транзитивного глагола, а новый эргативный (?) субъект вводится для обозначения агенса или причины процесса. Столь своеобразное понимание эргативности и связанное с ним сближение построения эргативного предложения в эскимосском с построением английских предложений, рассмотренных выше, стало возможным только вследствие одностороннего рассмотрения структуры предложения в типологически разных языках. Весьма характерно в этой связи замечание, что в индоевропейских языках эргативность «затемнена» падежными отношениями и типом согласования, но эти признаки — явления лишь поверхностной структуры [35].

Таким образом, отрыв семантико-синтаксических связей от закономерностей их структурирования ведет к искажению смыслового содержания самих построений. К тому же такие «внешние» или «поверхностные» показатели, как наличие или отсутствие универсальной модели построения предложения, наличие или отсутствие зависимости между оформлением предицируемого признака и семантическим классом глагола, наличие или отсутствие зависимости между семантическими классами глаголов и пове

[33] М. М. Гухман, Конструкция с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков, в кн.: «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967.

[34] J. Lyons, указ. соч., стр. 352.

[35] Там же, стр. 365, 358. Иначе, с учетом семантических различий в оформлении соотношения процесса (глагола) и именных компонентов высказывания в языках номинативного и эргативного (активного) строя рассматривает эти проблемы Чейф (ср.: W. Chafe, указ. соч., стр. 230—233).

дением субъектов, мыслимых при этих глаголах, не только являются показателями определенных структурных типологических различий, но и раскрывают разные типы языкового моделирования одной из основных семантических доминант — соотношения процесса и его участников (актантов).

Разновидности языкового моделирования этой семантической доминанты образуют параметры содержательной типологии языков. Этим обусловлена перспективность дальнейшей разработки синтаксической типологии при условии расширения ее проблематики и пополнения набора привлекаемых содержательных категорий, в частности, связанных с лексико-грамматической характеристикой процесса и его актантов. Одной из задач типологических исследований в этой области является анализ соотношения формальных особенностей предложения (состава его членов, их структурной характеристики) и его семантического каркаса; важнейшим конституентом последнего и является отмеченная выше доминанта. Семантический каркас предложения относится к уровню языковых значений, но не к уровню внеязыковых ситуаций, получающих отражение в языке.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

И. К. БЕЛОДЕД

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК В ИССЛЕДОВАНИЯХ АКАДЕМИКА В. В. ВИНОГРАДОВА

В исследованиях по сравнительно-историческому славянскому языкознанию вообще, по истории общности восточнославянских языков в частности, В. В. Виноградов продолжил разработку шахматовской идеи о языке как одном из элементов истории культуры народа [1], в соответствии с чем история русского литературного языка рассматривалась ученым в контексте не только истории русского народа, но и истории восточнославянских народов [2].

В. В. Виноградов подчеркивал, что в советский период развития языкознания, в связи с пристальным вниманием к образованию в Советском Союзе национальных культур, национальных письменностей и национальных языков, «осуществляется новый синтез на основе философии марксизма-ленинизма таких областей общественных наук, как история, языкознание и литературоведение. Именно на почве такого взаимодействия и объединения быстро вырастает и плодотворно развивается такая отрасль лингвистики, как история литературных языков. Прежде всего научное движение в новом направлении начинается с истории русского литературного языка. История русского литературного языка, будучи, по слову акад. А. А. Шахматова, „историей развития русского просвещения“, неразрывно связана с историей русской общественной мысли, с историей русской науки, с историей русского словесного искусства» [3]. Говоря о тех советских ученых, которые создавали эту отрасль лингвистики, исследователь называет С. П. Обнорского, Л. А. Булаховского, занимавшегося, как известно, историей русского и украинского литературных языков, Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура и других ученых.

Факты из истории украинского языка, черты его грамматической структуры, контакты и взаимовлияние русского и украинского литературных языков, освещение достижений великих мастеров слова и деятелей культуры обоих народов всегда присутствуют в научных исследованиях В. В. Виноградова, посвященных этой проблематике.

В понимании и освещении языковых и культурных связей славянских народов В. В. Виноградов, базируясь на методологии марксизма-ленинизма, исходит из положения о том, что «тенденция к сближению славянских культур, славянских литературных языков — при полном сохранении их национальной независимости и их индивидуального облика — становится все более действенной и значительной. Идеологически близкое или однородное социалистическое содержание неизбежно приводит к се-

---

[1] Об этом см.: Л. В. Щ е р б а, Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке, ВЯ, 1963, 5, стр. 89.

[2] В. В. В и н о г р а д о в, А. А. Шахматов как исследователь истории русского литературного языка, «Вестник АН СССР», 1964, 10, стр. 116.

[3] В. В. В и н о г р а д о в, Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967, стр. 130.

мантическим и стилистическим соответствиям, к смысловой общности в системах родственных языков. Результаты этого идеологического процесса общения чрезвычайно ярко обнаруживаются в современных восточнославянских языках — русском, украинском и белорусском» [4]. Неоднократно ученый подчеркивает активные процессы взаимодействия и взаимовлияния всех славянских языков, на протяжении своей истории находивших прочную культурную опору в языковых средствах и достижениях друг у друга [5].

Вышедшие из единого восточнославянского корня — древнерусского языка Киевской Руси, русский, украинский и белорусский языки в своем формировании как языки соответствующих народностей были тесно связаны с историческим процессом формирования этих народностей, затем наций в определенных условиях развития. Но и в период своего существования на новом этапе развития русский, украинский и белорусский языки сохраняли и развивали свои многогранные живые связи, базирующиеся на общей основе. Это отразилось и на характере взаимовлияния этих языков.

Глубокий интерес исследователя к периоду XIV — XVIII вв. в истории украинского и русского народов был воспитан в нем его учителем — великим русским ученым-языковедом академиком А. А. Шахматовым. Об этом, в частности, свидетельствуют и первые научные задания учителя молодому ученому. В программе подготовки к магистерскому экзамену в 1918 г., составленной А. А. Шахматовым для В. В. Виноградова, в числе девяти пунктов был и такой: «7. Древнейшие и позднейшие группы малорусских памятников XIV—XVI вв.» [6].

В ряде исследований В. В. Виноградов дает характеристику украинского литературного языка XVI—XVII вв., блестящих образцов его стилей, его традиций периода Киево-Могилянской академии. Этим вопросам, в частности, посвящены специальные разделы в первой главе его «Очерков по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (М., 1938), где освещена вся сложность языковой ситуации на Украине в XVI—XVII вв.; прежде всего — это борьба против шляхетско-польской экспансии, стремившейся уничтожить украинскую культуру и украинский язык. Ученый подчеркивал, что на Украине «...острее и напряженнее — в борьбе с насильственной полонизацией — протекал процесс национализации славяно-русского языка»; этому процессу способствовало и то, что здесь «...раньше развились такие литературные жанры, как виршевая поэзия, интермедии и драмы» [7], вводившие в языковую практику, в частности, Киево-Могилянской академии мощную струю украинской народно-разговорной речи, а это оказывало влияние на весь ход развития украинского литературного языка того времени. В «Очерках» он отмечал также борьбу эллино-славянских и латинских влияний в стилях самого церковнославянского языка, трансформацию стилей церковнославянского языка на украинской почве и затем — отражение этих процессов в развитии русского литературного языка. Здесь (гл. I, § 5) рассматривался характер этих украинских стилей церковнославянского языка и их воз-

---

В. В. Виноградов, Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков, «Вестник МГУ», Серия обществ. наук, 3, 7, 1949, стр. 19; см. также: его же, Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху, М., 1963 («Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов»), стр. 27 и сл.

[5] См., например: В. В. Виноградов, Основные вопросы изучения..., стр. 24.

[6] См. «Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете», [Л.], 1971, стр. 140.

[7] В. В. Виноградов, Основные этапы истории русского языка, «Р. яз. в шк.», 1940, 4, стр. 4.

действие на русскую литературную речь. Большое внимание В. В. Виноградов уделял процессу национальной демократизации русского литературного языка, которая оказывала влияние также на развитие этих процессов в украинском и белорусском языках.

В. В. Виноградов прослеживал развитие процесса объединения московской традиции церковно-книжного языка с киевской, взаимосвязи русского и украинского литературных языков освещаемого периода, значение деятельности киевских ученых, киевских и львовских образцов литературного языка в развитии русского литературного языка того времени, а также значение влияния русского литературного языка в развитии украинского литературного языка [8].

В различных работах В. В. Виноградова анализируется литературный язык так называемой Юго-западной Руси, его позднего средневековья («украинско-белорусский»). Он понимал всю иллюзорность единства этой речи. «Тут различия и в составе книжно-славянской стихии и в процессах ее взаимодействия с живой народно-диалектной речью, и в разных способах ее вытеснения и поглощения украинскими и белорусскими культурными диалектами, а также городскими койне,— писал он,— в конкретно-исторической полноте пока в деталях не определены» [9].

Как нам уже приходилось отмечать [10], так называемая юго-западная русская речь объединяла только, пользуясь более поздним термином, официально-деловые стили (или «приказные», как их называл А. А. Шахматов). Развитие украинского и белорусского языков, уже сформировавшихся в этот период, происходило на базе всех «культурных диалектов», о которых говорит В. В. Виноградов (т. е. на базе центральных массивов этих языков в сочетании с предыдущей и современной им книжной традицией). В. В. Виноградов анализирует процесс взаимодействия украинского языка с польским и отражение результатов этого процесса как в этих языках, так и в русском литературном языке [11].

При освещении всех этих вопросов В. В. Виноградов опирается и на работы украинских исследователей, особенно на труды историка украинского литературного языка П. И. Житецкого [12]; он использует также оригинальные материалы созданных на Украине памятников XVI—XVII вв., в частности, грамматики Л. Зизания, М. Смотрицкого и др. К сожалению, «Славянская грамматика» И. Ужевича, этот уникальный памятник украинской грамматической традиции, первая грамматика собственно украинского языка XVI—XVII вв. [13], увидела свет только в 1970 г. и не могла уже быть объектом научного рассмотрения В. В. Виноградова, хотя он и ожидал ее с большим интересом и, как он говорил, «с надеждой». В плане его научных интересов к языковой ситуации этого

---

[8] См.: В. В. Виноградов, Очерки..., стр. 17—27, 84 и др., его же, Великий русский язык, М., 1945, стр. 72—77.

[9] В. В. Виноградов, Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, стр. 48.

[10] См.: І. К. Білодід, Києво-Могилянська академія в мовній ситуації на Україні XVI—XVII ст., «Мовознавство», 1969, 6, стр. 22; И. К. Белодед, Киево-Могилянская академия в языковой ситуации на Украине XVI—XVII вв., сб. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков», М., 1971, стр. 54—55.

[11] См.: В. В. Виноградов, Очерки..., гл. I, § 4 — Литературный язык так называемой Юго-западной Руси и его влияние на русский литературный язык, стр. 18—22. См. также: В. Виноградов, П. Кузнецов, Языковое родство славянских наций, журн. «Славяне», 1951, 2, стр. 49.

[12] См., в частности: П. И. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, ч. 1, Киев, 1889; его же, К истории литературной русской речи в XVIII веке, СПб., 1903.

[13] Характеристика этой грамматики дана, в частности, в ст.: И. К. Белодед, «Славянская грамматика» Ивана Ужевича 1643 г., ИАН ОЛЯ, 1972, 1.

периода, которые он прививал и своим ученикам и сотрудникам, находится и исследование Н. И. Безбородько, в котором рассматривается взаимодействие латинского и восточнославянских языков в этот период [14].

С высоким научным пафосом, присущим ему как историку литературного языка, В. В. Виноградов осветил значение творчества Т. Г. Шевченко в истории украинского литературного языка. «В его словесно-художественном творчестве,— писал он,— определились нормы и пути развития украинского национального литературного языка. Это — исторический подвиг не только национального, но и интернационального диапазона» [15]. Исследователь подчеркивает значение для выработки художественно-языковой концепции Т. Шевченко творчества А. Пушкина и Н. Гоголя. «Пушкин оказал огромное влияние на формирование художественной системы Шевченко, в том числе и на его принципы организации поэтической речи» [16]. В восприятии народно-поэтической украинской фразеологии, символики, образных семантических и синтаксических форм народно-разговорной, устной речи, песенного языка и в творческой обработке их «в стиле гомеровских поэм» [17] Шевченко, по нашему мнению, близок к Гоголю, традиции которого он развивал. По мнению ученого, «...главной базой формирования украинского национального литературного языка в поэтической деятельности Шевченко стала народно-разговорная украинская речь и народная украинская поэзия» [18] в сочетании, добавим мы, с жизнеспособными компонентами книжно-литературной традиции украинского литературного языка предыдущей эпохи.

В историю мирового искусства, мировой культуры, художественно-языковых ценностей мира,— говорит В. В. Виноградов,— «...Шевченко входит не только как гениальный национальный поэт Украины, не только как замечательный русский поэт и художник, не только как величайший, наряду с Пушкиным и Мицкевичем, поэт славянства, но и как поэт-гуманист мирового значения. Его произведения, напечатанные и звучащие на разных языках мира, являются важным фактором прогрессивного культурно-эстетического, идейно-художественного и социального развития всех народов современного человечества» [19].

Рассматривая значение языка Н. В. Гоголя в истории русской литературной речи XIX в., В. В. Виноградов, в частности, отмечает, что Гоголь ввел в русский художественный язык как элементы украинской лексики, синтаксиса, так и образные средства выражения украинской народной речи, которые в сплаве с элементами русской народно-речевой стихии и давали тот высокий художественно-языковой эффект, который пленял и пленяет читателя. В. В. Виноградов писал, что «...в гоголевском стиле русская и украинская языковые стихии слились в оригинальное художественное единство. Формы словесного выражения, порожденные тонким украинским народным юмором, приемы лирического стиля, выработавшиеся у Гоголя под влиянием украинских дум, обогатили систему художественных средств русского прозаического языка» [20].

---

[14] Н. И. Безбородько, Язык латинских трактатов украинских философов XVII в. АДД, Киев, 1972.

[15] В. В. Виноградов, Тарас Григорьевич Шевченко, в кн.: «Тарас Шевченко», М., 1962, стр. 5.

[16] Там же, стр. 9.

[17] В. В. Виноградов, Очерки..., стр. 353.

[18] В. В. Виноградов, Тарас Григорьевич Шевченко, стр. 9.

[19] Там же, стр. 12.

[20] В. В. Виноградов, Великий русский язык, стр. 76.

Исследования В. В. Виноградова о языковом мастерстве Гоголя показывают ни с чем не сравнимую гениальную оригинальную манеру писателя, приемы в использовании языковых элементов, которые являются общими для русского и украинского языков и которые «своеобразно сочетали в себе, как бы синтезировали оттенки значений, присущие им в том и другом языке» [21]. Гоголь,— отмечал В. В. Виноградов,— «пользовался выразительными формами украинского народного языка, его поэтическими образами и оборотами лишь как средством создания национального колорита. Он искусно расцвечивал этими красками и обогащал этими элементами язык русской художественной литературы» [22].

Очарование гоголевского стиля проявляется, в частности, и в том, что читатель, не видя в его языке украинизмов, все же чувствует, что вот тут что-то навеяно, что-то возбуждено украинской образностью слова, которая находит соответствие — полное и красочное — в русском языке.

По наблюдениям В. В. Виноградова, в период переделки текста «Тараса Бульбы» (конец 30-х годов XIX в.) Гоголь уже задумывался над вопросом о социальной дифференциации украинской речи и стремился средствами языка в известной мере отразить эту дифференциацию при характеристике своих персонажей как представителей определенных социальных групп [23].

Большой интерес для исследований по истории языковедческой науки представляет тема «В. В. Виноградов и А. А. Потебня». Известно, какое широкое отражение нашли в творчестве В. В. Виноградова научные идеи А. Потебни. Отдельного разбора работ А. Потебни, посвященных собственно украинскому языку, у В. В. Виноградова нет. Ученый высоко оценивал вклад украинского лингвиста в развитие русского языкознания: «Совершенно новые вопросы и новые задачи перед историей русского литературного языка поставил великий лингвист второй половины XIX в. А. А. Потебня...» [24]. «Потебня произвел переворот в грамматических теориях, которыми до него питалась наука о русском языке» [25].

Большой заслугой А. Потебни в этой области, по мнению В. В. Виноградова, является, в частности, то, что он рассматривал историю формирования грамматических категорий языка во взаимосвязи с историей предложения. «... в центре грамматики,— писал В. В. Виноградов,— у Потебни стоит проблема образования, исторических изменений и функционирования грамматических категорий (и прежде всего так называемых „частей речи“). Но так как грамматические категории функционируют и изменяются в составе предложения, которое является основным синтетическим актом речи-мысли, то Потебня, естественно, связывает историю грамматических категорий с историей предложения. Эволюция предложения и эволюция грамматических категорий (например, частей речи) — взаимообусловлены. Это — две стороны одного и того же процесса. Предложение — микрокосм мысли» [26]. Эту взаимообусловленность истории грамматических категорий и истории предложения А. Потебня, как известно, аргументировал примерами из ряда сла-

---

[21] Там же.

[22] В. Виноградов, Великий русский художник слова, Пр. 4 III 52.

[23] В. В. Виноградов, Очерки..., стр. 351.

[24] В. В. Виноградов, Руская наука о русском литературном языке, «Уч. зап. [МГУ]», 106, III, кн. 1, 1946, стр. 90.

[25] В. В. Виноградов, Современный русский язык, 1, М., 1938, стр. 6.

[26] В. В. Виноградов, А. А. Потебня, «Р. яз. в шк.» 1938, 5—6, стр. 114.

вянских языков, прежде всего из истории русского, украинского и белорусского, показав и на этом материале их исконное родство.

Великий русский и украинский языковед-мыслитель, как правило, в своем творчестве как в сфере философского языкознания, так и грамматических разысканий, изучения народно-поэтического творчества — опирался на материал многих славянских и неславянских языков, но больше всего, естественно, на русский и украинский. При рассмотрении вопросов, касающихся даже собственно русского языка, А. Потебня весьма часто приводил параллельные примеры из языка украинского. Тем более, что понятие «русский язык» он нередко расширял, понимая под ним восточнославянские языки, так как рассматривал при этом явления и факты великорусского, украинского и белорусского языков. В работе «Ударение», например, которая была написана почти 100 лет назад и лишь теперь издана нами, А. А. Потебня писал: «Но литературный русский язык и великорусские говоры не составляют всего русского языка. И здесь (т. е. при изучении ударения.— *И. Б.*), как при решении других вопросов русской грамматики, нельзя обходить безнаказанно малорусского наречия» [27]. (Заметим в скобках, что попытки модернизировать терминологию А. Потебни, заменить термин «русский язык» терминами «восточнославянские», а иногда — «великорусский»; «великорусский» на «русский»; «малорусский» на «украинский» и т. п., по нашему мнению, совершенно неправомерны, так как при этом была бы нарушена историческая традиция и авторская терминологическая система; здесь допустимы только научные толкования ее в границах аргументированной, непредвзятой достоверности, без какой бы то ни было тенденциозности.)

В. В. Виноградов воспринимал творчество А. Потебни во всем комплексе материалов, на которые тот опирался и в числе которых были украинский язык, народно-поэтическое творчество украинского народа. Поэтому примеры — композиции из трудов А. Потебни, цитация из его работ и толкование их, развитие идей и концепций ученого входят в исследования В. В. Виноградова вместе со всем украинским материалом, а нередко и с его собственными дополнениями [28].

Неоднократно отмечая в трудах Потебни привлечения образцов поэтического творчества различных народов, в том числе украинского, В. В. Виноградов делал из этого свои обобщающие выводы: «Увлекаясь исследованием форм и образов устной народной поэзии, Потебня видел в них фундамент, опору национально-языкового творчества» [29], «главным творцом „речи-мысли“, великим „поэтом“ в сфере языка» для Потебни был народ [30]. Это глубокое понимание роли народа как творца языка получало у Потебни дальнейшее развитие и становилось влиятельным при освещении других, связанных с этим, социальных категорий, которые особенно привлекают внимание В. В. Виноградова. Как известно, А. Потебня тщательно разграничивал тесно связанные между собой понятия «народность» и «национальность» с точки зрения языка [31]. Народность языка, по Потебне, явление глубоко древнее, оно свидетельствует о естественноисторическом, исконном единстве языка народа. В. В. Виногра-

---

[27] А. А. Потебня, Ударение, Киев, 1973, стр. 21.

[28] См., в частности: В. В. Виноградов, О IV томе «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни, в кн.: «Труды Института русского языка [АН СССР]», I, М.—Л., 1949, стр. 254, 261 и сл.

[29] В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, стр. 91.

[30] Там же, стр. 92.

[31] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, Харьков, 1905, стр. 185—188.

дову именно и импонирует то, что «Потебню больше увлекает понятие „народности языка“ ...В понятии же „национальности“,— отмечает он,— Потебня нередко смешивает историческую категорию нации с идеологическими предрассудками национализма („Идея национальности есть всегда род мессианизма“, „Национальность может служить и прогрессу и реакции“)» [32]. Известно, однако, что причины возникновения этого служения реакции, т. е. национализму, Потебня определял довольно четко: эта идея,— писал он,—«... есть не непременный признак народа, а возникающий от времени до времени умысел отдельных лиц и кружков сделать известные черты, приписываемые народу, руководящим началом намеренной деятельности отдельных лиц, обществ, правительств этого народа...» [33]. Суть этой идеи — в противопоставлении народов, в утверждении неравенства наций, цивилизаций, принципа «покоряйтеся» более «высоким» [34]. Как считал А. Потебня, понятие народа, народности с точки зрения языка с их «бесчисленным множеством целей» не имеет ничего общего [35] с подобным «умыслом отдельных лиц и кружков». В. В. Виноградов подчеркивал, что А. Потебня был «... лишен националистических иллюзий» [36].

Наука о языке художественной литературы, сама история русского литературного языка в своих истоках во многом опираются, по мнению В. В. Виноградова, на идеи и концепции А. Потебни. «Потебня связал с историей русского языка вопросы художественного и научного познания»[37]. «Уже А. А. Потебня и его последователи находили в учении о поэтическом слове основу науки о языке писателя, о языке художественной литературы. Исследования так называемой „внутренней формы“ слова или литературного произведения в целом, изучение генезиса и смысла поэтических образов... стало творческим стержнем работ о стиле писателя, отражавших влияние потебнианской концепции...» [38].

В историю развития нашей отечественной общественно-политической и научной мысли А. А. Потебня вошел как яркая и величественная фигура русско-украинского единения в области культуры, языка, науки, особенно, разумеется, языковедческой. Все это нашло глубокое отражение и на страницах исследований В. В. Виноградова, посвященных А. А. Потебне.

Общение русского языка с украинским и белорусским на протяжении всей их истории взаимно обогатило их во многих планах и гранях. Процессы этого взаимообогащения, братская близость восточнославянских языков, роль русского языка в творческом развитии и совершенствовании украинского и белорусского языков стали еще более плодотворными и направляемыми наукой, всей советской языковой практикой в нашем многонациональном и многоязычном социалистическом обществе. Уделяя в своих исследованиях огромное внимание вопросам развития языков социалистических наций СССР, В. В. Виноградов с неослабевающим интересом следил и за развитием и обогащением украинского языка.

На благотворной основе ленинской национальной политики КПСС, результатов ее осуществления В. В. Виноградов, содействуя своими научными трудами и научно-организационной деятельностью разви-

---

[32] В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, стр. 91.

[33] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 185.

[34] Там же, стр. 186.

[35] Там же, стр. 189.

[36] В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, стр. 91.

[37] Там же, стр. 92.

[38] В. В. Виноградов, О языке художественной литературы, М., 1959, стр. 11.

тию многонационального советского языкознания, с большим вниманием и заботой следил за развитием языковедческой науки на Украине и оказывал большую творческую помощь этому развитию. Своими научными консультациями, рецензиями он помогал, в частности, и созданию ряда крупных исследований в области украинского литературного языка. В частности, анализируя монографическое исследование Л. А. Булаховского «Виникнення і розвиток літературних мов», В. В. Виноградов считает любопытными и лишенными банальности страницы, где устанавливаются различия и расхождения между письменной и устной речью, определяются функции и характер диалектизмов — местных и социально-профессиональных, производственных — в языке произведений художественной литературы, не всегда укладывающемся в рамки литературных норм. Он отмечает научную достоверность выводов Л. А. Булаховского, основанных на изучении языка русских и украинских писателей, в частности западноукраинских — В. Стефаника, О. Кобылянской, гуцула О. Федьковича и других [39].

С большим интересом следил он за созданием «Курса украинского литературного языка» в 2 томах (Киев, 1958, 1961, на укр. яз., под редакцией и при авторском участии И. К. Белодеда), был активным научным консультантом этой работы. Рецензируя проспект исследования на тему «Язык и стиль украинской художественной прозы послевоенного периода» (Киев, 1955, на укр. яз.), В. В. Виноградов с большими одобрением отозвался о самой этой теме, назвав ее «актуальной, широкой и заманчивой» [40], и заботливо следил за ее выполнением и продвижением. Он был также научным консультантом ряда докторских и кандидатских диссертаций с украинской тематикой. Большой интерес вызывали у ученого также работы украинских языковедов по изучению устной (разговорной) украинской речи — посвященные этой проблеме научные конференции, созданные монографии и сборники. Доклад директора Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР по этой проблеме [41] был предметом обсуждения на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР при участии академиков В. В. Виноградова, Н. И. Конрада, В. М. Жирмунского, членов-корреспондентов АН СССР Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова, С. Г. Бархударова, В. И. Борковского и других ученых-лингвистов, давших высокую оценку проводимым исследованиям в этой области. Живое участие в обсуждении связанных с темой вопросов принял В. В. Виноградов, рассматривая факт повышения культуры речи советского народа как следствие осуществления культурной революции в нашей стране.

При рассмотрении круга проблем, связанных с украинской и украинско-русской тематикой, В. В. Виноградов прежде всего выделял методологическую основу их, подчеркивая общность происхождения и исторического развития русского и украинского языков. В рецензии на «Русско-украинский словарь» 1948 г. он писал, что этот словарь «...ярко показывает смысловую общность, идеологические соответствия в системах современных — русского и украинского — языков» [42]. Подходя к вопросам общности языкового материала в глубоком профессионально-лингвистическом плане, он подчеркивал и возможность различий: здесь «... особенно важны наблюдения над стилистическими сферами употребления однотипных слов в том и другом языке, ...особенное внимание должно быть

---

[39] В. В. Виноградов, Проблемы литературных языков..., стр. 128.

[40] Из архива АН СССР, ф. 524, оп. 14, ед. хр. 76, л. 23.

[41] См.: И. К. Белодед, Теоретические проблемы изучения украинской устной литературной речи, ИАН ОЛЯ, 1964, 6.

[42] «Советская книга», 1950, 2, стр. 92.

обращено на управление слов и на точный перевод этого управления...» [43]. В рецензии подчеркивается, что живой, актуальный характер придают словарю разнообразие и семантическое богатство всех жанров современного украинского литературного языка.

Итак, украинский язык, украинское языкознание занимает в исследованиях и научно-организационной деятельности академика В. В. Виноградова большое место. Материалы украинского языка являются одним из основных компонентов в построении его общеславянской историко-литературной языковой концепции, а это не замедлило сказаться также в ряде других направлений его исследований — таких, как история русского литературного языка, грамматические штудии, наука о языке художественной литературы, в частности стилистика языка и речи, наука о культуре речи в широком плане.

Работы академика В. В. Виноградова о восточнославянских языках (особенно его книга «Великий русский язык») характеризуют его как талантливого и глубокого исследователя истории русского, украинского, белорусского народов, общей исторической судьбы в их борьбе и стремлениях, в строительстве новой жизни. В этих работах он предстает перед нами ученым-интернационалистом, четко понимавшим процессы развития культур и языков этих народов в их взаимодействии, взаимовлиянии, широко осветившим особое значение русского языка в развитии украинского и белорусского языков. С подобных же позиций В. В. Виноградов подходил к изучению культур, языков всех народов и народностей СССР, причем подобный подход сказался как в научном творчестве, так и в научно-организаторской деятельности ученого. Символично, что именно при его содействии и под его редакцией был создан монументальный пятитомный труд ученых советского многонационального языкознания — «Языки народов СССР».

Выступая с докладами на многих международных встречах ученых-лингвистов, особенно на международных конгрессах славистов, академик В. В. Виноградов, пользовавшийся большим международным авторитетом, неизменно привлекал внимание научной общественности к советским языковедческим концепциям. В. В. Виноградов своим творчеством активно содействовал расцвету многонационального языкознания своей страны, в том числе и украинского, развитию языковедческой науки во всем мире.

---

[43] Там же.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Ю. ШВЕДОВА

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕГО ПАРАДИГМ[1]

В «Грамматике» 1970 г. (далее — Гр70) предложено формальное описание структурных схем простого предложения и его парадигм, теоретическими основаниями которого являются положения: 1) о необходимости разграничения формального и функционального аспектов и о примате в грамматическом описании аспекта формального — в обязательном сочетании с характеристикой семантики форм и их функций; 2) о структурной схеме предложения как об элементарном грамматическом образце, имеющем свою собственную организацию и свое собственное значение; 3) о существовании системы форм предложения — парадигмы, выявляющей частные стороны его грамматического значения — предикативности; 4) о грамматической природе парадигмы предложения и о необходимости отграничения ее от тех многообразных и не всегда собственно граматических связей и отношений предложения, которые можно назвать его «полем»; 5) о несовпадении в предложении категорий его грамматической и семантической структуры и о наличии целых комплексов ограничений, накладываемых семантикой предложения на его грамматическое поведение.

Как сами эти положения, так и их практическое осуществление в Гр70 вызвали обсуждение и споры [2]. Это заставляет дополнительно обосновать принятые решения и сопоставить их с другими возможными решениями.

---

[1] Настоящая статья является кратким ответом на отзывы и замечания, высказанные по поводу построения раздела «Простое предложение» в «Грамматике» 1970 г. Этот ответ по условиям места не может охватить всех проблем, вокруг которых развернулись споры. Здесь выделены два центральных вопроса. Проблемам детерминации предложения автор посвящает отдельную статью (ФН, 1973,5). Практические ответы на многие пожелания и предложения читатели найдут в выпущенном Институтом русского языка АН СССР «Проспекте „Русской грамматики“» (М., 1972, ротапринт).

[2] Гр70 получила разбор и оценки в следующих публикациях: 1) Н. П. Билимович, Префиксальное глагольное словообразование в современном русском литературном языке, сб. «Русское словообразование» («Труды Самаркандск. ун-та», Новая серия, 209), Самарканд, 1972, стр. 301—309; 2) А. В. Бондарко, В. И. Кодухов, О новой модели описания грамматического строя русского языка, ВЯ, 1971, 6, стр. 31—45; 3) Д. Ворт, Морфотактика и морфофонемика, сб. «Актуальные проблемы русского словообразования. I. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сент. 1972 г.)», Самарканд, 1972, стр. 397—403; 4) его же, Морфонология нулевой аффиксации в русском словообразовании, ВЯ, 1972, 6; 5) К. В. Горшкова, М. В. Панов, А. С. Попов, К проблемам грамматики современного русского литературного языка, ИАН ОЛЯ, 1972, 4, стр. 328—339; 6) И. Н. Кручинина, [Хроника симпозиума, посвященного обсуждению «Грамматики» 1970 г.], ВЯ, 1972, 3, стр. 159—166. Стенограмма симпозиума (машинопись) находится в секторе грамматики и истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР; 7) М. Кубик, К вопросу о классификации простого предложения в новой академической грамматике русского языка, «Československá rusistika», XVII, 1972, 2, стр. 65—69; 8) Ю. В. Люкшин, Обсуждение «Грамматики современного русского литературного языка» на кафедре русского языка ЛГУ, ФН,

1. Вопрос о принципах выделения и разграничения структурных схем простого предложения — один из центральных вопросов синтаксиса. Прежде всего он важен для описательной грамматики, которая, если она претендует на хотя бы относительную полноту, обязательно должна содержать в себе исчерпывающий список этих схем. В первую очередь здесь следует решить вопрос о границах схемы, т. е. о том, где проходит раздел между строевыми компонентами самой схемы и ее облигаторными распространителями. Известно, что здесь определились сейчас — в самом общем виде — два возможных решения: 1) элементарной схемой предложения считается нераспространенная структура, обладающая грамматической достаточностью (т. е. такая конструкция, ни один из компонентов которой не может быть изъят без того, чтобы сама эта конструкция не разрушилась как грамматическое единство), а все ее распространители, включая и информативно облигаторные, выводятся за границы схемы как минимальной структуры; 2) элементарной схемой считается структура, обладающая грамматической и информативной достаточностью; поэтому все информативно облигаторные распространители считаются обязательными компонентами схемы. Соответственно, согласно первой точке зрения, в предложении *Брат пишет письмо* реализуется схема N_1 — Vf, а имя в вин. падеже является облигаторным распространителем глагола; в предложении *С женщиной обморок* реализуется номинативная схема (N_{N_1}), а твор. падеж со значением субъекта является распространителем предложения, необходимым для полного обнаружения его семантической, но не грамматической структуры. Согласно второй точке зрения, оба эти предложения являются нераспространенными, реализующими минимальные грамматические образцы.

Первая точка зрения восходит к сложившемуся в русской грамматической традиции пониманию границ нераспространенного предложения и соотношения предложения и словосочетания. Вторая представляет западноевропейскую традицию; эта точка зрения развивается сейчас и многими советскими языковедами. В Гр 70 принято первое решение. Какие

1972, 4, стр. 104—106; 9) А. И. Моисеев, Грамматика современного русского литературного языка, «Р. яз. в шк.», 1972, 4, стр. 106—113; 10) З. Д. Попова, [рец. на кн.:]. «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, «Р. яз. в нац. шк.»., 1972, 2, стр. 91—94; 11) И. П. Распопов, О так называемых детерминирующих членах простого предложения, ВЯ, 1972, 6; 12) А. Н. Тихонов, С. А. Емельянова, Виды, способы действия и словообразование, сб. «Русское словообразование», стр. 293—300; 13) А. Н. Тихонов, О построении и содержании раздела «Словообразование» в «Грамматике современного русского литературного языка», там же, стр. 286—292; 14) А. Н. Тихонов, Русская морфемика, там же, стр. 282—285; 15) М. Эрельт, Новые течения в русской грамматике, «Язык и литература», Таллин, 1972, стр. 123—125 [на эст. яз.]; 16) В. Н. Ярцева, Н. Д. Арутюнова, [рец. на кн.:] «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, «Вестник АН СССР», 1972, 4, стр. 144—147; 17) Н. Křížková, O. Leška, K nové sovětské mluvnici současné spisovné ruštiny, «Československá rusistika», XVI, 1971, 5, стр. 220—225; 18) J. Puzynina, Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970. Рецензия на разделы «Введение в морфемику» и «Словообразование», «Slavia orientalis», 1972, 2, стр. 231—235; 19) J. Rybák, Poznámky k ireálnej potenciálnej a reálnej podmienke, «Československá rusistika», XVII, 1972, 2, стр. 69—73; 20) J. Wawryńczyk, [рец. на кн.:] «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, «Język rosyiski», 1971, 3 стр. 21; 188) R. Zimek, O nové sovětské akademické gramatice ruštiny, Olomouc, 1971, 70 стр.; 22) Vl. Straková, Zd. Skoumalová, K oddilu tvoření slov v nové sovětské mluvnici ruštiny, «Československá rusistika», 1972, 4; 23) А. Кристенсен, К вопросу о двусоставности/односоставности простых предложений типа *Тишина*, «Scando-Slavica», XVII, 1971, стр. 189—191; 24) E. Sekaninová, Nove pohl'ady na kategóriu slovesného vidu, «Jazykovedný časopis», XXIII, 1972, 2, стр. 192—197. В дальнейшем изложении эти отзывы и рецензии обозначаются соответствующими цифрами.

же возражения оно вызывает? В суммированном виде возражения эти следующие.

1) Схемы имеют морфологический вид, их первичные характеристики и символические изображения обнаруживают морфологизм в описании синтаксического объекта (6 — Н. Д. Арутюнова и др.; 17). Схема предложенья всегда глагольна; поэтому безглагольных схем нет: это эллипсис (6 — Л. С. Бархударов; 5). 2) В предложенном понимании структурная схема часто представляет коммуникативно недостаточное предложение типа *Я встретил* (друга), *Он очутился* (на улице), *Пушкин — современник* (Гоголя), *Линия А параллельна* (линии Б). Чтобы избежать такой «несмысленности», при определении минимальных схем необходимо учитывать не только левую, но и правую валентность (6 — Т. П. Ломтев, Л. Дежё в др.; 7, 17). 3) Инвентарь схем — очень дробный, в нем не показано соотношение схем по употребительности, они не сгруппированы в функционально взаимосвязанные ряды (6 — Е. Кржижкова, Р. Ружичка, Д. Н. Шмелев и др.; 2, 5, 17). 4) При характеристике схем не учитывается семантика предложений, строящихся по этим схемам; внимание к этой стороне необходимо вызвало бы дальнейшую дифференциацию обобщенно представленных грамматических образцов (6 — Д. Н. Шмелев и др.; 2). 5) В понимании границ схемы обнаруживается противоречие: в некоторых случаях в состав схемы вводятся распространители: *Этого разговора не миновать*; *Денег не достать* (6 — Е. Кржижкова; 7, 17); *Он поступил директором*; *Она лежит больная* (7). 6) Отсутствует четкое разграничение свободных и фразеологизированных схем; эти последние не нашли точного определения (6 — Т. А. Тулина, Г. А. Золотова).

Соответственно предлагается: трактовать структурную схему предложения как всегда имеющую в своем составе глагол; все так называемые безглагольные схемы рассматривать как эллиптированные, с незанятой позицией Vf; расширить границы двухкомпонентных схем до трех- и четырехкомпонентных, включив в состав схемы все ее облигаторные распространители; положить в основу разграничения схем не только их формальный вид, но и семантические типы строящихся на их основе предложений; пересмотреть самый инвентарь схем в направлении их большей дифференциации, а в некоторых случаях, напротив, обобщения; уточнить понимание компонента схемы, определить точно понятие фразеологизированной схемы в ее отличии от схемы свободной.

Обратимся к анализу этих критических замечаний и рекомендаций.

Безусловно справедливы все замечания, касающиеся отсутствия в Гр70 четкого определения фразеологизированных структурных схем, самого понятия синтаксического фразеологизма; замечания о том, что схемы не представлены как группирующиеся в определенные синтаксические блоки (например, Adv_q Gen: *Много народу* и Gen.: *Народу!*); о том, что в отдельных случаях возможен пересмотр самой номенклатуры схем. Верно также, что наряду с собственно формальными целесообразны и функциональные группировки материала, при которых «синтаксический чемодан» окажется «уложенным удобно для пользования» (6—Н. Д. Арутюнова). Это — особая задача, осуществление которой станет возможным только тогда, когда будут фронтально изучены все типы семантических структур предложений разной грамматической организации.

В то же время осуществление других рекомендаций было бы возможно лишь при условии отказа от принятого в Гр70 понимания самой природы предложения, действия в его пределах разных «механизмов» языковой системы, соотношения в грамматике формы, ее значения и назначения.

1) В русской грамматической традиции, начиная с Шахматова, укрепилось признание безглагольных предложений как самостоятельных и полных синтаксических конструкций, имеющих статус абстрактных грамматических образцов. Осуществленные во многих трудах разносторонние и многоаспектные изучения материалов как письменной, так и разговорной речи, современных и относящихся к предшествующим периодам развития русского языка, доказали научную обоснованность такого понимания и обнажили всю искусственность «удобной» и облегченной трактовки русских безглагольных предложений как эллиптированных образований [3]. Поэтому в Гр70 безглагольные схемы предложений описываются как самостоятельные образования, без обращения к идеально примысливаемому глаголу. Тезис о том, что в русском языке «безглагольные предложения вряд ли возможны» (5; см. также 23), звучит по меньшей мере как ничем не подтверждаемый анахронизм.

На каких основаниях выводятся в Гр70 структурные схемы простого предложения? Таким основанием служит совокупность следующих признаков: 1) формальная организация, т. е. определенным образом соположенные словесные компоненты — формы слов тех или иных категорий (в однокомпонентных схемах — одна форма); 2) отношение, возникающее между этими компонентами (в неоднокомпонентных схемах) 3) грамматическое значение, присущее схеме предложения как абстрактной языковой единице (предикативность); 4) система форм (парадигма); 5) непарадигматические модификационные свойства (виды регулярных реализаций). Эта многоаспектная характеристика в необходимых случаях дополняется указанием на дистрибутивные свойства (детерминация) и на лексико-семантические ограничения или их отсутствие.

Морфологично ли такое описание, строящееся на целом комплексе формальных, абстрактно-смысловых и «поведенческих» признаков предложения? Представляется, что морфологизм здесь можно усмотреть только в том случае, если остановиться на первом шаге описания, т. е. на символическом изображении схемы, и не видеть всех последующих. Символическое изображение схемы, действительно, не включает в себя ни индекса отношения (в двукомпонентных схемах это может быть стрелка, указывающая на направление зависимости, которое, кстати, не всегда можно установить; но в однокомпонентных схемах такой индекс уже исключен; следовательно, индекс отношения не может быть введен в символическое изображение схемы как обязательный и всеобщий), ни индекса значения, ни индекса наполнения, ни индексов дистрибуции и разнообразного синтаксического поведения. Конечно, можно представить себе такое изображение схемы, которое включит в себя все такие специально придуманные индексы; это изображение будет „синтаксичным“, но крайне сложным и непонятным. В Гр70 за формулой, изображающей внешнее устройство схемы, стоит понимание ее как многомерной синтаксической единицы и, соответственно, многоаспектный анализ: рассмотрение внешней организации схемы (здесь «морфологизм» кончается), отношений между ее компонентами, ее грамматического значения, правил ее наполнения, ее дистрибутивных свойств, ее парадигмы, ее регулярных реализаций и ее функций.

Если бы оппоненты показали, что в Гр70 на основании чисто внешнего вида представлены как отдельные, самостоятельные такие схемы, которые объединяются общностью всех других перечисленных характеристик, то тогда следовало бы поставить вопрос о единстве их грамматического типа,

---

[3] Этот вопрос хорошо изложен в ст.: Н. Савицкий, О синтаксическом типе *Деньги есть/денег нет* в русском и украинском языках, «Československá rusistika», XVII, 1972, 4.

т. е. об объединении таких схем в одну — конечно, только при условии определенных черт общности их исходной формальной организации.

2) Странно было бы отрицать тот факт, что предложения *Я встретил Я очутился*, *Линия А паралелльна*, *Пушкин — современник* и т. д. для коммуникативной достаточности требуют распространителя. Но распространителя ч е г о? Любой словарь покажет на большом и достоверном материале, что слова *встретить*, *очутиться*, *параллельный* и т. д. необходимо требуют распространителей: глагол *встретить* сильно управляет вин. падежом, при глаголе *очутиться* осуществляется связь сильного примыкания (*очутиться где*, *у кого*, *в каком месте*), *параллельный* требует *чему* и т. д. Это — сильные присловные связи, исходящие от с л о в а в любой его позиции в предложении: *Встретить друга радостно*; *Очутившиеся в западне искали выхода*; *Он начертил линию Б, параллельную линии А* и т. д. Самоочевидности присловного характера подобных связей не может быть противопоставлено ничего, кроме чисто умозрительной и недоказуемой идеи об инкорпорированности в таких конструкциях целых предложений.

Если включать сильные присловные связи — и соответствующие позиции зависимых форм — в структурную схему предложения, то, помимо того, что это будет ошибкой по существу (так как синтаксические потенции слова принадлежат другому уровню синтаксиса, нежели строение предложения), количество структурных схем предложения не только возрастет до количества типов сильных присловных связей, но и должно будет быть еще помножено на число всех других схем с теми же распространителями. Так, например, разными схемами окажутся: 1) *Я* (*много*) *читаю*; 2) *Я читаю книги*; 3) *Я читаю о космонавтах*...; соответственно: 1) *Мое любимое занятие — читать*; 2) *Мое любимое занятие — читать книги*; 3) *Мое любимое занятие — читать о космонавтах*... Точно так же разными схемами будут: 1) *Мать беспокоится*; 2) *Мать беспокоится о детях*; 3) *Мать воспитывает детей*; 4) *Мать все отдает детям*... Соответственно разными схемами окажутся: 1) *Удел матерей — беспокоиться*; 2) *Удел матерей — беспокоиться о детях*; 3) *Удел матерей — воспитывать детей* ; 4) *Удел матерей — все отдавать детям* и т. д. и т. д. Не ясно ли, что такое описание, сместив и исказив реальную картину отношений между синтаксическими потенциями слова и абстрактными образцами предложения, окажется, во-первых, лишенным своего собственного объекта; во-вторых, бесконечно дублирующим типы распространителей, изображаемых как элементарные составляющие самой схемы; в-третьих, принципиально неисчерпывающим, так как валентностные возможности слов — сфера открытая: на наших глазах постоянно возникают все новые и новые сильные присловные связи (в отличие от структурных схем предложения, обладающих исключительной стабильностью).

Предложения *Я очутился здесь*, *Я встретил друга*, *Я слыву чудаком* (*за чудака*), *Я нахожусь в городе*, *Я читаю книгу*, *Я беспокоюсь о детях* построены по одной и той же элементарной схеме: N_1 — Vf; финитные глаголы, занимающие в них позицию сказуемого, своими собственно словесными свойствами с необходимостью предопределяют наличие при них распространителя, который при других глаголах (*Я сплю*, *Я гуляю*) окажется необязательным. Относить подобные случаи к элементарной грамматической типологии предложений — значит снимать проблему синтаксических потенций слова (реализующихся, естественно, прежде всего — но не единственно! — тогда, когда слово в той или иной своей форме входит в предложение и занимает в нем определенную позицию) [4].

[4] Углубленная разработка «семантических формул» (SF) глаголов у Фр. Данеша (F. D a n e š, Pokus o strukturní analýzu slovesných významů, SaS, 1971, 3) следующим

Бесспорно, что на семантическом (содержательном) уровне присловное «происхождение» распространителей оказывается несущественным: семантическая структура предложений *Я очутился здесь* или *Я встретил друга* элементарна, так же, как элементарна семантическая структура предложений с детерминантами типа *Мне холодно*, *Ученику надоело в школе*. Грамматический и семантический аспекты при анализе предложения должны не смешиваться, а последовательно разграничиваться: каждый из них имеет свои собственные категории и свои собственные минимальные образцы.

В связи с вопросом о месте распространителей в предложении следует сказать о случаях типа *Этого разговора не миновать*, *Города не узнать*. В негированных инфинитивных предложениях со значением невозможности формы род. падежа не относятся к сфере присловных связей, так как, во-первых, негация и, соответственно, предопределенные ею формы всегда относятся к уровню предожения; во-вторых, на уровне реализаций синтаксических потенций слова значения невозможности не возникает. Верно то, что в Гр70 эти случаи не объяснены, а просто названы, и это создает видимость противоречия. Что же касается случаев типа *Она лежит больная*, то здесь позицию сказуемого занимает группа, возникающая в предложении в результате сочетания глагола и прилагательного в целостный сказуемостный комплекс (связь не присловная; см. §§ 1294 и 1445).

3) В Гр70 нет рассмотрения предложений под семантическим углом зрения; там не определяются ни категории семантической структуры предложения, ни самые типы этих структур. Это — недостаток, но не упущение, так как систематическое изучение семантической структуры русского и — шире — славянского предложения только начинается, и эти изучения пока не дают материалов для хотя бы предварительных обобщений. Безусловно, семантические характеристики позволили бы тоньше дифференцировать материал и отвели бы упреки в чрезмерной обобщенности описания (прежде всего — в области правил детерминации предложения, его парадигматики и регулярных реализаций). Такие характеристики должны найти место в описательной грамматике. Однако, введя новый аспект описания, семантические характеристики в принципе не изменят принятых критериев для выделения структурных схем предложения и самой их номенклатуры. Уже сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что элементарные категории семантической структуры предложения не совпадают с категориями его грамматической структуры и далеко не всегда на них накладываются. Анализ детерминантов и присловных распространителей с субъектным, субъектно-локальным, объектным значением свидетельствует о том, что такие категории семантической структуры предложения, как субъект и объект, свободно формируются за пределами элементарной грамматической структуры предложения. Поэтому неубедительны аргументы в пользу включения субъектных детерминантов в минимальную грамматическую схему предложения [5].

шагом необходимо предполагает типологию глагольных валентностей, на которую будет опираться «семантическая формула предложения». Установив на основе семантической типологии глагольного слова все его сильные правовалентные распространители (левовалентные распространители дадут гораздо более обобщенные классы, совсем иначе дифференцированные как грамматически, так и семантически), исследователь окажется перед необходимостью либо пересмотреть свой тезис о включении N_4 в грамматическую схему предложения, либо весьма существенно расширить круг таких схем, включив в него все случаи с сильной приглагольной связью.

[5] Опыт семантического анализа предложения на основе этих теоретических положений см.: Н. Ю. Шведова, О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов», М., 1973.

Исходя из тезиса о глубоком внутреннем различии категорий грамматической и семантической структуры предложения, подтверждаемого в последние годы работами исследователей, идущих разными путями к изучению одного и того же лингвистического объекта, мы не можем признать конструктивными рекомендации о включении субъектных и объектных распространителей в число показателей, разграничивающих элементарные грамматические образцы предложения.

2. Понятие парадигмы предложения было введено почти одновременно учеными разных направлений; в это понятие вкладывается разное содержание [6]. Каковы бы ни были разногласия, современная описательная грамматика уже не может обойти молчанием вопрос о парадигме предложения. В Гр70 впервые дано описание синтаксических парадигм, понимаемых здесь как системы форм предложения, объединенных общим значением предикативности и обнаруживающих разные ее стороны как те или иные грамматикализованные соотношения объективно-модальных и временны́х значений.

Были отмечены достоинства и недостатки избранного решения. Здесь мы суммируем и рассмотрим только критические оценки. Возражения сводятся к следующему.

1) Парадигма морфологична: синтаксические изменения подменяются изменениями глагола. Если бы для исходной формы было введено необходимое понятие «нуля глагола», то вообще не о чем было бы говорить, так как перед нами предстала бы глагольная парадигма в ее чистом виде (6 — Е. В. Падучева и др.; 5, 8). То, что парадигма предложения представлена на основе парадигмы глагола противоречит «правилам изоморфизма разных уровней», так как на других уровнях, например, в морфологии, парадигма создается не формами единиц предшествующего уровня, а разными его единицами (6 — А. И. Моисеев). 2) Парадигма мнима: в синтаксическом индикативе сама схема не изменяется, следовательно, показанные формы нельзя считать изменениями схемы; в ирреальных же наклонениях появляются новые схемы (*Ночь — Была ночь*); следовательно, и здесь нет изменения схемы (6 — А. В. Бондарко, В. А. Ицкович; 2, 5). 3) Количество форм предложения — семь — установлено произвольно: их может быть и меньше, и больше. Следовало бы включить в число форм предложения-модификации с лексически выраженной долженствовательностью, необходимостью, возможностью и т. д.: *Я еду — Я должен* (*могу*, *готов...*) *ехать* (6 — В. И. Чернов), отрицательные и вопросительные предложения, глагольно представленные изменения лица, разные способы актуализации (6— Г. А. Золотова, И. П. Распопов), пассив (6 — Л. С. Бархударов). 4) Парадигма «заняла абсолютистские позиции». На деле она есть далеко не у всех предложений: все виды синтаксической ирреальности лишены временны́х значений и, следовательно, не подходят под принятое содержательное определение парадигм (6 — В. И. Чернов). 5) В описании отдельных форм предложений — побудительной, долженствовательной — не учитываются транспозиции, которые не позволяют трактовать эти формы как самостоятельные синтаксические образования (6 — Н. Савицкий, 17). 6) В парадигму попадают искусственные, «специально придуманные» конструкции (2, 5, 6). 7) Не объяснены причины неполноты парадигм (6 — Г. А. Золотова и др.). Рассмотрим эти возражения.

1) При том понимании структурной схемы предложения, которое принято в Гр70, формообразующим средством в парадигме выступает не

---

[6] См.: Ю. М. Костинский, Вопросы синтаксической парадигматики, ВЯ, 1969, 5. См. также: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 336—339, где отмечены преимущества решения, предложенного в Гр70.

только глагольное слово, но и синтаксические частицы: *бы* (и ее модификации), *пусть*, *пускай*, устар. *да*, а также порядок соположения компонентов. Формы синтаксического индикатива образуются комбинацией двух единиц: самой схемы и глагольного форманта (место форманта по отношению к компонентам схемы грамматически определено). В схемах с Vf таким формантом оказывается форма самого глагола с его временны́м значением (ср. известный тезис Ельмслева об отнесенности глагольных морфем к предложению в целом); в схеме без Vf — служебное глагольное слово, вводимое по определенным правилам. Формы ирреальных наклонений образуются комбинацией глагольных форм, синтаксических частиц и формально значимого соположения компонентов схемы. Перед нами — формообразующее действие разных единиц предшествующего (морфологического) уровня в сочетании с собственно синтаксическими факторами. Таким образом, форма предложения, подобно форме слова, строится сочетанием «основы» (структурной схемы) с некиим служебным формантом, несущим частное грамматическое значение: в слове — морфологическое (числовое, личное и т. п.), в предложении—синтаксическое (объективно-модальное и временное).

2) Признавание безглагольных схем абстрактными грамматическими образцами (см. выше) несовместимо с введением *есть* в предложения типа *Ночь темна*, *Всего вдоволь*, *Мороз* и т. п. Значимое отсутствие гла́гола (понятие «нулевого глагола» в Гр70 не вводится именно потому, что за ним стоит эллипсис) — это не «опущение» или «подразумевание» глагола, а отсутствие его позиции в схеме. Поэтому *был*, *будет* в формах прошедшего и будущего времени выступают не как представители позиции глагола в схеме, а как свободно вводимые и выводимые чисто служебные временны́е показатели.

Признавая предложения типа *Ночь* полной реализацией безглагольной схемы, мы, вслед за В. В. Виноградовым, не можем видеть во втором члене соотношения *Ночь* — *Была ночь* реализацию схемы N_1 — Vf. В этом соотношении *Была ночь* двусоставно лишь внешне: оно не представляет видоизменения двусоставной глагольной схемы. А. Кристенсен (23), сопоставляя формулировки из наших статей разных лет, приходит к выводу о колебаниях и о противоречивости решения этого вопроса в Гр70. Верно, что в первых статьях, посвященных парадигме предложения, формулировки могли бы быть более точными. Однако по существу своему решение не менялось. Противоречие усматривается в том, что, признавая в *Была тишина* формальную двусоставность (как же можно ее отрицать?), мы видим здесь все же одно из видоизменений односоставного предложения. Так оно и есть. Оппоненты (5, 6,23 и др.) обязательно хотят видеть в *Была тишина* полнозначность глагола (=«существовала»). Но при этом забываются два важные обстоятельства.

а) Вопрос этот неправомерно решать только по отношению к одному данному типу так называемых односоставных предложений (N_{N_1}). Сопоставимы ряды (1) *Холодно—Зима—Пора ехать—Здесь не пройти — Времени мало* и (2) *Было* (*будет...*) *холодно — Была* (*будет...*) *зима — Пора было/была* (*будет....*) *ехать — Здесь было* (*будет*)... *не пройти — Времени было* (*будет...*) *мало*. Никто не возражает против того, что во всех членах второго ряда, кроме *Была* (*будет*) *зима*, глагол выступает в роли формального временного показателя, и только в *Была* (*будет*) *зима* его служебность отрицается. Между тем само соотношение рядов (1) и (2) уже говорит о том, что односоставные предложения разных типов свободно и нормально принимают в свой состав формы глагола *быть* в его служебном значении как показатели синтаксического времени. По отношению к *Была* (*будет*) *зима* сложность

заключается в совпадении вторых членов двух разных соотношений: а) *Есть зима* (— *Зима-то хоть у вас там есть?—Есть зима, как же*) — *Была зима* и б) *Зима* — *Была зима* и, как следствие, в возможном неразличении лексико-грамматического качества глагола в отдельных речевых ситуациях (впрочем, в таких ситуациях вступают в действие, во-первых, различительные средства актуализации — словопорядок и интонация, во-вторых, дистрибутивные свойства предложений; ср. темпорально-квантитативную детерминацию как показатель полнозначности глагола: *Ветер подует с берега, зашуршат метелками промороженные тростники. И долго, очень долго будет зима* (В. Белов, Привычное дело). Но нет никаких оснований для того, чтобы, перед лицом реального двучленного соотношения *Есть зима* — *Зима*, отрицать внутреннюю двузначность комплекса *Была зима*, т. е. его способность представлять формы прошедшего времени этих двух разных предложений и, соответственно, «заложенность» в этом комплексе разного лексико-грамматического качества глагола *быть*.

б) Почему-то все споры ведутся только вокруг одного семантического типа так называемых номинативных предложений — собственно бытийных. По-видимому, принимается как бесспорное положение о том, что другие семантические типы в пределах той же структуры не принимают глагола *быть* в формах прошедшего и будущего времени (В. Грабе, А. Е. Михневич и др.). Однако это неверно: эти формы принимаются и другими — разными — семантическими типами номинативных предложений [7]. Вот только два из очень многих возможных примеров: *Кот .... сделал попытку полезть еще выше, но дальше был потолок* (Булгаков, Театр. роман, 1, 12); *А Красаки место большое: перейти низину, будет новый холм, а там еще* (М. Пришвин, Бабья лужа, II). Формообразующая роль глагольного слова здесь очевидна. Конечно, в речи есть случаи «неразличения»; однако они не могут изменить общей грамматической картины.

3) Парадигматические изменения предложения на модально-временной оси обнаруживают частные значения предикативности — реальность и ирреальность, с дальнейшими внутренними грамматическими делениями, которые представляют частные синтаксические категории внутри общей категории предикативности (временно́е значение в формах ирреальных наклонений есть: это значение временно́й неопределенности, противопоставляющее их формам синтаксического индикатива, объединенных значением временно́й определенности). Эти категории имеют узкий, собственно грамматический круг средств своего выражения (см. о формах предложения в Гр70 — §§ 1354—1356). Принадлежащие языковой системе разные соотношения этих — и только этих — средств, закрепившие за собой определенные абстрактные грамматические значения, образуют закрытую систему форм предложения. Эта система восьмичленна (в Гр70 в целях облегчения изложения из состава парадигм исключены формы условного наклонения, никогда не употребляющиеся в независимой позиции; см. об этом на стр. 582). Она — в разных своих воплощениях (полнота/неполнота парадигм) — охватывает все типы предложений, имеющих формоизменение. Поэтому произвольным оказывается не установление границ этой грамматической системы так, как она дана в языке, а стремление расширить или сузить эту систему на основании неясных представлений о том, что же является собственно грамматическим из-

[7] Материалы см. в нашей статье «О соотношении грамматической и семантической структуры предложения».

менением именно данной структурной схемы предложения и где кончается это изменение и начинаются явления совсем другого порядка: во-первых, функциональные соотношения данной схемы с другими схемами (*Есть деньги — Нет денег*); во-вторых, соотношения разных моделей актуализации (*Пóезд идет — Идéт поезд*); в-третьих, лексические введения, меняющие заодно и грамматический тип предложения (*Я еду — Я должен ехать*); в-четвертых, далеко не универсальные правила негации; в-пятых, ограниченные определенной группой глаголов семантико-грамматические соотношения внутри одной и той же структурной схемы предложения (актив — пассив); в-шестых, вообще не имеющие отношения к синтаксической парадигме изменения личных форм глагола в сказуемом, диктуемые личным значением подлежащего (*Я еду — Ты едешь — Он едет*); в-седьмых, наконец, разнообразные субъективно-модальные осложнения, наслаивающиеся на грамматическое значение формы.

Если бы оппоненты указали, что при определении состава парадигм в Гр70 были упущены какие-то характеристики того же уровня, к которому относятся собственно грамматические средства формирования синтаксических объективно-модальных и временны́х значений, они были бы правы. Но таких указаний не последовало. Те же рекомендации, которые основываются на неразличении границ между грамматической парадигмой предложения и его функционально-смысловым «полем» (пусть в ряде случаев отдельные сегменты этого «поля» и имеют свои формальные характеристики), при описании грамматической парадигмы нельзя признать конструктивными. В то же время несомненно, что функциональный синтаксис не может обойтись без изучения такого «поля» и без его всесторонних характеристик, объединяющих разные аспекты: грамматические, лексические, собственно коммуникативные.

4) Вопрос о транспозициях — не бесспорный [8]. Тезис о том, что долженствовательное значение предложений, строящихся с так называемой «формой 2-го лица ед. числа повелит. накл.», возникло как перенос повелительного значения,— антиисторичен. В современном языке значение долженствовательности также существует не как переносное. Конструкции с формой на *-и*, *-ь* предстают в пяти самостоятельных значениях: 1) побудительность, 2) долженствовательность, 3) условность, 4) желательность и 5) неожиданность и завершенность одноразового действия в прошлом; генезис последнего значения ставит его на грань омонимии с первыми четырьмя значениями, представляющими многозначность. Что же касается транспонирования побудительности в значение согласия, допущения, принятия (*Пускай боль*!), то это — одна из широко и свободно реализующихся функций данной формы, нисколько не ослабляющая ее основного грамматического значения (ср. речевую транспозицию синтаксических форм желательности в семантическую сферу отрицания: *Хоть бы позвонил*! значит «не позвонил»; *Хоть бы глоток воды*! значит «ни глотка воды», или форм побудительности в семантическую сферу долженствования: *Пусть никто не играет с огнем!* значит «никто не должен...»).

5) Парадигма предложения в Гр70 строится с учетом двух форм литературного языка — письменной и разговорной, внутри письменной формы — с учетом разных функциональных стилей, поэтической речи и т. д. Естественно, что в парадигме, представляющей языковые противопостав-

---

[8] См.: Н. Ю. Шведова, О долженствовательном наклонении, сб. «Синтаксис и норма» (в печати); ее же, Синтаксическое желательное наклонение, сб. «Современные проблемы литературоведения и языкознания» (в печати).

ления в целом, оказываются объединенными формы разного стилистического качества, разной степени употребительности (это специально оговаривается в §§ 1356—1357): важно, что они образуются и, значит, занимают свое место в системе. Многие явления, фиксируемые в записях разговорной речи, в письменных источниках не фиксируются. Упрек в придумывании искусственных форм — тяжелый упрек для языковеда. Поэтому мы вынуждены привести здесь хотя бы некоторые материалы, подтверждающие возможность образования тех форм, которые в Гр70 даны без «оправдательных» цитат.

В. И. Кодухов (2) полагает, что «высказывание» типа *Начинает становиться не о чем говорить* «искусственно»; по-видимому, искусственным кажется сочетание фазового и связочного глагола в односоставном предложении без Vf. Но см. у Л. Толстого: *Скоро перестало быть слышно барабаны* (Посмертные записки старца Федора Кузьмича, 1). Фазовые глаголы вообще довольно свободно входят в реализации схем, создавая кажущиеся на первый взгляд необычными сочетания, например: *Париж вдруг представился каким-то скучным, так что даже и побывать в нем вдруг перестало хотеться* (Булгаков, Театр. роман, 1, 5). Нет сомнения, что если бы Гр70 дала модель реализации схемы Vf_{3s} Inf (*Хочется побывать*) с фазовым глаголом (*Перестало хотеться побывать*), то и здесь последовал бы упрек в искусственности такого образования.

Многих смущают формы долженствовательности с *будь*. Искусственными кажутся формы типа *У нас будь тишина* (а вам можно шуметь?), *В доме всегда будь тепло* (а сам даже дров не принесет), *И дом будь ее, и сад* (а мы — куда хочешь). Эти примеры почерпнуты из записей разговорной речи. Но см. в письменном источнике: *До религии правительству не более дела, как до поваренного искусства: будь покорность законам, а желудок и совесть должны быть совершенно свободны* (П. Вяземский — А. Тургеневу, 6 дек. 1818 г. Ост. архив, I). В письменной речи широко фиксируются такие формы с условным значением: *Стала бы Дуся ругаться с директором, будь в цехах тепло?* (К. пр. 4 X 69). А. С. Попов (5) считает «специально придуманной» форму *Пусть прибывает народу*! Но ср.: *Сестра выставляет под стреху кленовый ушат — пускай насобирается дождевой воды* (Пр. 14 I 73). В записи разговорной речи: *Ей все время денег не хватает. — Как это не хватает? Надо укладываться. Пусть хватает.* С отрицанием: *Спеши на выручку, других зови, Пусть не найдется душ глухих и жестких*! (А. Яшин, Твоя родина). Автору этих строк пришлось принять упреки в «искусственности» форм желательного наклонения типа *Не приведись тебе увидеть такое*! *Окажись бы рядом друзья*! Но см. у А. Твардовского: *Но если было суждено Все это, все в зачет, Не доведись хоть то одно, Чему еще черед. Не доведись вам за войну, Жена, сестра иль мать, Своих живых солдат в плену Воочью увидать* (Дом у дороги, V); *Она долго не решалась. Никому не приведись судом у родных детей помощи требовать* (ВМ, 25 X 72). Можно было бы продолжить эти перечни. Однако думается, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы предостеречь против поспешных суждений об «искусственности» тех или иных кажущихся необычными форм: редкость фиксаций, яркая стилистическая окрашенность, принадлежность живой разговорной речи (к которой часто еще, к сожалению, подходят с меркой привычных стандартов речи письменной) не делают приведенные формы ни ошибочными, ни тем более «придуманными» и не выводят их за пределы общеязыковых отношений.

6) Причины неполноты парадигм лежат в сфере семантики предложения. В Гр70 нет описания семантической структуры предложения, поэтому в главах о парадигмах отсутствуют объяснения причин их неполноты. Вопрос этот требует больших специальных исследований.

Авторы «Грамматики» 1970 г. неоднократно подчеркивали, что они ни в коей мере не претендуют на единственность и окончательность своих решений. Гр70, введя большое количество новых, ранее не фиксировавшихся в грамматиках материалов и предложив их нетрадиционные классификации, стимулировала оживленное обсуждение центральных вопросов теории. В ходе этого обсуждения оказались непосредственно сопоставленными самые разные научные концепции. И в первую очередь в этом нужно видеть значение этой книги.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

Н. С. АВИЛОВА, С. Н. ДМИТРЕНКО, В. В. ЛОПАТИН,
В. А. ПЛОТНИКОВА, И. С. УЛУХАНОВ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

(фонология, морфемика, словообразование, морфология)[1]

«Грамматика» 1970 г. как по своему материалу, так и по его анализу и характеру изложения отличается от предшествующих грамматических описаний. Построение основных разделов Гр70, предложенные решения ряда спорных проблем, принятые в ней дефиниции, самые методы анализа и описания материала стали предметом обсуждения. Предлагаемая статья является кратким ответом на отзывы и замечания, высказанные по поводу построения разделов «Сведения по фонологии», «Введение в морфемику», «Словообразование» и «Морфология» [2].

1. Раздел «Сведения по фонологии» в Гр70 представляет собой сжатое изложение системы фонем современного русского литературного языка на основе положений московской фонологической школы в интерпретации Р. И. Аванесова. Кроме того, в разделе рассматриваются вопросы, связанные с определением признаков фонем, с установлением функциональной нагрузки противопоставлений фонем. Критические замечания (см. 5, 6) касались в основном следующего: 1) построения раздела; 2) соотношения фонетического и фонологического аспектов при описании системы фонем; 3) определения наличия фонемного противопоставления — на уровне модели или на уровне словоформы; 4) определения функциональной нагрузки фонемного противопоставления.

К. В. Горшкова (5) полагает, что поскольку глава о фонологии в грамматике, как правило, носит подчиненный характер, постольку в нее должны быть включены прежде всего те фонологические сведения, которые могут быть использованы в грамматическом описании. Это вопросы, связанные с выделением фонемных рядов и тождеством морфем в связи с тождеством фонемных рядов. С другой стороны, были выражены пожелания, чтобы в раздел «Сведения по фонологии» были включены также данные о сочетаемости фонем в языке (6 — М. А. Жовтобрюх) и сведения об интонации (6 — Л. Л. Буланин).

Отбор сведений, необходимых для фонологического описания в грамматике, очень сложен. Тот круг вопросов, который К. В. Горшкова определила как предмет фонологического описания в грамматике, вряд ли достаточен. По нашему мнению, раздел должен содержать описание системы фонем современного русского литературного языка с подробным освещением вопроса о выделении фонемных рядов и о тождестве морфем. Включение же в краткое фонологическое описание разделов о сочетаемости фонем и об интонации не представляется нам возможным, поскольку вопросы эти значительно выходят за рамки того, что можно назвать «сведениями по фонологии».

---

[1] Раздел 1 настоящей статьи написан С. Н. Дмитренко, 2 — В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым, 3 — В. А. Плотниковой и Н. С. Авиловой (вид и залог).

[2] Список рецензий см. в статье Н. Ю. Шведовой. Нумерация их сохраняется.

Как один из существенных недостатков раздела рецензенты отмечают проявляющееся при описании фонемных модификаций неразличение фонетического и фонологического аспектов. М. А. Жовтобрюх (6) полагает, что это неразличение заложено в самом определении фонемы как далее неделимой звуковой единицы, служащей для различения звуковых видов слов и их форм. По его мнению, при таком определении фонемный инвентарь может быть представлен неограниченным числом фонем. В Гр70 дано определение фонемы, учитывающее два существенных момента: во-первых, минимальность (или неделимость) звуковой единицы, и, во-вторых, способность данной единицы дифференцировать звуковые виды слов и их форм. Это последнее свойство позволяет отличить фонему от варианта фонемы (аллофона): только ф о н е м а может дифференцировать звуковые виды слов (словоформ).

К. В. Горшкова (5) отмечает, что в Гр70 при описании системы фонем современного русского языка неправомерно используется принадлежащая В. В. Иванову идея об установлении наличия фонемных противопоставлений на уровне модели, так как идея эта применима лишь к диахроническому описанию фонем. С нашей точки зрения, идея установления фонемных противопоставлений на уровне модели может быть использована и при описании системы фонем в синхроническом плане. Об этом убедительно свидетельствует специально изученный нами материал, касающийся функциональной нагрузки шипящих, свистящих и заднеязычных в современном русском языке. Материал показывает, что смыслоразличительная функция фонемы, определяемая наличием пар словоформ с минимальным различием, в ряде случаев оказывается равной нулю и противопоставление фонем устанавливается на уровне модели. Например, во внутриморфемном положении из десяти противопоставлений фонемы [з'] шесть противопоставлений ([з'] — [ц], [з'] — [ч'], [з'] — [ш], [з'] — [к], [з'] — [г], [з'] — [х]) не представлены на уровне словоформы: противопоставления эти устанавливаются на уровне модели.

Л. Л. Буланин (6) ставит вопрос: могут ли слабые фонемы служить иллюстрацией функциональной нагруженности фонем в фонологических оппозициях, например, пары *ло*[с'] — *ло*[п] — иллюстрацией нагруженности фонем [с'], [п] в оппозиции [с'] — [п]. С точки зрения той фонологической теории, которая лежит в основе описания в Гр70, выделяемые в языке сильные и слабые фонемы имеют разницу в различительной силе: сильные фонемы обладают большей различительной способностью, чем соответствующие слабые фонемы. Поэтому можно сказать, что слабые фонемы в словах *ло*[с'] и *ло*[п] не могут свидетельствовать о функциональной нагруженности фонем [с'] и [п]. Однако сказанное наталкивает на мысль о возможности дифференцированного подхода к определению функциональной нагрузки сильных и слабых фонем [3]. По-видимому, функциональная нагрузка сильных и слабых фонем будет значительно различаться по количеству позиций, в которых осуществляется дифференциация звуковых видов словоформ.

2. В связи с рассмотрением разделов «Введение в морфемику» и «Словообразование» остановимся прежде всего на нашем понимании м о р ф е м и к и. В Гр70 есть раздел «Введение в морфемику», но нет раздела «Морфемика». Это обстоятельство ставят нам в упрек некоторые рецензенты (6). Предложенное решение объясняется необходимостью дать введение к тем частям последующих разделов «Словообразование» и «Морфология», где

[3] Интересно в этом отношении замечание Р. И. Аванесова о необходимости учитывать фонематичность «вариантов», или слабых фонем. См.: Р. И. А в а н е с о в, Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 138.

содержится конкретное описание морфем. Морфемика — это учение о морфемах, описание их инвентаря, их алломорфов и вариантов, их значений. В «Словообразовании» же и в «Морфологии» есть целый ряд «участков», не имеющих непосредственного отношения к морфемике. Так, в «Словообразовании» определенное место занимают неморфемные средства образования слов (ср. в особенности характеристику формантов при способах образования слов с более чем одной мотивирующей основой, см. § 40, II), в «Морфологии» – аналитические формы. Естественно, что и учение о частях речи, о грамматических категориях не сводится к одной только характеристике морфем, выражающих грамматические значения.

Несколько слов о предложенных нами критериях отождествления морфемы. Е. А. Земская (6) считает, что грамматическими правилами распределения алломорфов являются лишь правила дополнительного распределения и что, следовательно, сформулированный в Гр70 (§ 29, п. 3) принцип распределения алломорфов неграмматичен. Однако следует иметь в виду, что «чистая» дополнительная дистрибуция, и притом грамматическая, охватывает в языке лишь небольшую часть формально и семантически близких морфов. Принимая за основу принцип дополнительной дистрибуции, нельзя было бы объединять в одну морфему, например, префиксальные морфы *в-* и *во-*, *с-* и *со-*, *от-* и *ото-* и т. п., поскольку есть морфонологические позиции, в которых возможны оба этих морфа (ср. *вбросить* и *вобрать* и мн. др.). Это свидетельствует в пользу менее жесткого требования к позиционному распределению морфов одной морфемы, хотя распределение это, конечно, должно быть грамматичным. Именно таким подходом и вызвано, в первую очередь, выдвижение наших принципов распределения алломорфов. Ведь в подавляющем большинстве случаев распределение аффиксальных словообразовательных морфов одной морфемы может быть истолковано с лексической точки зрения (т. е. с точки зрения сочетаемости каждого аффиксального морфа с определенным набором, или списком, соседних корневых морфов) как дополнительная дистрибуция. Однако в грамматике следует исходить из более общих – грамматических –правил распределения, пусть хотя бы и менее жестких.

Некоторые общие принципы морфонологического описания, принятые в Гр70, были подвергнуты критике Д. Уортом. По мнению Д. Уорта, недостатком раздела «Словообразование» является неразличение «морфотактики» и «морфофонемики» (термины Д. Уорта), т. е. «учения о сочетаемости морфем и морфов» и «учения о фонологических изменениях, происходящих при сочетаниях морфем» (3, стр. 397—398). Сходные замечания были высказаны Е. А. Земской и Т. В. Булыгиной (6). Думается, что в Гр70 такого неразличения нет. Различие трактовок объясняется тем, что Д. Уорт исходит из принципов порождающей грамматики, в то время как Гр70 построена как грамматика описательная.

Представляется принципиально важным различение, с одной стороны, мотивирующей (производящей) основы, являющейся частью мотивированного (производного) слова, и, с другой стороны, основы мотивирующего (производящего) слова. Эти два понятия (в специальной литературе часто не различающиеся) последовательно дифференцируются в Гр70 в описании словообразовательных типов.

В Гр70 описывается распределение морфов в мотивированном слове как цепочке морфов. Д. Уорт же (как и Е. А. Земская), по-видимому, понимает «морфотактику» как учение о том, основы каких мотивирующих слов могут выступать в качестве исходной базы при образовании слов с определенными аффиксальными морфами. Однако и в Гр70 такие сведения тоже содержатся. Они даются при описании чередований, усечений и т. п.

явлений. Так, если в Гр70 говорится, что «перед морфом *-ант* парные мягкие согласные, кроме [л'], чередуются с твердыми» (§ 63), то тем самым говорится о «морфотактике» в понимании Д. Уорта, т. е. сообщается о том, что морф *-ант* способен выступать в образованиях от основ на мягкую согласную (в данном случае усеченных, ср. *оккупировать — оккупант*). Вместе с тем здесь содержится и «морфофонематическая» информация, т. е. информация о формальных изменениях, происходящих при сочетании морфов (усечение, чередование). Недостатком нашего описания, по-видимому, является его излишняя имплицитность (объясняемая экономией места): вероятно, целесообразнее было бы вначале дать морфонологическую характеристику основ мотивирующих слов, а затем уже описывать «изменения» этих основ. Правда, и в предложенном описании легко выделить оба эти компонента, и вряд ли у читателя может возникнуть то недоумение, которого опасается Д. Уорт: «если морф *-ант* на самом деле выступает после парных т в е р д ы х согласных, то откуда берутся те парные м я г к и е согласные, которые перед ним чередуются с твердыми?» (3, стр. 398). Само предложенное описание показывает, что эти мягкие согласные берутся из основы мотивирующего слова, которое и приводится всегда в качестве примера.

Д. Уорт считает также, что в нашем «Словообразовании» вводятся правила, неестественные для русского языка, например, правило об отвердении диезных согласных перед *а* (ср. *оккупировать — оккупант* и т. п.). Полагаем, что это правило вполне естественно с морфонологической точки зрения. Речь идет об отвердении парных мягких согласных перед морфом, начинающимся с [а], а это явление известно русскому словообразованию, причем отмечается не только перед иноязычными суффиксальными морфами (ср., например, *грудь — грудастый*, *кровь — кровавый*, *гусь — гусак* и др). Д. Уорт предлагает избежать усматриваемой им неестественности путем постулирования абстрактной основы на твердую согласную — *оккуп-*, к которой без отвердения присоединяется морф *-ант*. Естественно, что из такой основы можно получить искомую основу без «неестественных» правил. Однако в данном случае фонологическая «неестественность» (впрочем вполне естественная для словообразования) свойственна самому языку, и конструирование абстрактной основы создает лишь видимую естественность. Уместно отметить, что аналогичным путем Д. Уорт предлагает избежать описания и многих других «редких» и нерегулярных явлений русского словообразования, например, случаев с нулевым суффиксом вроде *приезжать — приезд*, *визжать — визг* (4, стр. 80—81).

Заметим в этой связи, что мы не считаем необходимым введение «глубинных структур» в такие грамматики описательного типа, как Гр70 и тем более как академическая грамматика. Ведь для того, чтобы оперировать «глубинными структурами», необходимо ввести в грамматику процедуры перехода от «поверхностных структур» (т. е. от самого описываемого объекта, представляющего собой объективную языковую данность) к «глубинным» и наоборот, а это означает, что «глубинно-поверхностная» методика не делает описание более экономным или компактным по сравнению с традиционным описанием в терминах чередований, усечений и других формальных преобразований, наблюдаемых в самих «поверхностных структурах» [4].

Сомнительно, что введение «глубинных структур» в морфонологическое описание поможет значительно сократить, как полагает Д. Уорт, количе-

[4] В то же время нельзя не согласиться со следующим замечанием Д. Уорта: «Который из двух сравниваемых здесь подходов является более плодотворным... — покажет нам только время» (3, стр. 401).

ство явлений, названных в Гр70 «нерегулярными соотношениями основ». Вряд ли описание на «глубинном» уровне может что-либо изменить в квалификации таких фактов, как *иней* — *индеветь*, *перо* (*перья*) — *пернатый* и мн. др. Это не означает, разумеется, что мы считаем невозможной переинтерпретацию предложенного в Гр70 инвентаря нерегулярных морфонологических явлений (например, путем описания некоторых относящихся сюда фактов в терминах чередования).

В. Стракова и З. Скоумалова пишут о необходимости описания отношений между глагольными суффиксами, выделенными в Гр70, и «формально тождественными суффиксами непроизводных глаголов (ср., например, изоморфный суффикс в глаголах *хром-а-ть* и *коп-а-ть*)» (22, стр. 165). Авторы рецензии оговариваются, правда, что это замечание вызвано не столько положениями Гр70, сколько «некоторыми привычными представлениями о характере некоторых морфем» (там же, примеч. 3). Действительно, в непроизводных (немотивированных) глаголах авторы «Словообразования» вообще не выделяют суффиксов. Выделение суффикса *-а-* в *копать*, *читать*, *писать* или суффикса *-и-* в *варить*, *водить* и т. п. противоречило бы тем исходным принципам выделения морфов, которые сформулированы в Гр70 (см. § 34). На основании этих принципов в Гр70 не выделяется, например, в немотивированных прилагательных *банальный*, *важный* и т. п. суффикс, «изоморфный» суффиксу мотивированных прилагательных типа *умный*. Классифицирующая же функция элементов типа *-а-* в *копать* или *-е-* в *зреть* (авторы рецензии видят суффикс и в этом слове) показана в Гр70 в разделе «Морфология».

В. Стракова и З. Скоумалова полагают, что раздел «Словообразование глагола» следовало бы дополнить главой, содержащей сведения по морфемному анализу, в которой и были бы описаны «некоторые переходные явления» вроде *-а-* в *копать* (см. стр. 166 рецензии). Раздел «Морфемное строение русских слов» (естественно, всех частей речи, а не только глагола), безусловно, был бы полезен. Однако мы полагаем, что результаты морфемного анализа не могут расходиться с результатами анализа словообразовательного [5].

Среди недостатков раздела «Словообразование» в Гр70 называют его атомарность, раздробленность материала, вызванную тем, что в описании большее внимание уделено самим словообразовательным типам, чем их взаимодействию, в то время как взаимодействие это указано в начале раздела как существенная черта словообразовательной системы (замечания П. А. Соболевой –6, Я. Пузыниной – 18 и др.). Действительно, в разделе мало семантических обобщений (желательно было бы представить систему словообразовательных значений слов каждой части речи с указанием того, какими способами и средствами, продуктивными и непродуктивными, выражается каждое из этих значений [6]), нет морфонологических обобщений (нужны перечни морфонологических позиций алломорфов, типов чередований, усечений, акцентных типов мотивированных слов и др.), отсутствует и гнездовой подход к словообразовательной системе (по-видимому, в грамматике должно быть представлено в той или иной форме описание типов словообразовательных гнезд). Такие обобщения, по наше-

---

[5] См.: В. В. Лопатин, К соотношению морфемного и словообразовательного анализа, в кн.: «Актуальные проблемы русского словообразования». I. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сент. 1972 г.), Самарканд, 1972, стр. 212—216.

[6] Таким путем можно было бы избежать разрозненности в описании словообразовательных средств, имеющих одинаковое или сходное значение, но относящихся к разным способам словообразования; ср., например, замечание П. А. Соболевой (6).

му мнению, должны выявить многообразные виды и формы взаимодействия словообразовательных типов в системе; они могут быть сделаны в более пространной грамматике. В данной же книге авторы сознательно пошли на эти потери, ограничив свою задачу сплошным описанием — строго синхроническим, единообразным и достаточно полным — самого инвентаря словообразовательных типов, описанием, без которого невозможны в дальнейшем какие-либо обобщения. С точки зрения осуществления поставленных задач выполненное в данной книге описание представляется некоторым нашим рецензентам последовательным и целостным (например, 22, стр. 167).

В то же время мы не можем согласиться с В. Н. Хохлачевой, считающей, что авторы Гр70 вообще обошли проблему взаимодействия словообразовательных типов, что «в самом описании материала идея взаимодействия не реализуется» и, более того, «изучение фактов словообразования, изложенных в „Грамматике", показывает, что между словообразовательными типами непосредственного взаимодействия нет» [7]. С нашей точки зрения, напротив, такое взаимодействие, несомненно, существует, и оно нашло отражение в разделе «Словообразование».

Во-первых, в разделе имеются обобщающие и сопоставительные главы, в которых дается группировка формантов по значению и указываются явления словообразовательной синонимии, а сами форманты в ряде случаев (см., например, § 594, 605) классифицируются по способности образовывать синонимичные типы или подтипы. Во-вторых, проводится обобщение и сопоставление морфонологических явлений, свойственных тем или иным способам словообразования (см., например, § 401 –402, 607 –609, 642). В-третьих, сделана попытка дать по возможности полное описание распределения синонимичных и формально близких словообразовательных морфов русского языка, а также объединения их в морфемы (ср. определения, данные в разделе «Введение в морфемику», и их реализацию при описании каждого словообразовательного типа). В-четвертых, проведено комплексное описание видов различий в синтаксической сочетаемости мотивирующего и мотивированного, свойственные разным словообразовательным типам глаголов [8]. Именно такого рода взаимодействия наполняют конкретным содержанием определение словообразовательной системы, предложенное в «Грамматике». Как мы уже говорили, круг таких взаимодействий в самом описании может быть представлен шире.

Ряд замечаний высказан В. Н. Хохлачевой по поводу понятия словообразовательной мотивации. Так, по мнению В. Н. Хохлачевой, в «определении словообразовательного типа отношения мотивированного слова к мотивирующему обозначены как с е м а н т и ч е с к и е, т. е. соответствующие признаку 2 (имеются в виду правила в § 34, по которым распознаются мотивирующее и мотивированное слова. — *Авт.*). Другие признаки мотивированного слова в определение словообразовательного типа не вошли» (разрядка наша.— *Авт.*). Впрочем несколько ниже рецензент пишет: «Описание же материала в аспекте только „ф о р м а л ь н ы х связей" значительно обедняет словообразовательную проблематику» (разрядка наша.— *Авт.*). Нам трудно согласиться с этими утверждениями (хотя они и противоречат друг другу). В соответствии с общей концепцией грамматики мы стремились рассматривать словообразовательные единицы (в том числе и

---

[7] В. Н. Х о х л а ч е в а, Некоторые вопросы теории словообразования, ВЯ, 1973, 3, стр. 100. Другие исследователи на материале той же «Грамматики» сделали прямо противоположные выводы (см.: А. Н. Т и х о н о в, Синхрония и диахрония в словообразовании, в кн.: «Актуальные проблемы русского словообразования», I, стр. 366).

[8] Внимательное чтение раздела позволяет обнаружить и другие, более частные, указания на взаимодействие отдельных типов и способов словообразования.

основную единицу — словообразовательный тип) как единство формы и значения. Именно поэтому мы приняли то достаточно распространенное определение словообразовательного типа, которое выработано в последнее время в работах советских и чехословацких лингвистов. В разделе «Словообразование» в один словообразовательный тип объединяются только те слова, которые характеризуются как общностью «формального показателя, отличающего мотивированные слова от их мотивирующих», так и общностью «семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему», а сам тип рассматривается как «формально-семантическая схема построения слов» (§ 37).

Что же касается пункта 2 правил установления направления мотивации, то он относится лишь к тем немногим словам, которые характеризуются равной формальной сложностью. Правила установления направления мотивации, изложенные в «Грамматике» (§ 34), выступают в разных условиях: первое правило используется при различии лексических значений и неравной формальной сложности слов, второе — при различии лексических значений и равной формальной сложности, третье — при тождестве лексических значений. Неучет этого обстоятельства и вызвал у В. Н. Хохлачевой «неразрешимые сомнения» по поводу трактовки пар типа *биолог — биология*, в которых, действительно, по признаку семантической сложности направление мотивации одно, а по признаку формальной сложности — другое. Однако возможности двойственной интерпретации не существует: два предложенных правила одновременно действовать не могут. В случае *биолог — биология* применимо лишь первое из предложенных правил.

В. Н. Хохлачева полагает (стр. 103), что в разделе «Словообразование. Основные понятия» «не объяснена... с точки зрения отношений мотивации возможность признать мотивирующим не одно слово при одном и том же мотивированном». Рецензенту остается неясным, как можно совместить множественность мотиваций с тем, что «принадлежность мотивирующего слова к части речи и семантическое отношение мотивированного слова к мотивирующему указаны в качестве характеристических признаков словообразовательного типа». «Не означает ли это, — спрашивает В. Н. Хохлачева,— что за существительным *запад* и прилагательным *западный* (оба слова мотивируют существительное *западник*.— *Авт.*) авторы признают семантическое и категориальное тождество?». Нет, не означает. Слова, имеющие несколько мотиваций, принадлежат тем самым одновременно к нескольким (чаще всего к двум) словообразовательным типам или даже способам словообразования (об этом сказано в § 36 «Грамматики»), а среди мотивирующих слов могут быть слова, относящиеся как к одной и той же части речи, так и к разным. Явление множественности мотиваций, отмеченное в ряде работ последнего времени, отражает многосторонние словообразовательные связи и заслуживает внимания исследователей.

Вызывает возражение и вывод В. Н. Хохлачевой о том, что «функциональный аспект в описании материала в разделе „Словообразование“ оказался фактически опущенным» (стр. 104). К этому аспекту непосредственно относится характеристика каждого словообразовательного типа с точки зрения продуктивности и сферы функционирования.

А. Н. Тихонов справедливо замечает, что в Гр70 «оставлена без внимания» проблема омонимии словообразовательных аффиксов (13, стр. 288). Приходится сослаться на неразработанность этого вопроса. Нелегко сказать, сколько в русском словообразовании разных (омонимичных) суффиксов *-ин(а)*, или суффиксов *-к(а)*, или нулевых суффиксов и т. д. [9]. Без ре-

[9] В статье Д. Уорта (4) сделана попытка разграничения нулевых суффиксов среди отглагольных имен существительных в зависимости от их морфонологических и мор-

шения этого вопроса невозможно установление точного списка аффиксов (формантов), который, как нам представляется, необходим в грамматиках такого рода.

Некоторые рецензенты (например, А. Н. Тихонов — 13) отмечают как недостаток раздела «Словообразование» отнесение к разным морфемам формально близких морфов (*-ник* и *-льник*, *-щик* и *-льщик*, *-ец* и *-лец* и т. п.). Вопрос этот тесно связан с принципами разграничения словообразовательных типов. Дело в том, что образования с данными аффиксами имеют различное словообразовательное значение; последнее же является инвариантом частных значений, наблюдающихся во всех образованиях одной и той же структуры, и устанавливается в рамках целого словообразовательного типа [10]. Так, общее словообразовательное значение («на уровне типа») у суффикса *-щик* шире, чем у суффикса *-льщик*: последний выступает только в названиях лица.

Тот же подход определяет и отнесение к разным словообразовательным типам образований с одинаковым аффиксом в тех случаях, когда разные значения их не сводятся к одному инвариантному значению. Ср., например, вызвавшее возражение А. И. Моисеева (9) разделение существительных с суффиксом *-изм*, мотивированных прилагательными, на два типа — первый со значением «элемент языка, речи или произведения» (*архаизм*, *канцеляризм*) и второй со значением «признак как направление, склонность» (*гуманизм*, *реализм*).

Несколько замечаний о терминах. А. И. Моисеев (9) упрекает авторов раздела «Словообразование» в подмене понятия производности понятием мотивированности и выведении тем самым проблемы образования слов за пределы синхронического описания. Но в Гр70 имеет место лишь замена «синхронно-диахронического» термина «производность» чисто синхроническим термином «мотивированность» без какого-либо изменения содержания. Вся проблематика образования слов в синхроническом смысле при этом сохраняет свою актуальность; в Гр70 этот аспект нашел отражение в попытке определить продуктивность каждого словообразовательного типа, с указанием сферы этой продуктивности. Другие рецензенты (Я. Пузынина — 18), наоборот, упрекают авторов за сохранение диахронической терминологии («способ словообразования»). Однако мы не сочли возможным пойти на радикальное изменение всей терминологии словообразования: в этом случае надо было бы начинать с самого термина «словообразование».

3. В разделе «Морфология» дискуссионными оказались решения, связанные с композицией раздела, с классификацией слов и словоформ на части речи и грамматические разряды, принципами их выделения и системой дефиниций, с методом описания грамматических категорий и с описа-

---

фологических характеристик: сочетание определенного типа склонения с определенным видом чередования дает особый нулевой суффикс. Однако при разграничении аффиксов необходимо учитывать и семантику. Кроме того, мы сомневаемся в том, что различное «морфонологическое поведение» обязательно означает различие самих аффиксов. Так, если слова *разиня* и *рева* содержат (по Д. Уорту) разные нулевые суффиксы (первый — «палатализирующий», второй — нет), то и, например, *толстяк*, *здоровяк* — с одной стороны, и *простак*, *левак* — с другой, надо признавать (на том же основании) образованиями с разными суффиксами, что вряд ли правомерно. Скорее следует констатировать наличие как аффиксов, «морфонологическое поведение» которых единообразно, так и аффиксов с неединообразным «морфонологическим поведением».

[10] Такое понимание словообразовательного значения является в настоящее время общепризнанным. Ср.: «Словообразовательная конструкция заключает в себе лишь обобщенную семантику создаваемого слова» (Н. Д. Арутюнова, О понятии системы словообразования, ФН, 1960, 2, стр. 25).

нием парадигматики. Остановимся на некоторых возражениях, которые представляются наиболее существенными.

Классификация частей речи вызвала упрек в недостаточном учете семантики, особенно проявившемся в объеме таких частей речи, как местоимение-существительное и числительное (6 – Е. П. Кржижкова, 17). Полагают, что выделение местоимений-существительных (а не местоимений вообще, где были бы сосредоточены все местоименные слова) и числительных количественных и собирательных (без числительных порядковых, включенных в состав прилагательных) диктуется логикой «формального принципа», которая приводит «к разрушению семантических группировок слов» (10) и «нейтрализует семантический принцип деления слов на части речи» (8). В основу классификации слов на части речи в Гр70 положены три признака (см. § 759). Первый из них — семантический; в нем объединены лексическая и грамматическая семантика. Под лексической семантикой понимается значение, абстрагированное от лексических значений всех слов данного класса. Общностью лексической семантики местоименные слова не обладают, так как они ничего не называют. В словаре местоименные слова как словесные знаки, «не имеющие своего собственного предметно-логического содержания» [11], противопоставлены словам лексически полнозначным. Как слова дейктические [12], т. е. обладающие указательно-заместительной функцией, местоимения «имеют двойственный характер: 1) значение класса в системе и 2) индивидуальное значение в синтагматическом ряду» [13]. Первое определяет приведенное выше противопоставление местоимений словам с собственным номинативным значением; второе — непостоянное ситуативное значение местоимений.

Выделение местоимений в особую часть речи осуществлялось в традиционных грамматиках по иным принципам, чем выделение существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Решающая роль принадлежала при этом не семантической, а функциональной общности (общности указательно-заместительной функции), не значению, а назначению [14]. Составители современных грамматик, руководствующиеся семантическим принципом как основным при классификации частей речи, для того чтобы обосновать объединение всех местоимений в одной части речи, расширяют объем семантического признака. Они включают в него способность слова выступать в качестве семантического репрезентанта целого класса слов (6 – Г. П. Ижакевич). Такое расширительное понимание семантического признака нами не разделяется.

Классификация слов на части речи предстает обычно как грамматическая классификация наличного состава лексем. В «Общем языкознании» она приводится в разделе «Лексика». Классификацию лексических единиц здесь предлагается проводить по двум признакам: 1) семантической категориальности и 2) парадигматической оформленности в системе языка[15]. Отвечают ли этим признакам слова, объединенные в таких частях речи, как местоимение-существительное и числительное? Следует признать, что местоимения не отвечают признаку семантической категориальности. Од-

---

[11] См.: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 446.

[12] В дейктические слова, кроме местоимений, составляющих их ядро, включаются некоторые наречия времени и места. Подробнее см.: «Общее языкознание...», стр. 449; С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 146.

[13] «Общее языкознание...», стр. 449.

[14] Классификацию частей речи с учетом лексических различий между классами слов см.: А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954, стр. 38. О нарушении последовательности классификации при выделении местоимений в особую часть речи см. также: С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 147.

[15] См.: Общее языкознание, стр. 450.

нако выделение в особую группу местоимений-существительных мы продолжаем считать целесообразным, так как при этом соблюдается признак парадигматической оформленности и общность синтаксической функции. Что касается имени числительного, то здесь, по нашему мнению, соблюдаются оба названных признака [16]. Не противоречит этим признакам и включение порядковых числительных в состав другой части речи — прилагательного. «Порядковые числительные устанавливают отношение предмета к числу. Значение этих слов — не число, а отношение к числу. Значение порядковых „числительных" в этом смысле сближается со значением других относительных прилагательных: они тоже обозначают отношение к чему-то. Но у обычных относительных прилагательных это „что-то" — предмет, а у порядковых относительных прилагательных — число»[17].

Ряд возражений вызвало описание категорий рода и падежа имени существительного. Род существительных в Гр70 характеризуется как лексико-грамматическая синтаксическая категория (§ 784). Причисление рода к лексико-грамматическим категориям подвергается сомнению (2). Кроме того, в признании семантической значимости рода у одушевленных существительных (§ 785) и в выделении и определении категории одушевленности /неодушевленности (§ 790) на основе чисто семантических отношений (10) усматривается нарушение формального принципа. Считают, что «семантичность» категории одушевленности /неодушевленности и значения рода у существительных одушевленных вступает в противоречие с общим определением рода как синтаксической категории (10).

Авторы «Морфологии» и их оппоненты вкладывают разное содержание в понятие лексико-грамматической категории. Оппоненты при характеристике данной категории исходят из тех отношений между формами слова, которые возникают при так называемом формообразовании (к формообразованию относят: образование форм числа у существительных, степеней сравнений у прилагательных, причастий, деепричастий и инфинитива у глагола; образование видов глагола и др.). Авторы «Морфологии» под лексико-грамматическими категориями понимают категории, выявляющиеся в оппозиции не форм, а слов. Для русских существительных семантическая значимость рода не характерна, значение рода воспринимается как условное и семантически пустое. Элементы номинативного значения в общей синтаксической категории рода отмечаются лишь у небольшой группы слов — названий лиц. Однако в определенных условиях (при образном употреблении слова) род может стать семантически значимым [18]. Но эта значимость должна рассматриваться как вторичная, метафорическая.

В ходе обсуждения Гр70 было высказано предложение вообще исключить род из числа грамматических категорий имени и считать его «синтаксическим признаком» основы, требующим заучивания, подобно типу склонения или управлению глагола (6 — И. А. Мельчук). Несмотря на то, что род существительного семантически не мотивирован и с полным основанием может быть причислен к средствам языковой «техники», мы не можем отказать ему в статусе грамматической категории. В принадлежности существительного к определенному роду наиболее ярко проявляется его грамматическая семантика, его предметность, выделяющая существительное из других имен и определяющая его самостоятельность в речи. Род существительного нельзя, с нашей точки зрения, отнести к синтакси-

---

[16] Подробнее см. в кн.: А. Е. Супрун, Славянские числительные. Становление числительных, как особой части речи, Минск, 1969.

[17] Там же, стр. 20.

[18] См. об этом: В. В. Виноградов, Русский язык (Грамматическое учение о слове), 2-е изд., М., 1972, стр. 60—63.

ческим признакам основы; определение имени существительного прилагательным (или другим согласуемым словом) в форме мужского, женского или среднего рода не диктуется основой существительного.

Характеристика падежа как грамматического синтаксического значения, анализ и описание падежных значений встретили ряд замечаний. Предлагалось падежи рассматривать в «Синтаксисе», поскольку синтаксические значения принадлежат синтаксическому построению, а не морфологической форме (10). «Основным условием, определяющим выбор зависимой формы, является потребность выразить характер реально существующих предметных отношений» (8), более целесообразно при определении общего значения категории падежа было бы говорить «об отношении между предметами, явлениями, а не между словами только» (9).

Синтаксическое значение падежа — это указание на зависимость падежной формы от другого слова. Падежные значения извлекаются из связи слов и, как бы обособляясь от сочетания слов, становятся принадлежностью падежной формы, ее собственной характеристикой. Поэтому падеж должен рассматриваться и в морфологии. В определении падежных значений следует исходить только из языковых отношений, поскольку категория падежа — это категория грамматическая. То, что соответствует языковым отношениям в реальной действительности, находится за пределами грамматики.

Оппоненты указывают, что в Гр70 нет целостного описания категории падежа (2), что в ней фактически отсечена парадигматическая сторона падежа (2) и что значения падежных форм по существу остаются нераскрытыми (2,9). Признавая справедливость этих замечаний, мы хотели бы обратить особое внимание на парадигматическую сторону падежа и возможность парадигматического анализа падежных значений. В формах парадигмы выявляются грамматические категории. Каждая парадигма — это не только система форм, но и система составляющих категорию грамматических значений, образующих одну или несколько оппозиций. Падеж рассматривается как грамматическая категория, выявляющаяся в оппозиции «независимый падеж (именительный) — зависимые падежи (косвенные)». Мы не разделяем точку зрения Р. О. Якобсона, согласно которой вся падежная система базируется на трех измерениях: направленности, объемности и периферийности. Сложность анализа и описания категории падежа и значения падежных словоформ состоит в том, что за каждой словоформой закрепляется ряд значений. Образуется сложное соотношение: одно и то же значение может быть выражено разными падежами, разные значения могут быть выражены одной и той же падежной формой. При этом каждая падежная форма, как правило, обладает и специфическим значением, которое не способны выразить другие падежные формы, и комбинаторными значениями, которые могут быть выражены другой (или другими) формами. В результате система падежей должна рассматриваться, во-первых, как система эквиполентных значений [19], и во-вторых, как система, состоящая из синонимических рядов, образованных формами разных падежей, выражающих одно значение. Такой системный анализ предстоит провести авторам в подготавливаемой «Русской грамматике». При анализе падежных значений следует учитывать также и иерархическую организацию категории падежа. Основное место в падежной системе занимают субъектно-объектные функции, которые в свою очередь предполагают иерархию отношений [20]; второстепенное принадлежит функциям обстоятельственным.

---

[19] См.: М. В. Панов, Русский язык, в кн.: «Языки народов СССР», I — Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 97.

[20] Подробнее см.: С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, стр. 39—47.

Названные аспекты анализа и описания категории падежа не являются собственно парадигматическими. С нашей точки зрения, чисто парадигматическое описание падежных значений вряд ли возможно, особенно если принять во внимание, что «функционирование беспредложных форм имени, по крайней мере в наиболее типичной для них объектной области (т. е. области основных падежных функций.— *Авт.*), оказывается свободным (или почти полностью свободным) от парадигматических оппозиций» [21].

Для понимания категории вида глагола существенно следующее.

В Гр70 категория вида глагола определена как классификационная или лексико-грамматическая категория (§ 755), что считается противоречивым (12) или неправильным (2), так как в § 822 категория вида названа грамматической. Между тем данные определения не содержат в себе противоречия. В Гр70 грамматическая категория противопоставляется категориям лексической и словообразовательной. Все грамматические категории делятся на собственно грамматические (словоизменительные) и лексико-грамматические (классификационные). Таким образом, грамматическая категория, с одной стороны, и лексико-грамматическая и собственно грамматическая категория, с другой стороны, соотносятся как понятия родовое и видовое. Вид глагола в Гр70 выступает как категория грамматическая, а не словообразовательная или лексическая, и одновременно как категория классификационная (лексико-грамматическая), а не словоизменительная [22].

Встретило возражения отожествление видовой пары и видовой оппозиции (2). Однако, признавая вид особой грамматической категорией, тесно связанной со своей лексической базой (В. В. Виноградов), авторы не считали грамматическую оппозицию по виду присущей всем без исключения глаголам, хотя значением вида обладает каждый глагол в русском языке. Категория вида не достигла той высшей степени абстракции, какая характерна для словоизменительных глагольных категорий.

Определение семантики совершенного вида как «достижение внутреннего абстрактного предела действия» у одних рецензентов вызвало возражение (2, 9, 12), другие такое определение принимают (24). Думается, что понимание грамматической категории вида как противопоставления значений совершенного (достижение внутреннего предела действия) и несовершенного (отсутствие указания на достижение предела действия) вида позволяет выявить зависимость вступления глаголов в видовое соотношение от их лексического значения [23].

У ряда рецензентов вызвал возражения тезис о наличии более частных значений предела действия (временной, результативный) в пределах групп «способов действия» (8, 9). Наличие более частных значений предела действия связано с «лексичностью» способов глагольного действия. Их абстракция менее регулярна, менее категориальна, чем абстракция вида глагола в его видовой оппозиции. Недостаточность выявления в Гр70 взаимодействия между категорией вида и способами действия (12) объясняется общей неразработанностью этой проблемы [24]. Однако авторы стремились рассмотреть возможность образования видовых пар внутри способов действия, что само по себе является возражением тем исследователям,

---

[21] К. И. Ходова, Падежи с предлогами в старославянском языке, М., 1971, стр. 6.

[22] Вызвало возражения понимание видовой пары как пары разных глаголов (2,12). Теоретические обоснования такого понимания см.: Н. С. Авилова, Категория вида глагола в ее отношении к словоизменению, ИАН ОЛЯ, 1972, 3, стр. 264 и сл.

[23] См.: «Проспект „Русской грамматики“», М., 1972 (ротапринт), стр. 64.

[24] См.: Н. С. Авилова, Способ глагольного действия, глагольная семантика и вид глагола (в печати).

которые считают это невозможным (А. В. Исаченко) [25]. Проблема семантического и структурного ограничения видовой корреляции внутри способа действия требует специального изучения.

Что касается вопроса о словообразовательных синонимах и вариантах глаголов несовершенного вида (12), то предполагается, что глаголы несовершенного вида, являющиеся словообразовательными синонимами, выступают как члены тождественных видовых оппозиций, которые можно считать вариативными [26].

В трактовке грамматической категории залога глагола вызывает возражение рассмотрение проблемы залога как собственно залога, с одной стороны, и проблематики залоговости — переходности — возвратности, с другой стороны. Считается, что это явления разного порядка (2, 9, 6 — М. М. Гухман). Известна сложность всей проблемы залога, тесная связь ее с лексикой и синтаксисом. Рассматривая эту проблему по традиции в «Морфологии», авторы стремились сохранить всю традиционно устоявшуюся проблематику залога, а именно: 1) описать переходные/непереходные глаголы, собственно залог и возвратные глаголы (последние как структурно-семантические типы со специфическим изменением в значении мотивированного глагола, вызванным присоединением постфикса *-ся*); 2) представить залоговое ядро, собственно залог, в характерной для морфологической категории системе оппозиций (системе оппозиций пассива-актива). Семантически и формально маркированным признавался страдательный залог (пассивная конструкция).

Определение семантики страдательного залога как обозначения направленности действия на субъект вызвало справедливые критические замечания (2, 9, 6 — М. М. Гухман, Ю. В. Фоменко). Следует уточнить это определение: страдательный залог означает направленность действия на объект, выраженный именительным падежом (подлежащее) [27].

Было подвергнуто критике выведение глаголов с постфиксом *-ся* в страдательном значении из группы возвратных глаголов (9). Для такого решения имеются следующие основания. Во-первых, глаголы с постфиксом *-ся* в страдательном значении являются глаголами страдательного залога, членом залоговой оппозиции. Они формируют страдательный залог у глаголов несовершенного вида. Возвратные глаголы с постфиксом *-ся* не являются членом залоговой оппозиции. Это однозалоговые глаголы действительного залога, и обозначаемое ими действие никогда не может быть направлено на объект, выраженный именительным падежом (подлежащее). Во-вторых, постфикс *-ся* у глаголов страдательного залога не вносит нового лексического значения в глагол. Его функция — только обозначение страдательности. Постфикс *-ся* у возвратных глаголов всегда вносит в глагол дополнительное лексическое значение [28].

---

[25] А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. II, Братислава, 1960, стр. 217.

[26] См.: «Проспект „Русской грамматики“», стр. 63.

[27] См. там же.

[28] Конкретные ответы на ряд затронутых в дискуссии вопросов см. в «Проспекте „Русской грамматики“».

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

И. И. КОВТУНОВА

ПОРЯДОК СЛОВ КАК ПРЕДМЕТ ГРАММАТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В «Грамматике» 1970 г. порядок слов рассматривается в тесной связи с актуальным членением предложения. Дискуссия по этому разделу, состоявшаяся на симпозиуме, посвященном обсуждению Гр70, сосредоточилась главным образом вокруг ряда вопросов, важных для определения места порядка слов в грамматическом описании языка и касающихся сложных проблем теории актуального членения. Это следующие вопросы: 1) средства выражения актуального членения; 2) вопрос о принадлежности актуального членения к особому уровню структуры предложения; 3) критерии членения предложения на тему и рему. Критерии разграничения расчлененных и нерасчлененных высказываний; 4) вопрос о природе экспрессивных вариантов словорасположения; 5) актуальное членение и лексическое наполнение конструкции; 6) актуальное членение как категорья структуры текста.

1. При определении места порядка слов в системе языка обращение к актуальному членению неизбежно, поскольку основной функцией порядка слов в русском литературном языке является выражение актуального членения. Сложность проблемы состоит в том, что порядок слов функционирует одновременно на двух уровнях структуры предложения — на уровне его синтаксической структуры и на уровне его актуального членения. Однако роль порядка слов как формального средства языка на этих двух уровнях структуры предложения неодинакова: в русском литературном языке первая функция подчинена второй.

На уровне синтаксической структуры предложения порядок слов призван сохранять иерархию синтаксического членения: в русском литературном языке существуют определенные закономерности расположения компонентов словосочетаний и членов предложения, имеющие обязательную силу до тех пор, пока иное расположение не будет продиктовано требованиями актуального членения. Однако на уровне синтактической структуры предложения порядок слов, за немногими исключениями, не играет смыслоразличительной роли (эту функцию в русском языке выполняют формы словоизменения). Он является лишь «сопроводительным элементом синтаксических отношений» [1]. Об этом говорит возможность изменения порядка синтаксических компонентов предложения, возможность разрушения иерархии синтаксического членения [2].

---

[1] F. Daneš, K otázce pořádku slov v slovanských jazycích, SaS, XX, 1, 1959. Ср. также: J. Mistrík, Slovosled a vetosled v slovenčine, Bratislava, 1966.

[2] В. З. Панфилов, обосновывая принадлежность актуального членения к особому уровню, отмечает неизменность синтаксической структуры предложения при изменении его актуального членения: «... уже один тот факт, что коммуникативная нагрузка, проявляющаяся в актуальном членении предложения на данное и новое, может быть привязана к любому члену предложения, не изменяя качества последнего на уровне синтаксического членения предложения, говорит о том, что актуальное членение предложения выходит за рамки его синтаксического членения. Очевидно, что в действительности мы здесь

На уровне актуального членения предложения порядок слов играет смыслоразличительную роль — он различает тему и рему. Тема как исходный пункт высказывания стоит в начале предложения, а рема, сообщающая нечто о теме и заключающая в себе главную коммуникативную цель высказывания, стоит после темы в конце предложения. Такая последовательность обеспечивает правильное логическое построение речи. Нарушение этого правила в русском литературном языке, если оно не оправдано специальными стилистическими задачами, ведет к искажению смысла. Смыслоразличительная функция порядка слов осуществляется на фоне стилистически нейтральной ритмико-интонационной структуры фразы с автоматизированным фразовым ударением в конце фразы.

Рассматривая соотношение двух функций порядка слов на двух уровнях структуры предложения, необходимо обратить особое внимание на то обстоятельство, что определенный обязательный порядок синтаксических компонентов предложения, не играя смыслоразличительной роли на уровне синтаксической структуры предложения (мы отвлекаемся в данном случае от некоторых исключений из этого общего правила — например: *Была темная ночь*; *Ночь была темная* и некот. др.), на уровне актуального членения релевантен: препозиция подлежащего и постпозиция сказуемого в высказываниях с автоматизированным фразовым ударением в конце фразы свидетельствуют о том, что подлежащее (группа подлежащего) служит темой, а сказуемое (группа сказуемого) служит ремой: *Частые молнии/ /освещали тропу* (/— знак членения на тему и рему). Таким образом, строго обязательный порядок синтаксических компонентов предложения является также средством выражения актуального членения—в тех случаях, когда актуальное членение совпадает с синтаксическим.

Релевантные свойства порядка слов на уровне актуального членения предложения и приводят исследователей к выводу о том, что главной функцией порядка слов в русском литературном языке является функция выражения актуального членения. Другим формальным средством выражения актуального членения служит интонация.

Порядок слов и интонация формируют единицу уровня актуального членения — высказывание. Специфика отношений этой единицы к единицам низшего уровня — предложениям — заключается в том, что высказывание сегментно совпадает с единицей низшего уровня — предложением. Отсюда вытекает и особенность формальной организации высказывания, которая осуществляется при помощи суперсегментных средств.

Порядок слов и интонация в разной степени и в разных комбинациях участвуют в построении высказываний.

В высказываниях с атоматизированным фразовым ударением (в конце фразы) функцию различения темы и ремы выполняет порядок слов (начальное положение темы и конечное ремы) или порядок слов в сочетании с интонацией (вынесенная в начало предложения тема подчеркивается повышением тона, равнозначным обороту «что касается ..., то ...»). Первый случай представлен в высказываниях, в которых актуальное членение не расходится с синтаксическим: *Профессор /читает лекцию*; *Петров/за-*

имеем дело не с явлением того же синтаксического уровня предложения, а с более высоким уровнем предложения, в связи с чем все явления, связанные с его актуальным членением,не могут получить объяснения в рамках традиционного анализа по членам предложения. Это касается не только анализа содержательной стороны явления актуального членения предложения, но и его собственного формально-грамматического аспекта, поскольку синтаксический анализ по членам предложения не может объяснить и назначения какой-то части формальных средств языка (специальных морфем в некоторых языках, интонации, порядка слов и т.д. ...), т. е. не может считаться исчерпывающим для понимания структуры предложения в целом» (В. З. Панфилов, Грамматика и логика, М.—Л., 1963, стр. 38—39).

кончил дипломную работу. Второй случай представлен в высказываниях с расхождением между синтаксическим и актуальным членением. В таких высказываниях иерархия синтаксического членения нарушена: *Лекцию*(↑) *читает/профессор*; *Дипломную работу* (↑) *Петров / закончил*.

В высказываниях с деавтоматизированным (сдвинутым со своего места) фразовым ударением порядок слов утрачивает смыслоразличительные свойства. Тема в таких высказываниях не имеет формального выражения. рема же выделяется фразовым ударением (рема как коммуникативный центр высказывания всегда бывает выражена тем или другим способом): *Великая вéщь / свобода! Печален и неприютен был/этот голый островок...*; *Далекое счастливое дéтство напоминает мне / Вертушинка*.

Рема во всех случаях является интонационным центром предложения. Фразовое ударение, в каком бы месте фразы оно ни находилось, всегда выделяет рему (если рема состоит не из одного слова, то фразовое ударение падает на сильноударяемый компонент словосочетания: *Вертушинка/напоминает мне далекое счастливое дéтство — Далекое счастливое дéтство напоминает мне/Вертушинка*). Этому нисколько не препятствует то обстоятельство, что фразовое ударение одновременно осуществляет и другие функции: будучи интонационным центром фразы, оно скрепляет фразу как интонационную единицу и отделяет одну фразу от другой. Деавтоматизированное фразовое ударение имеет различительную силу, являясь единственным формальным средством выражения ремы. Автоматизированное фразовое ударение (в конце фразы) создает нейтральный ритмико-интонационный фон, являющийся необходимым условием для того, чтобы различительную функцию выполнял порядок слов — самостоятельно или в сочетании с другими интонационными средствами. Фразовое ударение, таким образом, оказывается включенным в сложный механизм смыслоразличения на уровне актуального членения. Поэтому трудно согласиться с тем положением, что фразовое ударение, «осуществляясь автоматически, в сферу действия актуального членения не входит» (Т. М. Николаева [3]).

Предложения с определенным синтаксическим составом образуют некоторое количество высказываний, составляющих конечный ряд — парадигму высказываний. Члены этого ряда различаются с формальной стороны порядком слов и интонацией, со стороны значения — разным характером актуального членения (разным синтаксическим наполнением темы и ремы). Описание высказываний как двусторонних знаковых единиц предполагает одновременный учет и смысловой и формальной структуры этих единиц.

Исходными членами парадигм служат, как правило, такие высказывания, в которых актуальное членение соответствует синтаксическому членению. (Все возможные отклонения от этого общего положения связаны с особенностями семантической структуры предложения.) Например, в двусоставных предложениях препозитивное подлежащее (группа подлежащего) соответствует теме, а постпозитивное сказуемое (группа сказуемого) — реме: *Главный зоотехник/ездит сдавать пушнину на базу*; *Он/проявлял удивительное терпение*; *Он/не приезжал в Киев*; *Мой отец/научил меня решать задачи*; *Я/нежно любил природу*; *Наш садовник /не мог его догнать*; *Он/быстро бегает*.

При изменении состава темы и ремы иерархия синтаксического членения нарушается. Образуются высказывания, в которых актуальное членение расходится с синтаксическим: *Сдавать пушнину на базу ездит/главный зоотехник*; *Терпение он проявлял/удивительное*; *В Киев он/не приезжал*;

---

[3] См. стенограмму материалов Симпозиума — 6. Список рецензий см. в ст. Н. Ю. Шведовой.

Решать задачи научил меня/мой отец; *Природу я любил/нежно*; *Догнать его наш садовник/не мог*; *Бегает он/быстро*. Эти высказывания отличаются от исходных членов парадигм порядком слов и интонационной структурой. Зависимые компоненты словосочетаний в них сдвинуты со своих обычных мест, предопределенных для них синтаксическим членением предложения (ср.: *проявлял удивительное терпение*; *нежно любил природу*; *научил меня решать задачи* и т. д.). Компонент словосочетания, который становится первой темой, выдвигается на первое место в предложении, компонент, который становится ремой,— на последнее. Остальные зависимые компоненты словосочетаний остаются на своих обычных местах.

В задачу грамматики русского литературного языка входит описание парадигм высказываний, которые могут быть построены на основе предложений с определенным синтаксическим составом (например: *Он/быстро бегает*; *Он бегает/быстро*; *Бегает он/ быстро* и под.).

Форма высказывания как члена парадигмы зависит от позиции этого высказывания в синтагме. Синтагматические отношения устанавливаются между высказываниями в контексте. В зависимости от предшествующих высказываний темой и ремой данного высказывания становятся различные компоненты синтаксической структуры предложения. Высказывания, максимально независимые от контекста, занимают ведущее место в парадигме. Такие высказывания могут быть названы п а р а д и г м а т и ч е с к и с и л ь н ы м и. Для них характерно отсутствие противоречия между актуальным и синтаксическим членением. Высказывания, максимально зависимые от контекста (синтагматически зависимые), могут быть названы п а р а д и г м а т и ч е с к и с л а б ы м и. Взятые вне контекста, эти высказывания несут на себе печать контекста, печать синтагматических отношений. Для них характерен сдвиг между актуальным и синтаксическим членением.

В сдвиге между актуальным и синтаксическим членением проявляется высокая степень контекстуальной зависимости. Вынесение в начальную позицию компонента словосочетания, входящего в группу сказуемого (см. приведенные выше примеры), является одним из способов установления синтагматической связи между высказываниями в тексте. Вынесенный в начало предложения компонент становится первой темой, выделяемой особым повышением тона: *В Киев*(↑)*он / не приезжал*; *Догнать*(↑) *его наш садовник/не мог*; *Бегает*(↑) *он/быстро*; *Терпение*(↑) *он проявлял / удивительное*.

В синтагматически зависимых высказываниях приведенного типа первая тема часто обозначает новое, неизвестное, а вторая тема [4] — данное, известное из контекста (*он*; *наш садовник*). Таким путем происходит тематизация нового, неизвестного, введение темы-нового в контекст [5].

---

[4] При расхождении актуального членения с синтаксическим обычно образуются высказывания больше чем с одной темой. Имея в виду подобные случаи, П. Адамец говорит о «примарной», «секундарной» и т.д. основе (П. А д а м е ц, Порядок слов в современном русском языке, Praha, 1966).

[5] Понятия «данного» и «нового», употребляемые в буквальном смысле этих слов, не совпадают с понятиями «темы» и «ремы». Некоторые лингвисты склонны резко разграничивать указанные категории. Ю. В. Попов относит тему и рему (предмет сообщения и содержание сообщения) к категориям «рационально-экспрессивным» или категориям мысли, а «данность» и «новизну» к категориям «коммуникативным», устанавливающим связь с ситуацией или контекстом (Ю. В. П о п о в, Предложение и коммуникация в психологическом синтаксисе, сб. «Язык и стиль», М., 1965). Данность и новизна находят отражение в лексическом составе предложения. Поскольку тема не всегда совпадает с данным, а рема — с новым, то установить точно данность и новизну частей высказывания можно, лишь обратившись к контексту. Но данность отдельных элементов предложения часто становится очевидной и вне контекста, поскольку существуют специальные категории слов, выражающие данное (личные и указательные местоимения, имена собственные, имена существительные, указываю-

Синтагматически зависимые высказывания так же строятся по определенным моделям, как и синтагматически независимые (парадигматически сильные) высказывания. Эти модели должны стать объектом грамматического изучения.

Роль порядка слов в интонации различна в синтагматически независимой и в синтагматически зависимой позиции.

В синтагматически независимой позиции порядок слов и интонация выполняют функцию выражения темы и ремы автоматически и опосредствованно. Порядок слов в синтагматически независимой позиции выполняет обе присущие ему функции — функцию сохранения иерархии синтаксического членения и функцию выражения темы и ремы. Как было отмечено выше, вторая функция осуществляется посредством первой: если иерархия синтаксического членения соблюдена, это свидетельствует о том, что препозитивное подлежащее (группа подлежащего) является темой, а постпозитивное сказуемое (группа сказуемого) — ремой. (Исключения из этого общего правила определяются особенностями семантической структуры предложения, в частности — несоответствием семантического субъекта подлежащему и некоторыми другими условиями.)

В синтагматически независимой позиции порядок слов обладает способностью различать расчлененные и нерасчлененные высказывания [6]: порядок слов в нерасчлененных высказываниях обратен порядку слов в расчлененных высказываниях. Ср.: *Сын / уехал* и *Уехал сын*; *Костер / дымит* и *Дымит костер*.

Интонационный центр фразы — фразовое ударение — автоматически выделяет рему (последнее слово ремы); тема выделяется автоматически легким повышением тона в конце речевого такта (интонация незаконченности). Если высказывание образует один речевой такт, тема не имеет обязательного интонационного выражения.

В синтагматически независимой позиции автоматизированная интонация не различает расчлененные и нерасчлененные высказывания: и в тех и в других последнее слово несет на себе обычное слабое (автоматизированное) фразовое ударение.

Факультативное (не обусловленное позицией) усиление интонационных признаков темы и ремы в расчлененных высказываниях (*Сын — уехал*) с точки зрения смыслоразличения избыточно, поскольку тема и рема уже выражены порядком слов (препозицией подлежащего и постпозицией сказуемого). Такое усиление является стилистическим приемом, подчеркивающим расчлененность высказывания путем дезавтоматизации автоматической интонационной структуры фразы. Высказывания с позиционно необусловленным усилением интонационных признаков темы и ремы являются стилистическим вариантом высказываний с автоматизированной интонационной структурой фразы (*Сын уехал* и *Сын — уехал*).

В синтагматически зависимой позиции автоматизм нарушается. Нейтральная структура предложения и фразы изменя-

---

щие на определенное лицо). При описании актуального членения высказываний, строящихся на основе предложений с определенным синтаксическим составом, важное значение имеет, с одной стороны, разграничение этих категорий, с другой стороны,— установление соотношений между темой и данным и ремой и новым, характерных для каждого типа высказываний.

[6] Нерасчлененные высказывания представляют собой комплексную рему. Тема в таких высказываниях отсутствует. Высказывания нерасчлененного типа называют различными терминами: «предложения без данного» (К. Г. Крушельницкая); «нерасчлененные предложения с нулевой основой» (И. П. Распопов); предложения с «коммуникативной односоставностью» (О. Б. Сиротинина); предложения с «комплексным ядром» (П. Адамец).

ется: порядок слов и интонационные средства мобилизуются для непосредственного выражения актуального членения. Порядок слов в синтагматически зависимой позиции выполняет только одну функцию — выражения темы и ремы. Иерархия синтаксического членения нарушается: компонент предложения, служащий темой, выносится в начало предложения, компонент, служащий ремой,— в конец предложения (*Уехал/сын*; *Работал я/долго и упрямо*; ср.: *Сын/уехал*; *Я/долго и упрямо работал*).

В синтагматически зависимой позиции порядок слов утрачивает способность различать расчлененные и нерасчлененные высказывания (*Уехал/сын* и *Уехал сын*).

Интонация в синтагматически зависимой позиции непосредственно выполняет функцию выражения темы и ремы: тема выделяется особым повышением тона, заметно изменяющим всю интонационную структуру фразы: ударение на реме может превышать по силе обычное фразовое ударение (*Работал*(↑) *я/долго и упря́мо*).

Интонация в синтагматически зависимой позиции обладает способностью отличать расчлененные высказывания от совпадающих с ними по порядку слов нерасчленных высказываний: *Уехал*(↑)/*сын* (возможно и усиление фразового ударения на реме: *Уехал*(↑)/*сы́н*) и *Уехал сын* (П. Адамец отмечает, что в нерасчлененных двусловных высказываниях отсутствует «потенциальная пауза») [7]. См. пример расчлененного двусловного высказывания в контексте: *Прощания вовсе не было. Б ы л о — и с ч е з н о в е н и е* (М. Цветаева, Пленный дух). Надо заметить, что в речи не всегда реализуются интонационные различия, заложенные в языковой системе. Но они обязательно проявляются в тех случаях, когда говорящий стремится сделать смысл высказывания предельно ясным. Именно такого рода случаи показательны для выявления интонационных смыслоразличительных признаков, существующих в системе языка. В этом отношении сплошное обследование речи не всегда может привести к положительным результатам. В речи не всегда присутствуют все отмеченные интонационные признаки темы и ремы в расчлененных двусловных высказываниях типа *Уехал/сын*.

2. В ходе дискуссии было высказано сомнение в принадлежности актуального членения к особому уровню структуры предложения. Основанием для сомнения служит тот факт, что актуальное членение не обладает «должным самостоятельным набором средств». «... специализированных средств выражения актуального членения не существует, каждое из рассматриваемых средств не специализировано в функции выражения актуального членения» (О. А. Лаптева [8]). По этому вопросу следует заметить, что спецификация каждого из средств (порядка слов и интонационных средств) в функции выражения актуального членения несущественна для установления принадлежности актуального членения к особому уровню. Те же средства одновременно могут функционировать на других уровнях и выполнять другие функции. Ф. Данеш и К. Гаузенблас относят фонологические средства (сегментные и суперсегментные) и порядок элементов к «элементарным средствам», из которых создаются знаковые средства. «...каждый уровень имеет в своем распоряжении как единицы низших уровней, так и совокупность элементарных средств; из элементов обоих типов он конструирует свои единицы. На более высокий уровень исполь-

---

[7] П. А д а м е ц, указ соч., стр. 52.

[8] Стенограмма материалов Симпозиума — 6; ср. также: О. А. Л а п т е в а, Нерешенные вопросы теории актуального членения, ВЯ, 1972, 2.

зованные таким образом элементарные средства переходят уже как составная часть знакового средства» [9].

Для того чтобы доказать принадлежность актуального членения к особому уровню, необходимо установить релевантные свойства тех средств, которые формируют единицу этого уровня — высказывание.

Выше были продемонстрированы релевантные свойства порядка слов и элементов интонационной структуры фразы. Высказывания как единицы уровня актуального членения отождествляются и разграничиваются по определенной совокупности релевантных признаков.

3. Объективным критерием, позволяющим определить состав темы и ремы, может служить метод вопросов, применяемый в исследованиях по актуальному членению [10]. К высказыванию ставится вопрос. Та часть заключенной в высказывании информации, которая содержится в вопросе, относится к теме высказывания, а часть информации, непосредственно отвечающая на вопросительное слово,— к реме. Например, высказывание *Сдавать пушнину на базу ездит/главный зоотехник* отвечает на вопрос: Кто ездит сдавать пушнину на базу? Ответ: *главный зоотехник*. Высказывание *Решать задачи научил меня/мой отец* отвечает на вопрос: Кто научил меня решать задачи? Ответ: *мой отец*. Высказывание *Влияние на московскую школу он оказал/очень большое* отвечает на вопрос: Какое влияние он оказал на московскую школу? Ответ: *очень большое*. Высказывание *Природу я любил/нежно* отвечает на вопрос: Как я любил природу? Ответ: *нежно*. Высказывание *День выдался/знойный* отвечает на вопрос: Какой выдался день? Ответ: *знойный*. Высказывание *Помощь оказали/соседи* отвечает на вопрос: Кто оказал помощь? Ответ: *соседи*. Высказывание *Направлялся он/к лесу* отвечает на вопрос: Куда он направлялся? Ответ: *к лесу*. Высказывание *Ночь я провел/в чужом отряде* отвечает на вопрос: Где я провел ночь? Ответ: *в чужом отряде*.

Метод вопросов не нашел отражения в тексте Гр70, поскольку для определения членимости нераспространенных (двусловных или двукомпонентных) предложений, описанных в Гр 70, в этом не было необходимости. Типология высказываний, различающихся характером актуального членения, может быть построена лишь при сопоставлении актуального членения с синтаксическим [11]. Для нераспространенных предложений такое сопоставление не представляет затруднений. В двусоставных нераспространенных предложениях при стилистически нейтральной интонации препозитивное подлежащее служит темой, постпозитивное сказуемое — ремой. Обратное расположение главных членов свидетельствует о нерасчлененности высказывания (ср.: *Дети/кричали* и *Кричали дети*; *Костер/дымит* и *Дымит ко-*

---

[9] Ф. Данеш, К. Гаузенблас, Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и система языковых средств, сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1969.

[10] A. G. Hatcher, Theme and underlying question. Two studies of Spanish word order, «Word», 12, Monograph No 3, 1956. Систему вопросов применяет в своем исследовании П. Адамец (цит. соч). Ф. Данеш убедительно доказывает объективность этого критерия (F. Daneš, Zur linguistischen Analyse der Textstruktur, «Folia linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae», IV, 1/2, The Hague, 1970).

[11] Самого серьезного внимания заслуживает мысль В. Матезиуса о том, что «отношение между актуальным и формальным членением предложения — одно из самых характернейших явлений в каждом языке» (В. Матезиус, О так называемом актуальном членении предложения, сб. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 240). Надо заметить, что метод сопоставления актуального членения с синтаксическим, позволяющий построить типологию высказываний, предполагает применение принципа дихотомического ступенчатого членения, поскольку аналогичный принцип лежит в основе синтаксического членения предложения. При других принципах актуального членения (например, при выделении темы, ремы и «переходных звеньев») осуществление задачи такого сопоставления уже оказывается затруднительным.

стер). В односоставных предложениях нерасчлененность высказывания сигнализируется нормальным расположением компонентов словосочетания. Препозиция зависимого компонента словосочетания (субстантивного компонента или инфинитива) говорит о том, что этот компонент служит темой, а стержневое слово — ремой (ср.: *Много дел* и *Дел/много*; *Не осталось друзей* и *Друзей/не осталось*; *Необходимо уехать* и *Уехать/необходимо*; *Не слышно слов* и *Слов/не слышно*). Описанный выше механизм смыслоразличения в области актуального членения в русском литературном языке устроен таким образом, что при стилистически нейтральной интонации порядок слов в нерасчлененных высказываниях всегда обратен порядку слов в расчлененных высказываниях.

Метод вопросов необходимо включить в описание актуального членения распространенных предложений — ввиду их большей сложности и многообразия. Такое описание будет предпринято в будущей академической грамматике.

Характер вопроса может служить критерием разграничения парадигматически сильных (синтагматически независимых) и парадигматически слабых (синтагматически зависимых) высказываний.

Парадигматически сильные высказывания отвечают на полный диктальный вопрос [12]: Что происходит? Что произошло? Что имеет место? и под. Этот вопрос относится ко всему высказаванию в целом. На полный диктальный вопрос отвечают расчлененные высказывания, в которых актуальное членение совпадает с синтаксическим. Например, если синтагматически зависимые высказывания (см. выше) привести к исходным сильным членам парадигмы, то характер вопроса изменится. Высказывания *Главный зоотехник/ездит сдавать пушнину на базу*; *Соседи/оказали помощь*; *Я/нежно любил природу* и т. д. отвечают на полный диктальный вопрос: Что имеет место? Что произошло? Что имело место?

Расчлененные парадигматически сильные высказывания могут отвечать и на вопрос общего характера к субстантивному компоненту: Что можно сказать о данном лице или предмете? Что происходит (произошло и т. д.) с данным лицом или предметом?

На полный диктальный вопрос отвечают нерасчлененные высказывания: *Выдался знойный день*; *Дымит костер*; *Начался длинный осенний вечер*; *Послышались шаги и веселый говор* и т. д.

Парадигматически слабые высказывания отвечают на остальные три вида вопросов — частичный диктальный, полный модальный и частичный модальный вопрос.

Частичный диктальный вопрос относится к части высказывания. Часть высказывания, содержащаяся в вопросе, является темой, а другая часть, отвечающая на вопросительное слово, является ремой. Присутствие в вопросе части заключенной в высказывании информации является признаком синтагматической (контекстуальной) зависимости. На частичный диктальный вопрос отвечает подавляющее большинство высказываний, в которых актуальное членение расходится с синтаксическим. Примеры см. выше.

Модальные вопросы содержат всю заключенную в высказывании информацию. Ответ подтверждает или отрицает факт, содержащийся в вопросе. Полный модальный вопрос относится ко всему высказыванию в це-

---

[12] Ш. Балли различает четыре вида вопросов: полный диктальный, частичный диктальный, полный модальный и частичный модальный (Ш. Б а л л и, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955). П. Адамец применяет систему вопросов, разработанную Ш. Балли, при классификации предложений по типу актуальной информации (предложения обще-информативные, частно-информативные, обще-верификативные и частно-верификативные) (П. А д а м е ц, указ. соч).

лом. Например, высказывание *концерт/не состоялся* отвечает на вопрос: Состоялся ли концерт? Частичный модальный вопрос относится к части высказывания. Высказывание *Пароход идет/быстро* может отвечать на частичный диктальный (Как идет пароход?) или частичный модальный (Быстро ли идет пароход?) вопрос. Ремой является слово, к которому относится вопрос.

Высказывания, отвечающие на частичный диктальный и частичный модальный вопрос, формально не различаются. Поэтому разграничение этих двух видов вопросов для парадигматики высказываний несущественно. Наиболее существенным для парадигматики высказываний является противопоставление полного диктального и частичного диктального вопроса.

4. Экспрессивные варианты словорасположения со стороны содержания не отличаются от соответствующих им стилистически нейтральных вариантов. Они отличаются своей интонационной структурой — экспрессивной интонацией, которая возникает при перемещении фразового ударения с конца фразы в ее начало или середину. Ср.: *Не дóлги летние ночи*! и *Летние ночи не дóлги*; *Слишком простóрно было в полях* и *В полях было слишком простóрно*. Характер актуального членения при этом не изменяется. Это так называемый «субъективный порядок слов», который, начиная с В. Матезиуса, привлекал к себе внимание многих лингвистов [13]. В Гр70 экспрессивные варианты включаются в общую парадигму, поскольку они строятся при помощи тех же формальных средств, что и стилистически нейтральные высказывания,— порядка слов и интонации. Описывать их отдельно в виде особой стилистической парадигмы было бы неэкономно.

Порядок слов в экспрессивных высказываниях, расчлененных на тему и рему, утрачивает релевантные свойства — он перестает различать компоненты актуального членения (нарушается начальное положение темы и конечное ремы). Из двух интонационных показателей актуального членения — повышения тона на теме и ударения на реме — в экспрессивных высказываниях присутствует лишь один – ударение на реме. Тема не только не выделяется, но, напротив, интонационно скрадывается. В экспрессивных высказываниях рема находится в интонационно сильной позиции, тема — в интонационно слабой позиции.

Нарушение стилистически нейтрального ритмико-интонационного строя книжно-литературной речи может затрагивать интонационную структуру фразы в целом или касаться отдельных речевых тактов. В первом случае фразовое ударение перемещается с конца фразы в ее начало или в середину: *Слéзы стояли у ней в глазах*... (Л. Толстой); *Чудесá делает вода в пустыне!* (В. Песков); *Он зверски устáл сегодня* (Ю. Нагибин). Во втором случае ударение в речевом такте перемещается с конца речевого такта в его начало: *Полоска воды серебрóм переливается, исчезает в степи, поросшей рыжеватой шубой полыни* (И. Соколов-Микитов).

Перемещение фразового ударения с конца фразы в ее начало или середину, так же как и перемещение ударения в речевом такте с конца речевого такта в его начало, является результатом и н в е р с и и.

В любой синтаксической конструкции с бинарным противопоставлением членов один из них несет на себе более сильное ударение, а другой — более слабое [14]. В парадигматически сильных высказываниях ударения на

---

[13] См. работы В. Матезиуса, Ф. Данеша, В. Т. Коломиец, К. Г. Крушельницкой, В. С. Юрченко, П. Адамца и др.

[14] Вопрос о распределении силы ударения между разными частями речи ставится в книге: В. В с е в о л о д с к и й - Г е р н г р о с с, Теория русской речевой интонации, Пг., 1922. О расстановке синтагматических ударений на компонентах различных синтаксических конструкций см.: Н. В. Ч е р е м и с и н а, Нормативные

компонентах синтаксических конструкций распределены следующим образом. В атрибутивных словосочетаниях более сильное ударение падает на имя существительное: *неподвижные дере́вья*; *на правом боку́*. В субстантивных и глагольных словосочетаниях с зависимой предложно-падежной словоформой более сильное ударение несет на себе зависимая словоформа: *прыжок на зе́млю*; *зарево огне́й*; *взглянул на отца́*; *кончаю институ́т*. В глагольных словосочетаниях с качественными наречиями на *-о*, *-е* более сильное ударение падает на глагол: *тихонько пе́л*; *легко ды́шится*. В сложных и составных сказуемых более сильное ударение падает на инфинитив, именную часть, причастие или наречие: *будет пла́вать*; *были кру́пные*; *был на́йден*; *стало ве́село*. В двусоставных предложениях, соответствующих нерасчлененным высказываниям, более сильное ударение падает на подлежащее (на последнее слово группы подлежащего): *Часто падали зве́зды* (А. Чехов); *Тускло светится темно-красная полоска зари́* (Ю. Казаков). В двусоставных предложениях, соответствующих расчлененным высказываниям, более сильное ударение падает на сказуемое (на последнее слово группы сказуемого), поскольку оно является ремой: *Сучок замыкал ше́ствие* (И. Тургенев); *Море было пусты́нно* (К. Паустовский). В предложениях с детерминантами более сильное ударение падает на предикативную основу (на последнее слово предикативной группы): *Под квартирой по́греб* (К. Чуковский); *На глазах Юрки густой белый туман поглотил о́зеро* (Ю. Нагибин).

В парадигматически слабых высказываниях все приведенные правила соотношения акцентов в синтаксических конструкциях теряют свою обязательность, так как более сильный акцент несет тот член, который становится ремой: *Самолюбие его страдало/невыноси́мо* (И. Тургенев); *Скука меня томила/стра́шная* (И. Тургенев); *Дело решил/челове́к* (М. Пришвин) (ср.: *Его самолюбие невыносимо страда́ло*; *Меня томила страшная ску́ка*; *Человек решил де́ло*).

Относительная сила ударений в каждом типе конструкций стабильна. Если компоненты конструкции подвергаются инверсии, т. е. меняются местами, то меняется и взаиморасположение более сильного и более слабого ударений. Ср.: *У ней в глазах стояли сле́зы* и *Сле́зы стояли у ней в глазах*; *В пустыне вода делает чудеса́* и *Чудеса́ делает вода в пустыне*; *Сегодня он зверски уста́л* и *Он зверски уста́л сегодня*; *Полоска воды переливается серебро́м* и *Полоска воды серебро́м переливается*.

Более сильное ударение на последнем члене конструкции соответствует стилистически нейтральному ритмико-интонационному строю книжно-литературной прозаической речи. При нисходящем по силе расположении акцентов интонационный рисунок фразы приобретает экспрессивную окраску, выделяющуюся на общем нейтральном фоне.

Экспрессивные варианты могут быть образованы и парадигматически сильными и парадигматичеки слабыми высказываниями. Однако в книжно-литературной речи преобладают высказывания, являющиеся экспрессивными вариантами сильных членов парадигмы.

В русском литературном языке существуют два типа экспрессивных высказываний – с полной и частичной инверсией. В первом случае компоненты синтаксической конструкции выстраиваются в обратном порядке: *Свежая струя́ пробежала по моему лицу* – И. Тургенев (ср.: *По моему лицу пробежала свежая струя́*); *Но вот ве́тер набежал, и зашумели верхушки...*— И. Тургенев (ср.: *Но вот набежал ве́тер, и зашумели верхушки*); *Неясными зву́ками был полон воздух* – С. Сергеев-Ценский (ср.:

позиции синтагматического ударения в современном русском языке, сб. «Вопросы лексикологии и синтаксиса, Уфа, 1964; е е ж е, Строение синтагмы в русской художественной речи, сб. «Синтаксис и интонация», Уфа, 1969.

Воздух был полон неясными зву́ками); *Новые и новые препя́тствия встречает вода* — М. Пришвин (ср.: *Вода встречает новые и новые препя́тствия*); *Жа́ркие были бои* — В. Песков (ср.: *Бои были жа́ркие*). Во втором случае один из компонентов синтаксической конструкции выносится в начало предложения, а другой остается в конце. При частичной инверсии фраза приобретает рамочную акцентную структуру: *Бро́сился Жилин в кусты́* — Л. Толстой (ср.: *Жилин бросился в кусты́*); *Горе́ли под белым платком такие страшно знакомые глаза́* — М. Шолохов (ср.: *Под белым платком горели такие страшно знакомые глаза́*); *Неви́димый звенел жа́воронок* — Ю. Нагибин (ср. *Звенел невидимый жа́воронок*); *Широ́кие открывались взору простра́нства* — И. Соколов-Микитов (ср.: *Открывались взору широкие простра́нства*). Экспрессивно выделяются при этом оба компонента, образующие акцентную рамку.

5. Лексический состав предложения оказывает влияние на возможности варьирования его актуального членения. Лексическое наполнение отдельных предложений не может быть объектом грамматического изучения, поскольку грамматика оперирует обобщенными категориями. Однако есть основания предполагать, что ограничения, накладываемые лексическим составом предложения на образование вариантов актуального членения, могут быть объяснены и обобщены, если обратиться к семантической структуре предложения.

Семантическая структура предложения, непосредственно воздействующая на актуальное членение и парадигматические свойства высказываний, заслуживает самого пристального внимания. Многие синтаксические типы предложений имеют не одну, а две или несколько парадигм высказываний — в зависимости от особенностей семантической структуры предложения. Семантическая структура определяет характер исходного сильного члена парадигмы, а также количество и характер остальных членов парадигмы. Например, в двусоставных глагольных предложениях существенным фактором, влияющим на актуальное членение, является семантика глагола и особенности семантической связи глагола с именем существительным в именительном или косвенном падеже. Многие типы предложений при ослабленной информативной значимости глагола имеют особую парадигму, исходным членом которой служат нерасчлененные высказывания: *Близился вечер*; *Доносились слабые звуки*; *Стоял невообразимый шум*; *Произошла задержка с доставкой груза*; *Неожиданно пришла беда*. Информативная значимость глагола часто снижается в тех случаях, когда глагол обозначает постоянно присущий предмету способ существования или проявления: *Шум стоял*; *Голос звучал* и под. Семантическая избыточность таких глаголов препятствует их функционированию в составе ремы и, напротив, предопределяет их принадлежность к теме вместе с подлежащим: *Шум стоял/невообразимый*; *Голос его звучал/огорченно* [15]. Большую роль в актуальном членении играет также соответствие или несоответствие семантического субъекта грамматическому подлежащему и ряд других семантических факторов.

Следует отметить, что при построении парадигм группировка высказываний по «сходству лексических структур» (Т. М. Николаева [16]) нецелесообразна, так как при этом будет утрачен главный принцип, лежащий в основе типологии высказываний,— соотнесение актуального членения с синтаксическим. Группировка высказываний по семантической структуре

---

[15] В. Г. Гак отмечает, что семантическая избыточность в русском предложении часто наблюдается в сказуемом (В. Г. Гак, К проблеме семантической синтагматики, сб. «Проблемы структурной лингвистики 1971 г.», М., 1972).

[16] Стенограмма материалов Симпозиума — 6.

может быть осуществлена лишь внутри определенной синтаксической структуры.

6. Положение о том, что актуальное членение является категорией структуры текста [17], бесспорно, поскольку актуальное членение имеет непосредственное отношение к осуществлению связи между высказываниями в тексте. Но это лишь одна сторона вопроса. Другая сторона заключается в том, что актуальное членение обнаруживает себя в структуре отдельных высказываний, вступающих друг с другом в парадигматические отношения. Если первый аспект, в соответствии с существующей традицией, находится вне поля зрения грамматики, то второй аспект является прямым объектом грамматического изучения. Другими словами: если синтагматика высказываний (контекстуальные связи высказываний) является предметом «лингвистики текста» или «текстлингвистики», то парадигматика высказываний должна стать составной частью грамматики [18].

---

[17] См.: Т. М. Николаева, Актуальное членение — категория грамматики текста, ВЯ, 1972, 2.

[18] Высказывание, рассматриваемое со стороны его актуального членения, обладает системными свойствами и является единицей языка, а не речи. Об иных пониманиях термина «высказывание» см. в ст.: О. А. Лаптева, Нерешенные вопросы теории актуального членения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

Ю. С. СТЕПАНОВ

СОВРЕМЕННЫЕ СВЯЗИ ЛИНГВИСТИКИ И ЛОГИКИ

Категории функции, пропозициональной связки, синтаксического отрицания

I. Развитие языкознания за последние несколько лет снова сделало чрезвычайно актуальным вопрос о связи лингвистики и логики. В предвидимом будущем эти две науки будут по всей вероятности все более тесно взаимодействовать. Целесообразно поэтому уже сейчас приступить к рассмотрению их осуществившихся контактов и таких параллелей, которые обещают завершиться полными контактами. Для многих лингвистов-практиков взаимоотношения логики и языкознания все еще представляются такими, какими они сложились к началу XX в.: так называемая «проблема суждения и предложения», категории мысли и категории языка, мышление «первобытное» и «современное» и т. п. — все эти вопросы часто ассоциируются у лингвиста с темой «логика и лингвистика», вызывая скорее отрицательное отношение к ней. На самом деле в настоящее время существуют две различные проблемы, или, лучше сказать, два различных подхода к этой теме.

1. С одной стороны, остается актуальной проблема взаимоотношения языка и мышления, в которой центральное место занимает вопрос о содержательной стороне языка и мышления. Вопрос о формах того и другого при этом находится в зависимости от решения вопроса о содержании. Здесь наметилось два основных течения. В одном из них проблема освещается обычно в таких терминах: «структура предложения и структура выражаемых им суждения, вопроса, побуждения», «члены предложения и компоненты суждения», «категории числа и счета», «модальности и наклонения» и т. д.[1]. В другом течении проблема ставится в общем в терминах «глубинных» и «поверхностных структур» с их более частными разновидностями [2]. В отдельных работах предлагается подход в терминах «языкового» или «речевого мышления» [3]. Историческими предшественниками исследователей, работающих теперь в русле этого течения, были те логики и лингвисты, которые при всем различии воззрений так или иначе исходили из тесной связи содержания мышления и содержания языковых форм (Аристотель, логики Пор-Рояля, Э. Сепир и Б. Л. Уорф, Л. Вейсгербер, И. И. Мещанинов и др.).

2. С другой стороны, по-новому встала проблема взаимоотношения лингвистики и логики как наук. Центральное ме-

---

[1] См.: В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 113, и сл.; 200 и сл.; Г. В. Колшанский, Логика и структура языка, М., 1965, стр. 75—76.

[2] См.: В. Г. Гак, Проблемы лексико-грамматической организации предложения. АДД, М., 1968; Н. Д. Арутюнова, Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора, ВЯ, 1973, 1. Ср. подобный подход на материале лексики: А. А. Уфимцева, Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968.

[3] См.: Г. П. Щедровицкий, «Языковое мышление» и методы его исследования. АКД, М., 1964; С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, М.—Л., 1971.

сто занимает здесь вопрос о формах языка и формах мышления, а вопрос о содержании ставится в зависимость от решения вопроса о формах и вопроса о методах описания форм. В рамках этой проблемы выявился целый ряд общих для логики и языкознания категорий: оппозиция; дихотомия и бинарность; понятие классификации; исчисление системы; функция; импликация, конъюнкция и другие операции; категории осуществимости и бесконечности (например, в связи с вопросом об осуществимости цепочки порождений в генеративной грамматике) и т. д. Как это на первый взгляд ни парадоксально, исследователи этих вопросов имеют своими предшественниками тех ученых, которые отрицали связи логики и языка (Г. Штейнталь, А. А. Потебня).

В 60-е годы в предмете лингвистики и логики открылась целая новая общая для них область исследований, которая постепенно получает все более определенное наименование: «язык как действие» и «язык в действии» (ср. франц. «langage en exercice», «langue en- situation»), «акт высказывания» («énoncement et énonciation») в отличие от «высказывания» («énoncé»). Она охватывает такие категории, как референция и денотат; основные референциальные точки языка в местоимениях и глаголах («принцип *я-здесь-сейчас*» и его антропоцентрический характер); абсолютная и относительная референция, распространение подвижной референции с основных точек на другие (от «я» к «этот», «здесь» и к подобным словам-указателям), дейксис и анафора; далее, перформативная функция слова и предложения (в отличие от номинативной, дескриптивной и ассертивной функций); пропозициональная связка (вообще и, в частности, в предложениях бытийных, с глаголом «быть» и без него); синтаксическая функция в логическом смысле; модальность, и т. д. В новой области два названных выше подхода лингвистов к логической проблематике соприкасаются, и в круг темы «лингвистика и логика» опять, но уже по-новому, включаются проблемы семантики. Они решаются при этом в зависимости от решения вопроса о формах и на основе сходства приемов и методов лингвистики как науки о языке с приемами и методами логики как науки о законах и формах мышления.

Все современные контакты логики и лингвистики сделали совершенно очевидным, что совпадение теоретических понятий обеих наук в указанном смысле — положительный фактор, что когда какое-либо понятие лингвистики, одноименное с логическим или параллельное ему, все же отличается от него, целесообразно уточнить его и максимально приблизить к логическому (если, конечно, специфика языка не препятствует этому). В настоящей статье будут подробнее рассмотрены три таких понятия, названных в заголовке.

II. Логико-математическому понятию ф у н к ц и и дается много определений с различных точек зрения [4]. Наиболее отвечающим решению тех проблем, которые подробнее рассматриваются ниже, будет определение по Х. Карри, в котором понятие функции вводится на основе понятия функтора. Х. Карри выделяет следующие основные виды функторов: «операторы», преобразующие имена в имена, «глаголы», или «предикаторы», преобразующие имена в предложения, «коннекторы», преобразующие предложения в предложения, и «субнекторы», преобразующие предложения в имена [5]. Логические термины «глагол», «предложение», «имя» не тождественны лингвистическим, но функтор может получить тождественное для логики и лингвистики определение. Мы определим ф у н к т о р как я з ы к о в о е с р е д с т в о т р а н с п о з и ц и и

[4] См.: Н. И. К о н д а к о в, Логический словарь, М., 1971, стр. 580—581.
[5] Х. Б. К а р р и, Основания математической логики, М., 1969, стр. 63.

одного множества языковых единиц в другое множество единиц того же языка. Функция есть свойство, или значение, функтора. Это определение является адекватным как для логики, так и для лингвистики.

Прежде чем перейти к разъяснению входящих в определение понятий, приведем простой пример функции. Если принять за исходное множество единиц русские глаголы типа *сообщать*, *выражать*, *исполнять* и т. п., а за производное множество единиц *сообщение*, *выражение*, *исполнение* и *то, что* (*как*) *сообщается*, *исполняется*, то отношение от первого множества ко второму будет функцией, а языковые формы *-ение*; *то, что* (*как*) — *-(ает)-ся* будут языковыми средствами этой функции, функторами.

В определение входят термины «языковая единица», «транспозиция», «функтор как языковое средство транспозиции». Остановимся на них подробнее. Под единицами в этом определении всегда следует понимать только то, что терминологически определено как единицы языка, т. е. фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения. Под множеством единиц, которое данная функция транспонирует в другое множество, следует понимать совокупность одноименных единиц из приведенного перечня.

Под транспозицией следует понимать такое языковое явление, когда языковая единица, или языковой знак, не меняя своего основного «вещественного» значения, изменяет грамматическое значение. Соответственно тому, проявляется ли транспозиция а) лишь в изменении синтаксического окружения и сочетаемости или б) в изменении линейного означающего знака, она разделяется на два вида — имплицитная транспозиция, или гипостаз, и эксплицитная, или функциональная транспозиция. Примером гипостаза могут служить такие выражения, как *Ваши* **нет** *мне надоели*, где слово *нет* транспонировано в существительное. Развернутую систему гипостаза междометий описал С. Карцевский, показав, что русские междометия могут транспонироваться не просто в глагол, но в глагол переходный или непереходный; например, *В воду бух*!; *Он схватил камень, да бух его в реку*! [6]. Примером эксплицитной транспозиции могут служить приведенные выше примеры: *сообщения*; *то, что сообщается* при *сообщать* и др.

Изложенное понимание транспозиции, как и самые термины, полностью соответствуют концепции этого явления у Ш. Балли [7]. Намеченные у Балли основные категории отвечают наиболее ярко выраженным, полярным случаям. Во многих других, промежуточных случаях имеет место лишь некоторый сдвиг в сторону гипостаза, когда перестраивается парадигма знака, что сопровождается некоторым изменением линейного означающего. Примером этого может служить конверсия в английском языке (см. также ниже). В учении Ш. Балли транспозиция была четко ограничена областью продуктивных явлений языка — не обязательно «чисто синхронными» отношениями, но непременно живыми и продуктивными связями языковых единиц. Однако это ограничение у Ш. Балли было слишком жестким: по его мнению, всякое изменение «вещественного» значения полностью исключается из понятия транспозиции. С этой точки зрения, например, чисто относительные прилагательные могут рассматриваться как транспозиция существительного, ср. русск. *сестрин*=*сестры́*, *отцов*=*отца*, *мужнин* = *мужа*, но прилагательные типа *отцовский* уже не могут, так как в отношении *отцовский* — *отец* имеется сдвиг «вещественного»,

---

[6] S. Karcevski, Introduction à l'étude de l'interjection, CFS, 1, 1941.

[7] См.: Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 130—143, 181—182.

значения, ср. *отцовские чувства* «чувства любви или привязанности, как у отца к детям».

Этот пункт в концепции Ш. Балли нуждается в уточнении и уточняется через понятие «множества», входящего в определение функции. Из понятия транспозиции, а следовательно, и функции, исключаются лишь те языковые явления, которые не прослеживаются регулярно на множестве аналогичных случаев и поэтому не допускают обобщения. Но те отношения, которые сопровождаются регулярным и предсказуемым изменением «вещественного» значения, подводятся под понятие транспозиции и функции. С этой точки зрения отношения типа *лет-чик*, *размет-чик*, *писа-тель*, *чита-тель* и т. п. к соответствующим глаголам являются отношениями функции, так как они представляют собой, во-первых, изменение грамматического значения («летать» — «тот, кто летает» и т. п.), а, во-вторых, регулярное изменение «вещественного» значения («профессия или социальная группа»).

Множество единиц, которое подвергается транспозиции, составляет область определения данной функции. Естественно, что во многих случаях потребуется описать также и то множество единиц, которое получается в результате действия данной функции, поскольку в естественном языке, в отличие от логического, значения функтора и значения конечных продуктов его применения в большинстве случаев, как видно уже из приведенных примеров, несколько отличаются друг от друга. Однако это описание, вообще говоря, не требуется для понимания самой функции, которая достаточно определяется функтором и областью определения. Напротив, в некоторых случаях, особенно когда не требуется детализации, можно описать функцию, указав исходное множество единиц и конечное множество единиц и избежав таким образом описания функтора.

Понятие функтора является дальнейшим развитием уже изложенной концепции транспозиции. Очевидно, что функтор может быть отдельной языковой единицей, сочетанием отдельных единиц в синтагму, и, как будет показано ниже, структурной схемой предложения, а также операцией преобразования. Рассмотрим подробнее каждый из четырех случаев.

1. Функтор-языковая единица может быть морфемой, словом, словосочетанием, а также фонемой. Функторы-морфемы достаточно иллюстрируются вышеприведенными примерами. Функторами-словами будут, например, глаголы, выполняющие функции перевода полнозначного глагола одной категории в другую. Таковы, например, франц. *laisser* и *faire*; ср. *tomber* «упасть», *laisser tomber* «уронить», *faire tomber* «опрокинуть»; *croire* «верить», *faire* (*ac*)*croire* «заставить поверить; внушить мысль». В этом примере категория, в которую переводятся простые глаголы,— каузатив. Функторами-словосочетаниями являются, например, союзные слова: *вследствие того, что*; *в силу того обстоятельства, что*; *прежде чем* и т. п.

Поскольку функтор есть языковая единица, служащая транспозиции одной языковой единицы в другую, сам функтор никогда не может быть единицей того же типа (яруса, уровня, устройства,— вообще, того же наименования), что и единица, или единицы, служащие его исходным и конечным продуктом. Единицы из области определения функции, служащие исходным продуктом, должны, по самой сути функции, входить в функтор. В линейном отношении, следовательно, функтор должен быть длиннее исходных единиц: более короткие входят в более длинные. Но каким образом слово может «войти» в суффикс, если функтором является суффикс? Как, например, слово *летать*, относящееся к области определения суффикса-функтора *-чик*, может «войти в суффикс»? Чтобы не впасть

здесь в противоречие необходимо теоретически записывать суффикс как «— -чик» и понимать его, следовательно, как абстрактную единицу с незаполненным местом, требующую всегда того или иного наполнения и преобразующую то, что попадает в это место. Так же и в случае «*laisser* —» и во всех подобных.

Функтор-фонема может быть на материале языков с палатализацией иллюстрирован фонемой *j*, которая в современных описаниях с позиций «порождения» или «глубинных структур» закономерно рассматривается как функтор, в определенных условиях преобразующий предшествующую фонему (например, русск. *сид* + *j* + *у* → *сижу*), а в определенных других условиях — последующую (например, литов. ед. число прошедшего вр. глагола *sakyti* «говорить, сказать»; 1-е лицо *sak* + *j* + *a* + *u* → *sakiau* «я сказал», 2-е лицо *sak* + *j* + *a* + *i* → *sakei*, 3-е лицо *sak* + *j* + *a* + + *a* → *sakė*).

2. Функтор-синтагма является минимальной моделью синтаксического построения, в котором релевантными элементами служат порядок слов и/или формальные показатели связи. Ср. русск. *острый нож*, но *нож острый*, где релевантно только расположение элементов. В еще более яркой форме проявляется это в английском, ср. *stone wall*, но *wall stone*, *grammar school*, но *school grammar*. Простейшим видом формальной связи служит согласование, под которое мы подводим не только согласование существительного с прилагательным, но и глагола с дополнением. В самом деле, в таких случаях, как русск. *въ-ехать в город*, *подойти под образец*, *под-лезть под стол*, *с-прыгнуть с крыльца* и т. п., один формальный показатель распространяется на всю группу «глагол + имя», подобно тому, как это имеет место в группе «прилагательное + существительное». Предложное управление в русском языке во многих случаях может быть сведено к согласованию с одним опущенным показателем, ср. *ехать в город* ← *въ-ехать в город*; *играть на рояле* ← *на-играть на рояле* [8]. Функтор, соответствующий структурной схеме предложения, рассматривается дальше особо (см. III).

3. Функтор-операция должен быть выделен в особый вид. Вообще говоря, всякий функтор представляет собой операцию, не исключая и функтора-фонемы. Но до тех пор, пока эта операция может быть обозначена отдельной единицей, мы говорим о функторах как сегментных (1-й тип), и суперсегментных (2-й тип) единицах. Лишь в том случае, если операция требует для своего языкового выражения более чем одной единицы, и эти единицы действуют не симультанно, а последовательно одна за другой, мы выделяем ее функтор в особый, 3-й тип.

Примером функтора-операции могут служить в общем случае все синтаксические трансформации при условии, что они применимы к некоторому множеству синтаксических явлений, а не к отдельным явлениям. Согласно общепринятой точке зрения, конструкции с род. падежом при имени представляют собой результат ряда преобразований глагола с им. падежом субъекта или вин. падежом объекта, ср. *приглашение отца* ← *отец пригласил* или *отца пригласили*. Под понятие функтора-операции могут быть подведены также некоторые виды конверсии [9].

В применении к фонологическому материалу понятие функтора-операции позволяет обобщить многие разновидности порождающих процедур. Под него подходят понятия «модификатора» (сонантов и нейтрально-

---

[8] Подробнее см.: Ю. С. Степанов, Проблема классификации падежей, ВЯ, 1968, 6, стр. 44—46.

[9] См.: Ю. С. Степанов, Французская стилистика, М., 1965, стр. 77—82, 97—100.

го гласного) в порождающей фонологии В. В. Мартынова [10]; понятие глайдов и «главного класса признаков» в системе Н. Хомского — М. Халле [11]; понятие «расщепления непериферийных локальных типов» в системе В. А. Виноградова [12]; понятие нейтрализации в опыте В. М. Бельдияна [13], развившего некоторые идеи П. С. Кузнецова. Под это понятие подходят также практические рекомендации отдельных фонетистов располагать иностранный фонемный материал для обучения в таком порядке, чтобы можно было вводить каждую новую фонему путем минимального изменения признаков ранее введенной фонемы [14].

От понятия функции как значения функтора необходимо отличать понятие языкового обоснования самого функтора. Этот тип отношений подробно исследован в ряде работ Е. Куриловича и Э. Бенвениста и получил (у Е. Куриловича) название rapports de fondement «отношения основания (или: обоснования)». То, что обосновывает функтор, не обязательно исторически ему предшествует. Форма, возникшая позже, может стать синхронным обоснованием функтора. Так, в индоевропейских языках относительное предложение возникает позже, чем именное сложение, но в синхронном плане становится обоснованием последнего. Развивая понятие функции, Э. Бенвенист предлагает, в частности, рассматривать индоевропейское именное сложение (типа бахуврихи русск. *черноглазый*, франц. *bateau-touche* «речной трамвай», буквально: «пароход-мушка») не как морфологическую, а как синтаксическую структуру («именное сложение — это микросинтаксис») и «синтаксическую функцию». Э. Бенвенист показал, что «синтаксические функции» являются универсальными категориями разных языков [15]. Переводя терминологию Э. Бенвениста в ту, которой мы придерживаемся, можно, как кажется, внести некоторые уточнения и показать, что возможны две трактовки. При одной из них, как и поступает Э. Бенвенист, можно определить функцию сложного имени так: транспонировать актуальное отношение предикации, выраженное базовым предложением, в виртуальное. У каждого типа сложного имени оказывается свое «базовое предложение» (например, у типа франц. *le bateau-touche* им будет *Le bateau qui est une touche* «Пароход, который есть мушка») [16].

При второй трактовке «базовое предложение» определяет строение функтора сложных имен, но не имеет вхождения в сложное имя; таким образом, между базовым предложением и сложным именем — отношения

---

[10] В. В. Мартынов, Славянская и индоевропейская аккомодация, Минск, 1968, стр. 13 и сл.

[11] N. Chomsky, M. Halle, The sound pattern of English, New York, 1968, стр. 295—303.

[12] В. А. Виноградов, Консонантизм и вокализм русского языка, М., 1971, стр. 29—30.

[13] В. М. Бельдиян, Звуковая система современного русского языка и вопросы нейтрализации фонем. АКД, М., 1968.

[14] В. А. Виноградов, указ. соч., стр. 9—10; А. Н. Рапанович, Фонетика французского языка, М., 1969, стр. 113—115.

[15] См. об этом ряд статей в кн.: E. Benveniste, Problèmes de linguistique générale, Paris, 1966; а также см.: E. Benveniste, Fondements syntaxiques de la composition nominale, BSLP, 62, 1967; Понятие синтаксической функции Бенвениста было применено к описанию русского материала Ж. Веренком, см.: J. Veyrenc, Structure syntaxique des composés en russe, там же; его же, Expansion syntaxique et classement des préverbes, «Slavica», VIII, 1968.

[16] Заметим, что Э. Бенвенист, идя от своего материала, нащупал здесь тонкие логико-лингвистические различия в функциях глагола «быть» (индоевропейских языков), которые с иной стороны получили более полную классификацию в работе К. Берки (К. Берка, Функции глагола «быть» с точки зрения современной формальной логики, сб. «Логико-грамматические очерки», М., 1961, стр. 170 и сл), где «быть» как «подобно» соответствует третьему значению.

синтаксического обоснования функтора. Тогда областью определения сложного имени являются простые имена; функция сложного имени заключается в совмещении двух раздельных наименований в одном, или, что то же самое, в совмещении двух естественных языковых классификаций в одной, и, по крайней мере, для некоторых типов имен,— в одновременной адъективации наименования, в транспозиции его из существительного в прилагательное, ср. *черноглазый*; (Аполлон) *сребролукий* и их греческие аналоги. Две классификации, например, в случае *черноглазый* таковы: 1) черный, но не весь черный, а только 2) в отношении глаз [17]. Функтором сложного имени является синтаксическое примыкание двух терминов, или «первичная именная синтагма».

Еще сравнительно недавно отмечалось: «... за последние десятилетия термины „структура“ и „функция“ стали наиболее двусмысленными и трафаретными словечками в науке о языке. Особенно часто смешиваются омонимичные термины функция как „роль, задача“ (в аспекте целевой модели) и функция как „соответствие между двумя переменными“; в „Философском словаре“ Лаланда справедливо подчеркивается, что «здесь скрывается источник путаницы, которая делает многие страницы, написанные в наше время, непонятными» [18]. В том понимании функции, которое мы, вслед за Э. Бенвенистом и другими исследователями, развивали здесь, этот разрыв преодолевается, и оба значения получают ясную связь: функция есть транспозиция и в этом смысле — соответствие между двумя переменными; но эта транспозиция, всегда создавая единицу языка, актуальную для данной ситуации, выполняет тем самым определенную задачу говорящего и в этом смысле отвечает его целевой установке, получая «роль и задачу». Предстоит исследовать, какие еще лингвистические понятия, кроме рассмотренных выше, могут быть подведены под это понятие функции [19].

III. Остановимся теперь на одной категории, которую определенно следует рассматривать как разновидность функции,— на понятии пропозициональной функции, или пропозициональной связки.

Поскольку речь идет о синтагматическом аспекте языка, центральным пунктом здесь оказывается предложение и высказывание. В логике они рассматриваются в разных ее разделах: 1) в аристотелевском учении о суждении с его основной формулой «*S* есть *P*» и ее обычной атрибутивной интерпретацией (*P* как признак *S*), что в свою очередь связано с категориями «понятие», «объем», «класс»; 2) в формализации этого учения по линии учения о классах, в булевых алгебрах; 3) в иной формализации, по линии учения о силлогизмах, в исчислении высказываний; 4) в логике отношений; 5) в наиболее современном виде — в виде исчисления предикатов. В лингвистике уживаются и сосуществуют аналоги почти всех названных логических систем. До последнего времени не прекращались опыты, в целом мало продуктивные, непосредственного увязывания аристотелевского учения о суждении с лингвистическим учением о предложении [20].

---

[17] См.: Ю. С. Степанов, О партитивном определении в латинском, испанском и французском языках, ФН, 1959, 2.

[18] Р. Якобсон, Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами, «Новое в лингвистике», IV, М., 1965, стр. 377.

[19] Э. Бенвенист сделал попытку определить через понятие функции категорию значения, он полагает, что «значение языковой единицы можно определить как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня», и указывает на сходство этого отношения вхождения с «пропозициональной функцией» Рассела (Э. Бенвенист, Уровни лингвистического анализа, сб. «Новое в лингвистике», IV, стр. 444).

[20] См., например, соответствующие статьи в сборниках: «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950; сб. «Логико-грамматические очерки».

Интересные и перспективные работы Т. П. Ломтева [21] составляют, как нам думается, своеобразный аналог логики отношений. Исследования, проводимые в русле синтаксической концепции академической «Грамматики современного русского литературного языка» 1970 г., и некоторые ее разделы, несмотря на отсутствие внешнего сходства (формального аппарата и т. д.), можно, по-видимому, считать наиболее полными лингвистическими аналогами логического исчисления предикатов (см. ниже о концепции сложного предложения В. А. Белошапковой).

Остановимся прежде на пропозициональной связке в простом предложении. Функтором здесь будет «структурная схема предложения» [22]. Как функтор структурная схема простого предложения имеет областью определения функции лексику, т. е. слова, заполняющие соответствующие места в этой схеме (так как предложение — в большинстве случаев функция многоместная); значение этой схемы-функтора — предицирование, предикация. Структурная схема простого предложения является абстрактной единицей в том же смысле, что и суффикс (например, «— -чик»). Функторы-предикаты создаются структурой самого предложения, его структурной схемой; глаголы же являются отдельными словами, способными заполнять соответствующие места функторов-предикатов, в чем и проявляют свое первичное назначение. Подчеркнуть это особенно важно потому, что авторы некоторых работ (например, Т. П. Ломтев) придерживаются иной концепции, согласно которой описать глагол можно, только описав структуру предиката, в котором этот глагол способен употребляться [23].

Для выяснения вопроса о пропозициональной связке в сложном предложении будем основываться на исследованиях В. А. Белошапковой [24]. Суть концепции автора заключается в том, что сложное предложение — не единица того же уровня, что простое предложение (как считают некоторые современные исследователи). Собственным грамматическим значением простого предложения является предикативность (в прежнем, недополненном понимании), собственным же грамматическим значением сложного предложения — смысловые отношения между соединяющимися в его составе компонентами. Предикативность у сложного предложения является не его значением, а, будучи необходимым качеством его компонентов,— элементом его структуры. Отношения между компонентами сложного предложения — той же природы, что и отношения между словоформами, соединяющимися в составе словосочетаний, но выражаются эти отношения иными средствами, совпадающими лишь отчасти с системой средств выражения связей между словоформами. «Система сложного предложения предполагает существование системы простого предложения и словосочетания со свойственными им закономерностями; она строится над эти-

---

[21] См., например: Т. П. Ломтев, Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката, «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1968.

[22] Говоря о структурной схеме предложения, мы используем термин и соответствующее понятие академической «Грамматики современного русского литературного языка» (М., 1970, §§ 1282—1288, 1290—1291), которые, однако, в несколько ином виде и независимо развиваются и в других работах. См., например, Г. В. Петрова, Принципы синтаксической таксономии. АКД, М., 1971.

[23] Смешение «синтаксической парадигмы» как структуры предиката предложения и «семантической парадигмы» как структуры групп глаголов, могущих употребляться в данном предикате, отмечалось в литературе; см.: Г. В. Петрова, О понятии парадигмы в семантике и синтаксисе, «Вестник МГУ», Серия X. Филология, 1970, 6.

[24] См. ее последние по времени работы: В. А. Белошапкова, Сложное предложение в современном русском языке, АДД, М., 1970, а также и соответствующий раздел академической «Грамматики».

ми системами и на их основе» [25]. Таким образом, последние являются синтаксическим обоснованием схемы сложного предложения.

Что сближает этот подход с отмеченными выше логическими концепциями? Если бы сложное предложение рассматривалось в одном ряду с простым, то с логической точки зрения его структура сводилась бы к структуре простого предложения, т. е. к различным видам пропозициональной связки «*S* есть *PB*» и к многоместным предикатам. Такое освещение было бы, очевидно, аналогично рассмотрению всех относящихся сюда логических проблем синтаксиса с довольно узкой точки зрения — либо логики отношений, либо формализованной силлогистики и исчисления высказываний. Но в данной концепции сложные предложения рассматриваются с точки зрения всего многообразия логических отношений между их частями и способов выражения этих отношений, взятых в их синтаксической системе, и в этом многообразии простая пропозициональная связка и многоместные предикаты простого предложения оказываются лишь частными случаями. Это аналогично расширению исчисления предикатов в логике. Чрезвычайно важно при этом и то, что такая лингвистическая система позволяет (подобно тому, как это делается в исчислении предикатов) каждому предикату поставить в соответствие определенную функцию [26], что гораздо хуже удается применительно к простой связке «*S* есть *P*» — основной связке простого предложения.

Дадим теперь общее лингвистическое определение пропозициональной функции. Функтором пропозициональной функции служит та языковая форма предикации, которая называется структурной схемой предложения. Следовательно, в языке столько разновидностей пропозициональной функции, сколько структурных схем предложения — как простого, так и сложного. Поскольку схема характеризуется лексическим наполнением, а схема сложного предложения имеет наполнение в виде схем простых предложений, то «областью определения» пропозициональной функции является совокупность единиц, служащих наполнению соответствующей структурной схемы. Если исходными компонентами схемы были непредикативные единицы, то результатом применения функции будет простая предикация (простое предложение); если компонентами были предикативные единицы, то результатом окажется предикация того типа, которая характерна для сложного предложения. Таким образом, с содержательной стороны пропозициональная функция покрывает все формы предикации, существующие в данном языке (за исключением так называемых форм «неспециально предназначенных для предикации» [27]).

Данные здесь определения позволяют наиболее естественным образом разграничить структуру предиката (ею будет структурная схема предложения, или функтор) и семантику предиката (ею будет, во-первых, «область определения» — лексическое наполнение или наполнение синтаксическое, если наполнителями структурной схемы оказываются более простые синтаксические единицы, как, например, простые предложения в составе сложного предложения; во-вторых, значение самого функтора). Может, однако, оказаться целесообразным не включать значение функтора (т. е. саму функцию) в семантику предиката. Поскольку разграничение сделано, это уже второстепенный вопрос.

IV. Категорию синтаксического отрицания будем рассматривать на основе понятия пропозициональной функции. Области

[25] В. А. Белошапкова, Автореф., стр. 4.

[26] См. определение пропозициональных связок: Н. И. Кондаков указ. соч., стр. 420—421.

[27] См. о них: «Грамматика» 1970 г., § 1282.

определения пропозициональной функции, как правило, ограничиваются а) со стороны лексики, б) со стороны семантики, в) со стороны набора простых предложений,— короче говоря, со стороны любого из ее наполнителей.

Посмотрим, в чем могут заключаться ограничения в области определения пропозициональной функции на примере синтаксического отрицания. Соответствующий фрагмент русского синтаксиса состоит из трех групп структурных схем предложений: 1) из схем, вообще не принимающих отрицания, например *Ну и характер!*; 2) из схем, допускающих как наличие, так и отсутствие отрицания, таких в русском языке большинство, например, *Ученик читает*, *Ученик не читает*. *Не ученик читает* (подробнее на них остановимся ниже); 3) из таких схем, в которых отрицание является постоянным компонентом схемы и которые без этого компонента не существуют, таких схем насчитывается тринадцать (например: *Некуда пойти*; *Билетов не достать*; *Ни огонька*; *Сегодня не уснуть*) [28]. С точки зрения области определения пропозициональной функции, — а все отрицательные схемы по определению являются видами этой функции — эти схемы распадаются на такие разряды:

А) семантически неограниченные, из общего количества 13 таких семь: *Нет* + род. падеж (*Нет покоя*); *Ничего* + род. падеж прилагательного (*Ничего нового*); *Ни* + местоимение + согласованное сущ. в род. падеже (*Никаких проблем*); *Не до* + род. падеж (*Не до театра*); *Не* + инфинитив (+ *же*) (*Не ночевать же*!) [29]; *Не* + инфинитив совершенного вида (*Не проехать*); *Не* + страд. причастие на *-о* + род.падеж (*Не послано письма*);

Б) семантически ограниченные, из 13 таких шесть, они в свою очередь делятся на две группы: а) лексически неограниченные, таких четыре: Им. падеж + *не в* + вин. падеж (*Праздник не в праздник*); *Никого* + род. падеж (*Никого родных*); род. падеж + глагол на *-ся* (*Времени не остается*, *Трудностей не встречается*); *Ни* + род. падеж (*Ни души*, *Ни огонька*); б) лексически ограниченные, из шести схем таких две: одна с отрицательными местоимениями и наречиями типа *Некуда пойти*, *Не с кем говорить*; другая — с отрицанием *не* при инфинитивах двух глаголов *видать*, *слыхать*: *Счастья не видать*, *Такого голоса нам уж не слыхать* [30] (схемы типа *Некуда пойти* и т. п. ограничены со стороны своего местоименного элемента).

Учет ограничений в области определения пропозициональной функции на примере синтаксического отрицания позволяет по-новому осветить некоторые сложные моменты синтаксиса. На первый взгляд кажется совершенно правомерным сопоставлять предложение *Ни души* с *Не было ни души* и *Не будет ни души*, и видеть в этом ряду оппозицию по линии времени: настоящее — прошедшее — будущее. Однако такой подход означал бы рассмотрение этих форм вне системы отрицательных предложений русского языка. На самом деле схема типа *Ни души* является безглагольной[31], и, согласно общему правилу русского синтаксиса, соотносительные с нею формы синтаксического прошедшего и будущего времени должны были бы

---

[28] В части отрицательных предложений см. полное обследование в работе: К. В. Габучан, Отрицательные структурные схемы простого предложения в современном русском литературном языке. АКД, М., 1971; ниже используются ее данные в несколько иной классификации.

[29] Ср. тип без *же*: *Не жарко вам в валенках-то*? — *Не жарко*: *не плясать*.

[30] Последние схемы тяготеют к фразеологизации: параллельная к *видать* форма *видеть* здесь невозможна.

[31] См.: К. В. Габучан, указ. соч., стр. 17.

образовываться посредством введения глагола «быть» [32], в результате чего мы имели бы предложения *Ни души*, **Было ни души*, **Будет ни души*, т. е. грамматически неправильные формы. Можно было бы попытаться выйти из этого затруднения в поисках системности иным путем, предположив, что в форме *Ни души* мы имеем разновидность схемы *Нет ни души*, но только с пропущенным *нет*. В таком случае формы *Не было ни души*, *Не будет ни души*, действительно, могли бы быть поставлены с ней в один ряд. Но тут трудность возникает в самой форме *Нет ни души*, так как тогда *ни* оказывается здесь всего лишь факультативным, но не обязательным элементом, и, удалив его, мы получаем *Нет* + род. падеж (ср. *Души нет живой*; *Покоя нет!*), т. е. совершенно иную схему русского предложения. Во всех случаях попытки обнаружить системность в соотношении названных форм приводят к синтаксическим противоречиям и доказывают отсутствие синтаксической системности в этом месте.

Все дело в том, что сближенные здесь *Нет* + род. падеж и *Ни* + род. падеж являются двумя совершенно различными структурными схемами русского языка, а потому ряд *Ни души*, *Не было ни души*, *Не будет ни души* представляет собой всего лишь межсхемные, т. е. с точки зрения структуры предиката — второстепенные, а подчас и случайные отношения (случайные оппозиции). Они могут иметь системный характер лишь с точки зрения семантики, так как возникают на основе сходства в лексическом наполнении разных схем и распадаются с утратой лексического сходства. Подобным же образом решается вопрос о трехчленных рядах типа:

	1	*2*	*3*
1.	*Такое бывает*	*Такое не бывает*	*Такого не бывает*
2.	*Ответ пришел*	*Ответ не пришел*	*Ответа не пришло*
3.	*Получено письмо*	*Не получено письмо*	*Не получено письма*
4.	*Было о чем говорить*	*Не было о чем говорить*	*Не о чем было говорить*
5.	*Там можно проехать*	*Там невозможно проехать*	*Там не проехать*
6.	*Дождь*	—	*Нет дождя*
7.	*Уже зима*	*Еще не зима*	*Еще нет зимы*

Первая и вторая колонки представляют собой утвердительные и отрицательные варианты основных схем русского языка, допускающих в своем составе как утверждение, так и отрицание (это группа 2 на стр. 71). Третья колонка — это собственно отрицательные схемы русского языка, не допускающие никаких вариаций по линии утверждение — отрицание. Первые две колонки — в каждой горизонтальной строке соответственно — принадлежит к соответствующей одной парадигме предложения, третья колонка представляет совершенно иные парадигмы. Связь между двумя первыми колонками, с одной стороны, и третьей колонкой, с другой, не образует никакой парадигмы, она обусловлена лишь одинаковой семантикой выражений, стоящих в одном горизонтальном ряду.

Разумеется, нельзя не видеть связи между выражениями всех трех колонок, но все дело в том, что эти связи, как показывают детальные исследования, являются в современном русском языке регулярными лишь в рамках шести-семи семантических областей, показанных выше примерами под номерами 1—7. Если более тщательно описать области определения,

---

[32] При более строгой теории даже такое сближение было бы неправомерным, см.: V. Pisani, Zum russischen Nominalsatz, IF, 49, 2, 1931; E. Benveniste, La phrase nominale, в его. кн. «Problèmes de linguistique générale»; с типологической точки зрения см.: Н. А. Булах, К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках, «Уч. зап. [Ярославск. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского]», 30 (40), 1957, стр. 53 и сл.

соответствующих шести или семи пропозициональным функциям (т. е. схемам предложения, данным в приведенных трех колонках), то будет получен совершенно определенный ответ на вопрос, в каких случаях допустимы семантико-синтаксические сближения типа *Получено письмо — Не получено письма*. Что ограничения здесь довольно серьезны, видно хотя бы из неправильности форм *Завтра меня вряд ли будет*; *Не приехало мамы* (фразы из речи иностранца).

Для современных теорий высказывания характерно четкое различение трех аспектов, или «функций», высказывания — 1) номинации, 2) предикации, 3) модальности [33]. В связи с этим возникает вопрос о том, в рамках какого аспекта следует рассматривать синтаксическое отрицание. Является ли оно отрицанием номинации, отрицанием предикации или отрицанием модальности? Рассмотрим все три возможности.

В современной логике отрицанием специально занимаются те различные ее отделы, которые группируются под общим названием модальных логик и рассматривают его в качестве модальности. Для лингвиста интересно, что модальности при этом всегда описываются, во-первых, в противопоставлениях, во-вторых, в комбинациях. Простейший пример комбинаций таков: соединение суждения «Не необходимо *p*» и «Не необходимо не-*p*» союзом *и* порождает суждение случайности «Случайно, что *p*»[34]. Здесь модальность «необходимо» и ее коррелят «возможно» (последний нами для упрощения из иллюстрации опущен) в комбинации порождает модальность «случайно» (ряд так называемых алетических модальностей) [35].

В лингвистике комбинаторная методика, вообще широко известная, к проблеме модальности, кажется, почти не применялась. Между тем, на основе того, что некоторые модальные категории, будучи основными, тем не менее могут рассматриваться как комбинации других основных категорий, оказалось возможным свести категорию наклонения в современном французском языке к комбинации форм глагольного времени: изъявительное наклонение заключается в системе форм выраженного времени, а сослагательное наклонение (subjonctif) — в системе нейтрализации тех форм времени, которые составляют индикатив [36]. Таким образом, с нашей точки зрения, модальность возникает на основе категории времени, прежде всего актуального настоящего, имеющегося во всяком акте высказывания в момент его осуществления, а затем на основе других форм глагольного времени. Предикация же возникает на основе структурной схемы предложения как функтора и представляет собой значение этого функтора — вневременное утверждение связи признаков.

В академической «Грамматике» 1970 г. начало решения проблемы модальности, такое же, как у нас: изъявительное наклонение есть то, которое относит высказывание к одному из трех временных планов — настоящего, прошедшего, будущего [37]. Но далее «Грамматика» идет по другому пути,

---

[33] О различении номинации от предикации с модальностью см.: Н. Д. Арутюнова, О номинативном аспекте предложения, ВЯ, 1971, 6; ср. также: В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 166 и сл., особенно стр. 200; О различении всех трех аспектов см.: Ю. С. Степанов, Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка), ИАН ОЛЯ, 1973, 4.

[34] См.: В. Швырев, Логический квадрат, «Философская энциклопедия», 3, М., 1964, стр. 238.

[35] О комбинации основных понятий в современной логике, в более широком плане, например, понятия «необходимо» из понятий «истинно» и «существует» у Карнапа, см., в частности: Я. А. Слинин, Теория модальностей в современной логике, «Логическая семантика и модальная логика», М., 1967 , стр. 135—136.

[36] Ю. С. Степанов, Структура французского языка, М., 1965, стр. 86—88 и др.

[37] «Грамматика» 1970 г., § 1282, стр. 542.

она обобщает понятие модальности изъявительного наклонения и модальности ирреальных наклонений общим понятием объективной модальности, форма выражения которой — синтаксическая: прежде всего, сама структурная схема предложения, затем синтаксические наклонения. Основные изменения структурной схемы, ее парадигма и заключаются как раз в изменениях по линии объективной модальности [38]. Тогда в категорию модальности должна войти не только категория синтаксического наклонения и иерархически подчиненная ей категория времени, но и категория синтаксического отрицания, потому что последняя так же образует регулярные парадигматические ряды и сама по себе способна стать основой особых структурных схем (см. выше III).

Поскольку в проблеме модальности мы идем, как уже было сказано, иным путем, то с этой точки зрения синтаксическое отрицание, не имея отношения к категории времени, не может быть и формой категории модальности. Остаются две возможности: отрицание либо форма номинации (отрицание номинации), либо форма предикации (отрицание предикации). Рассмотрим эти возможности на примере оппозиций двучленных (или двукомпонентных) предложений, состоящих из подлежащего и сказуемого. Они могут иметь отрицание либо при первом, либо при втором члене, либо при обоих сразу (другие возможные изменения категорий мы исключаем и рассматриваем эти предложения по линии других категорий — времени, порядка слов, лексического наполнения и т. д.— в неизменной форме). Вариации по линии отрицания образуют четырехчленную парадигму: 1) *Новичок играет*, 2) *Не новичок играет*, 3) *Новичок не играет*, 4) *Не новичок не играет*. К четырем парадигматическим формам надо присоединить еще одну, пятую, когда отрицание относится не к одному из членов предложения, как в четырех первых, а ко всему предложению в целом, и отрицаемому предложению эксплицитно или имплицитно может быть противопоставлено другое целое предложение: 5) *Не ветер бушует над бором*, *Не с гор побежали ручьи*, [*Мороз-воевода дозором Обходит владенья свои*]; *Не лед трещит, не комар пищит*, [*То кум до кумы судака тащит*].

Форма (2), взятая в ее письменном виде, является омонимом, точнее омографом, трех предложений, отрицаемая часть которых для наглядности взята в скобки: а) (*Не новичок*) *играет*, в смысле «Играет опытный мастер»; *не новичок* здесь семантический, выраженный лексемой, антоним к *новичок* и синоним к *мастер*, *опытный человек* [39]; отношение этого предложения к форме (2) носит семантический характер, с синтаксической точки зрения — это случайная оппозиция; б) *Не* (*новичок*) *играет*, в смысле «Играет не тот, кого мы называем новичком в нашей среде», ср. *Петров играет — Не Петров играет*, это отрицание чисто синтаксическое; в) *Не* (*новичок играет*) — в противопоставлении, например, следующему: *Не новичок играет, а инструмент плохой, в этом все и дело*, ср. *Не ветер бушует над бором*... .

Обычно считают, что отрицание в русском языке связано с так называемым логическим ударением: элементы фразы, допускающие выделение логическим ударением, допускают и постановку отрицания при них. Может быть, это и справедливо вообще, но имеются и факты, как будто противоречащие. Так, форма (5) — *Не ветер бушует над бором* — имеет логическое ударение на *ветер*, там же стоит и отрицание, однако логически отрицается не часть фразы, связанная со словом *ветер*, а все высказывание. Форма (4) — *Не новичок не играет* — вряд ли имеет прямое отношение к

---

[38] Там же, § 1354, стр. 577.

[39] О таком типе антонимии в русском языке см.: Л. А. Новиков. Логическая противоположность и лексическая антонимия, «Р. яз. в шк.», 1966, 4.

расстановке логических ударений, ср. еще: *Не смелый не играет в хоккей* = *Трус не играет в хоккей*; *У вас горло болит? — Не горло, и не болит*, и т. п. Поэтому, вплоть до детального исследования отношений между логическим ударением и отрицанием в русском языке, мы будем рассматривать эти категории как независимые. Это во всяком случае грозит меньшими ошибками, чем слишком поспешное соединение. Реальные отношения по линии отрицания, конечно, сложнее, чем можно показать на пяти членах парадигмы. В соответствии со всем сказанным выше нужно выйти за рамки примера одной парадигмы и рассматривать весь соответствующий фрагмент синтаксиса. Взятая для примера парадигма была максимальной — четыре основные формы допускали наличие отрицания — отсутствие отрицания. Как показала К. В. Габучан, класс таких парадигм в целом делится на три группы: а) схемы, имеющие все четыре формы, как приведенный пример, б) схемы, имеющие три формы, в) схемы, имеющие две формы. В остальном характер отношений в классе в целом не меняется. Наконец, имеются схемы с фиксированным отрицанием, не допускающие никаких вариаций по линии отрицания — утверждения. Именно такой парадигматический характер синтаксического отрицания заставляет считать его формой предикации.

Осталось показать особенности формы (5). Сделаем это по аналогии с анализом в логике. Высказывание, описывающее нечто, например, высказывание «р», рассматривается как равносильное утверждению «Имеет место, что р» [40]. Аналогично в естественном языке высказывание *В Арктике живут белые медведи* одновременно описывает и тем самым называет определенную ситуацию (выполняет «функцию» номинации) и утверждает существование признаков этой ситуации (выполняет «функцию» предикации). В «функции» номинации оно имеет синонимичную форму в виде *Проживание в Арктике белых медведей*. В «функции» предикации оно имеет синонимичную форму *Имеет место, что в Арктике живут белые медведи*. Точно так же обстоит дело в случаях *Новичок читает*; *Петров читает*; *Ветер бушует над бором*. Отрицательная форма *Не* (*новичок читает*); *Не* (*ветер бушует над бором*) и т. п. противопоставлена форме предикации *Имеет место, что* (*новичок читает*), *Имеет место, что* (*ветер бушует над бором*), но не противопоставлена форме номинации (заключенной в скобки). Итак, если в форме без отрицания *Ветер бушует*; *Новичок читает* и т. д. выражаются одновременно две «функции» — номинации (описания ситуации) и предикации (утверждения признаков ситуации), то в форме (5) с отрицанием эти функции разъединяются: форма (5) соответствует лишь отрицанию предикации, но не отрицанию номинации.

Синтаксическое отрицание в русском языке, т. е. отрицательные структурные схемы предложения, является специфической формой предикации как вневременного утверждения признаков. Отрицание же номинации, или отрицательная номинация, очевидно связаны с отрицательными формами глагольного слова. Вопрос об отрицании модальности и об отрицательной модальности требует специального изучения.

---

[40] Ср.: Я. А. Слинин, Об итерированных модальностях в современной логике, «Неклассическая логика», М., 1970, стр. 286—288.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. П. ДАНИЛЕНКО

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Терминологическая лексика современного русского литературного языка распадается на отраслевые терминологии, организация которых отражает определенную иерархию понятий конкретных областей науки или практики. Основные законы образования и функционирования терминологической лексики общи с соответствующими законами лексики общелитературной. В то же время терминологической лексике присущ ряд только ей свойственных черт. Они проявляются в области семантики, грамматики, словообразования, сочетаемости лексем.

1. Общие особенности терминологического словообразования связаны с характерными признаками термина, отличающими его от общеупотребительного слова. Существо этого отличия сводится к тому, что: 1) термин — это языковая единица (слово или словосочетание) специальной сферы употребления; 2) термин — это наименование специального объекта или понятия; 3) термин — это такое наименование, которому соответствует дефиниция, точно и четко отражающая содержание соответствующего понятия, выделяющая такие его отличительные признаки, которые дают возможность отграничить одно понятие от другого и в то же время позволяют поставить данное понятие в определенный классификационный ряд.

Формирование русской терминологической лексики осуществляется средствами русского словообразования, которое применительно к специальной сфере его реализации обладает целым рядом особенностей. К числу наиболее общих особенностей терминологического словообразования можно отнести следующие.

1) Термины создаются как наименования понятий, связанных с узкой профессиональной областью; они предназначены служить средством общения определенной группы людей в производственных условиях. Создают термины представители конкретных областей деятельности «под давлением определенной практической необходимости» [1]. Таким образом, термины возникают в профессиональной среде и употребляются в строго терминологической функции только в специальной литературе и в профессиональном общении.

2) Терминологическое словообразование — процесс сознательный (не стихийный). «Термины,— писал Г. О. Винокур,— не „появляются“, а „придумываются“, „творятся“ по мере осознания их необходимости» [2]. Может быть, именно поэтому в терминологии часто известны даты появле-

---

[1] «Общее языкознание», М., 1970, стр. 479.

[2] Г. О. Винокур, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, «Труды МИФЛИ», V, 1939, стр. 24. О необходимости сознательного подхода к терминотворческой политике пишет Р. А. Будагов: «Если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга. Форма языка оказывается отнюдь не безразличной к содержанию самой науки» (Р. А. Будагов, Терминология и семиотика, «Вестник МГУ», 1972, 5, стр. 43).

ния терминов, авторы создания отдельных терминов и целых систем, что почти исключено для слов общелитературного языка. Так, В. И. Ленину принадлежит термин *партийность*. Впервые он встречается в 1894 г. в ленинской работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Появление термина *телефон* относится к началу 30-х годов XIX в. и связано с именем английского физика Ч. Уитсона. Термины *анод* и *катод* впервые были употреблены Фарадеем в 40—50-х годах XIX в. Этому же ученому принадлежит и термин *ион*. В 1964 г. Г. А. Флеров и возглавляемая им группа исследователей открыла 104 элемент периодической таблицы, дав ему название в честь советского ученого *курчатовий*.

Сознательное участие в создании терминов дает возможность искусственно внедрять в отраслевые терминологии специализированные по значению словообразующие морфемы, которые позволяют связать определенную классификационную систему понятий с определенной системой языковых средств выражения этих понятий. Так, можно напомнить о серии терминоэлементов типа *mega-*, *kilo-*, *milli-*, *micro-* и т. п., принятых еще в прошлом веке для обозначения единиц Международной электротехнической комиссией. Обладая качествами международных средств выражения понятий, эти терминоэлементы приобрели международно принятый смысл и прочно привились в терминологиях национальных языков.

3) Сознательное терминотворчество делает его и контролируемым, регулируемым процессом. Существуют свидетельства того, что с первых же шагов создание русской научной терминологии было «вопросом государственной важности» [3]. Для ранних периодов (начало XVIII в.) регулирование терминотворчества определялось тем, что это время было началом систематического изложения на русском языке научных дисциплин, а следовательно, и началом создания на русской почве основ научной терминологии. В наше время регулирование и упорядочение терминотворчества вызвано терминологическим взрывом, наступившим в результате современной технической революции, породившей процессы дифференциации и интеграции наук. Контроль и регулирование терминотворческого процесса в современных условиях происходит, как правило, на той стадии развития отраслевой терминологии, когда она уже прошла путь естественного формирования (с множеством вариантных наименований, с многозначностью, с процессом естественного отбора лучшего варианта термина). Реализуется это сознательное и контролируемое терминотворчество в издании многочисленных терминологических словарей, сборников рекомендуемых терминов и особенно терминологических стандартов, основное назначение которых сводится к построению научно обоснованных, упорядоченных терминологий.

4) Словообразующий акт создания термина несколько сложнее аналогичного процесса для общеобиходного слова. Если для последнего достаточным можно считать использование одного из существующих способов словопроизводства, то для термина необходимо еще словесное раскрытие содержания терминологической номинации, т. е. дефиниция понятия. Так, физиологический термин *нервизм*, созданный акад. И. П. Павловым, возник путем деривации. В момент своего возникновения это слово получило раскрывающее и уточняющее его смысл определение, в котором говорилось: «Под нервизмом понимаю физиологическое направление, стремящееся распространить влияние нервной системы на возможно большее количество деятельности организмов» [4].

[3] Л. Л. Кутина, Формирование языка русской науки, М.—Л., 1964, стр. 7.

[4] Р. Н. Инфантьева, Анализ политико-экономической терминологии на материале английского перевода I т. «Капитала» К. Маркса. АКД, М., 1953.

5) Для терминологических номинаций весьма существенно, насколько прозрачна их внутренняя форма [5]. Словообразовательные средства — главным образом стандартные части сложения и аффиксы — выполняют значительную роль в создании понятной внутренней формы термина, которая служит средством профессиональной ориентации его. Такая ориентация не ограничивается только обозначением одного отличительного признака данного специального понятия. Внутренняя форма термина, как об этом писал Р. Г. Пиотровский, отражает посредством словообразующих морфем языка отношение данного технического понятия к другим членам определенного классификационного ряда [6]. Поэтому функции словообразующих морфем в терминологии несколько шире, чем в общелитературном языке. Будучи специализированными в выражении определенных значений в определенных терминологиях, словообразующие морфемы в терминологии выполняют классифицирующую функцию. Хрестоматийным стал пример употребления в этой классифицирующей функции суффиксов *-н(ый)*, *-ист(ый)*, *-оватист(ый)* в химической терминологии, где средствами суффиксов обозначают количество молекул кислорода в кислоте: серная (H_2SO_4), сернистая (H_2SO_3), серноватистая (H_2SO_2). То же можно отметить в ботанической и зоологической номенклатурах, где посредством суффиксов различают тип (*-al/-es*), класс (*-ine/-ae*), семейство (*-ace/-ae*), род (*-oide/-ae*), вид (*-e/-ae*).

6) Акт терминологического словообразования зависит от классификации понятий, в ряду которых будет находиться вновь образуемый термин (как наименование понятия этого ряда), поскольку термины одного классификационного ряда по возможности должны быть образованы по одной словообразовательной модели (будь то слово-термин или термин-словосочетание). При этом надо иметь в виду, что термин не только именует понятие (служит его названием), но и отражает в какой-то мере содержание понятия. Вероятно, это последнее качество термина приводит к необходимости создания преимущественно составных терминов, т. е. терминов-словосочетаний, которые способны полнее отразить признаки понятия. В термине-слове эта роль выпадает на долю словообразующих морфем, выбор которых при этом становится чрезвычайно ответственным. Наиболее общий случай классификации сводится к разделению класса предметов, охватываемых общим понятием, на подклассы, что тождественно делению родового понятия на видовые. Видовые признаки в составных терминах выражаются посредством прилагательных, причастий, несогласованных определений. Выбор каждого из этих возможных средств выражения не может быть случайным. Напротив, необходима не только определенная последовательность в выборе их, но и известная оправданность конкретного выбора. Так, если видовой признак может быть выражен и прилагательным и причастием, то важно в классификационном ряду не только выдержать модель словосочетания атрибутивного типа, но и предпочесть прилагательное, если данные видовые признаки не связаны с действием, и

---

[5] Г. О. Винокур по этому поводу писал: «Почему данный предмет назван так, а не иначе, для номенклатурных обозначений более или менее безразлично, в то время как для термина, стремящегося обладать осмысленной внутренней формой, это очень важный вопрос» (Г. О. Винокур, указ, соч., стр. 8). Принцип содержательной «прозрачности» термина, по мнению чешских языковедов, также относится к числу основных. См.: J. Horecký, Typy termínov motivovaných účelom, сб. «K historicko-porovnávacímu studiu slovanských jazyků», Olomouc — Praha, 1957; T. Haburčák, Motivované a nemotivované terminy v ruskej technickej terminológii, «Sborník filozofickej fakulty univerzity Komenského», Bratislava, 1967.

[6] Р. Г. Пиотровский, К вопросу об изучении термина, «Уч. зап. ЛГУ», Серия филологических наук, 1952, 161, стр. 27.

причастие, если они связаны с действием (*асфальтный — асфальтированный, сегментный — сегментированный*).

Даже в тех случаях, когда признак может быть выражен семантически равнозначными вариантными языковыми средствами, выбор их для классификационного ряда должен быть продуманным с системной точки зрения. При равных в семантическом отношении качествах предпочтение лучше отдать тем средствам, которые обеспечивают словообразовательную соотносительность конкретного термина с другими однокоренными терминами. Так, для наименований машин и автоматов, видовые признаки которых могут быть выражены и причастием, и прилагательным [*упаковочная* или *упаковывающая* машина; *заверточная* или *заворачивающая* (*завертывающая*) машина; *укладочная* или *укладывающая* машина; *фасовочная* или *фасующая* (*расфасовывающая*) машина], вернее предпочесть прилагательные, поскольку они войдут в ряд соотносительных по словообразующей основе терминов: глагол, отглагольное имя действия, имя лица: *упаковать — упаковка — упаковочный — упаковщик*; *фасовать — фасовка — фасовочный — фасовщик* и т. п.

Вопрос выбора языкового средства выражения признака понятия особенно остро встает в тех случаях, когда в языке есть вариантные словообразовательные возможности в пределах слов одной части речи. А такие ситуации, как известно, бывают весьма часто, поскольку вариантность присуща языковой норме. В конкретных ситуациях практического терминотворчества нередко встает вопрос о выборе необходимого терминоэлемента [7] для атрибутивного словосочетания в условиях, когда для этого есть вариантный ряд. В каждом случае этот вопрос приходится решать особо. При этом основное значение здесь имеет вхождение термина в словообразовательный ряд. Так, в вариантах типа *шлифовальный — шлифовочный, линовальный — линовочный, набивальный —набивочный, наливальный — наливочный, нашивальный — нашивочный, поливальный — поливочный* и под. при выборе одного из них (поскольку семантически они равнозначны) необходимо учитывать, что они входят в разные ряды соотносительных по производящей основе образований: *шлифование — шлифовальный — шлифовальщик* и *шлифовка — шлифовочный — шлифовщик*; *поливание — поливальный — поливальщик* и *поливка — поливочный — поливщик* и т. п. Выбрав один из возможных вариантов, желательно соблюдать закономерность в образовании однокоренных наименований для понятий процесса, признака и лица. Варианты типа *сварной — сварочный* семантически неравноценны, поэтому выбор должен определяться с учетом соответствия значения слова содержанию понятия. Если необходимо выразить значение «сделанный с помощью сварки», то этому соответствует прилагательное *сварной* (*сварной* шов); для значения «служащий для сварки» следует избрать *сварочный* (*сварочный* аппарат).

2. Выявление частных особенностей терминологического словообразования предполагает решение следующих вопросов:

1) Что представляет собой тот набор средств, который включен в активное терминообразование и используется в качестве терминоэлементов? Он значительно шире и разнообразнее круга средств словообразования общелитературного языка. В наборе средств, участвующих в создании терминов, можно выделить две группы: словесные и символические.

---

[7] Под терминоэлементом имеется в виду широкое понятие, включающее в себя на равных основаниях производящую основу, словообразующую морфему, слово в составе терминологического словосочетания, символы, цифры, графические знаки включаемые в особый тип символо-слов (α-частица, β-распад, ⋊-образный).

К словесным относится использование существующих общеупотребительных слов национального языка (семантическое словообразование — *башмак*, *лопатка*, *лебедка*), а также — использование словообразующих морфем и производящих основ как данного национального, так и других языков. К символическим средствам относятся знаки, графические символы, цифры и т. д. в составе термина. Существенной чертой этих последних средств является их полная условность, искусственная принятость и сознательная закрепленность. Символы широко используются в качестве компонентов сложных специальных наименований, составляя комбинированные символо-слова типа: *v*-образные соединения, *x*-образные соединения, ◡-образные соединения, ⋊-образные соединения (терминология сварки металлов). В качестве символических компонентов используются буквы греческого алфавита: α-частица, β-частица, γ-частица, α-распад, β-радиоактивность и т. п. (терминология физики элементарных частиц). Конечно, участие этих двух разновидностей средств терминообразования далеко неравнозначно. Основу для образования большинства терминов в большинстве терминосистем составляют словесные средства. Однако и символические терминоэлементы для ряда отраслевых терминологий современных наук не лишены актуальности и продуктивности.

2) Какие словесные ресурсы используются в терминообразовании в качестве производящих основ? Это исконные и заимствованные слова (в число заимствованных отнесены только интернациональные, греко-латинские терминоэлементы, поскольку заимствование из живых современных языков наименований как готовых слов для обозначения специальных понятий представляет собой наряду со словообразованием один из источников формирования и пополнения терминологии).

Для терминологии характерно более широкое по сравнению с общелитературным языком вовлечение имен собственных в качестве производящих основ. Образованные от основ имен собственных общелитературные слова обычно отличаются нестойкостью, недолговечностью. Это — «эпизодические» слова, которые не составляют прочного пласта в словарном запасе национального языка [8]. Легко образуясь и широко употребляясь в речи, эти слова так же легко и быстро уходят из употребления. *Широнинцы*, *чёмлевцы*, *шаляпинка*, *хемингуэйка*, *румынки*, *вьетнамки*, *эдисонствовать*, *образи́лить* и многие другие подобные им образования от основ имен собственных уже ушли из языка, не оставив в памяти своих значений. Очень немногие из них остались в словарях как историзмы. В терминологии образования от основ имен собственных функционируют как обычные и полноправные наименования. Можно напомнить о существовании известных международных традиций в применении имен собственных для создания, например, физических единиц (*кулон*, *ампер*, *вольт*, *герц*, *рентген*, *генри*, *джоуль*), в наименованиях минералов и силикатов (*астраханит*, *байкалит*, *глинкит*, *ломоносовит*, *гётит*, *фордфедорит*), в наименованиях химических элементов (*кюрит*, *курчатовий*). Устойчива эта традиция и в создании общественно-политической и философской терминологии (*марксизм*, *ленинизм*, *эпикурианство*).

Что касается нарицательных существительных, то при образовании от их основ специальных наименований терминология нередко преодолевает пределы словообразовательной потенции у ряда категорий общеупотре-

---

[8] Думается, что эти образования можно отнести к числу тех «потенциальных» или «окказиональных» слов, которые, по мнению Ю. С. Сорокина, «эпизодически и при определенных условиях проникая в словарный состав языка, часто не принадлежат ему прочно» (Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века, М.—Л., 1965, стр. 12).

бительных слов [9]. К числу «предельных», т. е. тех, от которых далее производные образуются редко или не образуются совсем, относятся многочисленные имена с суффиксами эмоциональной оценки: *-ка* (*головка*), *-ик* (*арбузик*), *-чик* (*апельсинчик*), *-ец* (*морозец*), *-ок* (*голосок*), *-ца* (*краснотца*) и т. п.; отвлеченные имена с суффиксами *-ость*, *-ота*, *-ение* (*личность*, *верность*, *хитрость*, *высота*, *частота*, *примирение*, *отделение*, *направление*). Отсутствие производных от существительных с суффиксами эмоциональной оценки в общелитературном словообразовании скорее всего объясняется тем, что эти имена относятся к формам слов. А поскольку для терминологии они как формы слова не существуют, употребление их в специальных сферах лексикализовано, то становится естественным и преодоление «предельности» их словообразовательной потенции. И действительно, в терминологии образования типа *гнойничковый*, *вилочковый*, *кулачковый*, *язычковый*, *уголковый*, *молоточковый*, *флажковый*, *мостиковый* и т. п. обычны, не исключение, не редкость.

Отвлеченные существительные с суффиксом *-ость* в литературном языке образуют незначительное число производных — это немногие прилагательные, объединяемые ярко выраженным качественным значением (*тягостный*, *редкостный*, *радостный*, *мерзостный*, *жалостный*, *поверхностный*, *яростный*). Современное терминологическое словообразование значительно пополнило эту группу прилагательных семантически новым разрядом слов со значением отношения к отвлеченному понятию, реже — предмету (*емкостный*, *яркостный*, *прочностный*, *краткостный*, *жидкостный*, *плосткостный*, *последовательностный*, *усталостный*, *точностный*, *вероятностный*, *влажностный*, *личностный* и т. п.). В пределах терминологического словообразования появился и остается еще один тип прилагательных, словообразующими основами для которых явились отвлеченные существительные с суффиксом *-ота*: *мерзлотный*, *высотный*, *долготный*, *широтный*, *частотный*, *полнотный*.

Широкое использование греко-латинских терминоэлементов в русской научной терминологии традиционно. Можно выделить целые семантические группы наименований, образование которых осуществляется на основе греко-латинских словообразующих средств. Таковы наименования наук: *бионика*, *биофизика*, *биохимия*, *биокибернетика*, *геокриология*, *гелиобиология*, *космонавтика*, *космохимия*, *космофизика*, *космопсихология*, *магнитобиология*, *нейроанатомия*, *нейропсихология*, *экология*, *эргономия*, *селенология* и т. п.; наименования лиц по специальностям этих наук: *биофизик*, *биохимик*, *кибернетик*, *биокибернетик*, *нейроанатом*, *нейропсихолог*, *космонавт*, *селенолог* и т. п.; наименование предметов — приборов, механизмов: *аквамобиль*, *астрокомпас*, *батиплан*, *видеомагнитофон*, *видеотелефон*, *кардиоскоп*, *селенограф* и т. п.; наименование процессов, систем (исследования, лечения и т. п.): *баротерапия*, *радиотелеметрия*, *биометрия*, *вариоскопия*, *геохронология* и т. п.

Принятые в качестве международных термины, созданные на основе греко-латинских элементов, целесообразны во многих своих качествах: их легко оградить от полисемии, так как большинство терминоэлементов в настоящее время, когда эти языки стали мертвыми, однозначно выражают определенные значения (*аква-*, *авто-*, *авиа-*, *агро-*, *астро-*, *био-*, *гео-*, *гелио-*, *гидро-*, *гипо-*, *кардио-*, *космо-*, *пневмо-*, *радио-*, *селено-*, *теле-*, *термо-*, *ультра-*, *фото-*, *электро-*, *энерго-* и т. п.). Они не вызывают ложных ассо-

---

[9] В. П. Даниленко, Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования, сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964.

циаций, так как не мотивируют терминологическое наименование, а «расшифровывают» именуемые понятия посредством значения составляющих терминоэлементов. Не будучи специалистом в конкретной области знания, можно ориентировочно «прочитать» значение терминов, представляющих собой сложносоставные соединения греко-латинских элементов, если знать их стандартную семантику, ср. *видеотелефон*, *телефотография*, *фотогелиограф*. Преимущество в использовании греко-латинских терминоэлементов и в том, что их словообразовательные возможности практически структурно не ограничены. С их помощью путем простого присоединения легко создаются составные наименования во многих отраслевых терминологиях: *спациоэлектрокардиограф*, *ультрасонокардиоскоп*, *ультрасонотахокардиоскоп*, *реоплетизмовазограф* и др.

Международные терминоэлементы легко соединяются с исконными, на их основе легко создаются гибридные по составу термины: *аэроход*, *биосвязь*, *газотурбовоз*, *гелиоводонагреватель*, *самодиффузия*, *термовязкоупругость*, *телеуправление*, *сверхтермостойкий*, *электроизгородь*, *электросамосвал*, *электрохолодильник*, *фотопреобразователь* и т. п.

3) Что характерно для терминологии в использовании словообразующих аффиксов? С одной сторны, широкое применение продуктивных аффиксов общелитературного словообразования, с другой, формирование фонда собственно терминологических словообразующих средств. В наборе словообразующих средств общелитературного языка можно разграничить по сферам употребления две группы. В первую из них входят аффиксы (префиксы и суффиксы), активно применяемые как в сфере общелитературного, так и специального словообразования. Таковы *без-*, *вне-*, *меж-*, *около-*, *пере-*, *под-*, *противо-*, *рас-*, *сверх-*, *-ние-*, *-ка*, *-ость*, *-изна*, *-ство*, *-ец*, *-ник*, *-щик*, *-тель* и некот. др. и нуль суффикса. Во второй группе представлены в основном следующие аффиксы: *а-*, *анти-*, *интер-*, *ре-*, *суб-*, *супер-*, *ультра-*; *-аж*, *-изм*, *-ия*, *-изация*, *-фикация*, *-тор*, *-ист*, *-ионер* и некот. др. Они обслуживают преимущественно специальные сферы.

Наблюдая использование одних и тех же средств в двух сферах, любопытно проследить, чем в словообразовательном отношении отличается терминологическое слово от обиходного, когда и то и другое образованы аналогичными средствами. В одних случаях термин отличается семантическим характером производящей основы (значение аффикса в целом то же, что и в обиходных словах, модификация же значения слова определяется значением производящей основы): *глинизация*, *оглинение*, *глинование* (почвы), *пескование* (почвы), *азотизация*, *лессировка*, *выкрывание* (полиграфический термин), *овализация* цилиндров), *подсиливание* (семян — пчеловодство), *горизонтирование* и др. В других для терминологии оказывается характерным изменение привычной для какой-то модели структуры производящей основы. Так, в терминологии очень продуктивно образование существительных на *-ость* от основ относительных (не качественных) прилагательных. Изменение характера основы изменяет и значение производного слова. Значением имени на *-ость* становится не отвлеченный признак: *свежесть*, *ясность*, *грубость*, а количественный признак: *озерность*, *водность* (*водность* меда), *пнистость*, *льдистость*, *страничность*, *экземплярность*, *адресность* (*адресность* машины). В третьей группе случаев в терминологии изменяется значение словообразующего аффикса, происходит специализация его в пределах одной отраслевой терминологии. Известно, что в прилагательных на *-ист*(*ый*) к значению «обладающий тем, что названо производящей основой» присоединяется дополнительная количественная оценка «обладающий большим количеством того, что названо производящей основой» (*болотистый*, *лесистый*, *каменистый*). В терминологии петрографии осадочных пород прилагательные

на *-ист(ый)*, напротив, снабжаются значением «содержащий в малом количестве определенную примесь»: *песчанисто-алевритовая глина* «с малой примесью песчаных частиц и большой примесью алевритовых частиц», *песчанисто-алевритистая глина* «с малой примесью песчаных и алевритовых частиц, алевритовых относительно больше, чем песчаных» (последний оттенок значения передан порядком следования компонентов, ср.: *алевритисто-песчанистая глина* «с малой примесью алевритовых и песчаных частиц, песчаных относительно больше, чем алевритовых») [10]. Это значение суффикса *-ист*-корреспондирует с подобным значением его в химической терминологии.

Общелитературные словообразовательные средства дополняются собственно терминологическими аффиксами (аффиксоидами). Их отличает одна общая характерная черта: словообразовательно они соотносятся с основами живых знаменательных слов. Ср.: *-бур* (*турбобур*), *-воз* (*электровоз*), *-вод* (*световод*), *-лет* (*планетолет*), *-мер* (*светодальномер*), *-ход* (*атомоход*) и мн. др. Это наиболее активно пополняемая группа словообразующих аффиксов (в ней представлены и интернациональные аффиксы), чему способствует в значительной степени общая динамика терминологического словопроизводства, большие потребности в семантически специализированных стандартных словообразовательных средствах.

4) Каковы основные способы терминологического словообразования? Терминообразование в целом осуществляется теми же способами словообразования, которое обслуживает язык в целом, т. е. здесь функционирует и семантическое, и морфологическое, и синтаксическое словопроизводство. Однако в организации терминологического аппарата и в реализации отдельных способов терминообразования имеются существенные отличия. Терминологическое словообразование по сравнению с общелитературным активнее использует все три основные способа словообразования. Известно, что в общелитературном языке основная масса слов создается средствами деривации (главным образом аффиксацией), в терминологии же наряду с деривацией продуктивны и семантическое, и синтаксическое словопроизводство; здесь используются все возможные средства и приемы словотворчества: в равной степени продуктивны суффиксация, нулевая суффиксация, префиксация, суффиксация с префиксацией, словосложение, словосложение с аффиксацией, аббревиация, субстантивация.

Собственно терминологической особенностью аффиксального способа словообразования можно считать явление вторичной суффиксации, которое появляется при дополнительной необходимости выразить значение лица у наименований с суффиксами, совмещающими значения лица и предмета (*-тор*, *-тель*: *дозаторщик*, *карбонизаторщик*, *питательщик*) [11]. Здесь более строга семантическая специализация словообразующих морфем и моделей. В пределах наименований для одной и той же категории понятий происходит известное закрепление за конкретными отраслевыми терминологиями словообразовательных моделей с определенными суффиксами. Так, в наименованиях лиц по профессии прослеживается тенденция к закреплению за спортивными профессиями словообразующего аффикса *-ист*, присоединяемого к основе имени существительного, являющегося наименованием вида спорта (*футболист*, *дзюдоист*, *ватерполист*). Для наименований лиц по профессиям, связанным с науками, при-

---

[10] Н. Б. Вассоевич, П. И. Хомизури, Г. П. Бондарук, Об упорядочении литологической и петрографической терминологии, «Изв. АН СССР. Серия геологическая», 1967, 6, стр. 100.

[11] См.: «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка», М., 1968, стр. 128—129.

меняются преимущественно образования на *-олог* (если соответствующее наименование науки на *-ология*: *физиолог*, *астрогеолог*, *гелиобиолог*), на *-ик* (если соответствующее наименование науки на *-ика*: *геофизик*, *гидроэнергетик*), на *-граф* (при наименовании соответствующей науки на *-графия*: *географ*, *библиограф*). Наименования лиц по «рабочим» профессиям чаще всего создаются посредством суффикса *-щик* (*чик*) от именной основы (*автоматчик*, *аппаратчик*) и *-льщик* от глагольной основы (*бурильщик*, *шлифовальщик*). Конечно, это не абсолютное распределение моделей, но все же вполне определенно выраженная тенденция.

В терминологическом словообразовании совмещаются две противоположные тенденции деривации— создание предельно коротких наименований, осуществляемое средствами аббревиации, и создание неограниченно длинных наименований, осуществляемое средствами основосложения (*спациоэлектрокардиограф*, *ультрасонокардиограф*, *векторэлектрокардиоскоп*, *ультрасонотахокардиоскоп*).

Семантическое словообразование — постоянный и традиционный прием в терминологии. Можно предположить, что появление первых терминов обязано именно семантическому словообразованию. На то были свои исторические причины. Общее развитие и состояние научного познания на заре развития наук было таково, что главным фактором, определяющим терминотворчество, было не соответствие понятия и слова, а некоторые аналогии. Первыми наименованиями чисел, например, были имена предметов, связанные с представлениями об определенных количествах: 5 — пясть, 10 — две руки. За меру длины брались величины некоторых членов человеческого тела (палец, ширина руки, локоть, нога — фут, шаг), соответствующие единицы длины получали наименования этих частей тела. Истоки анатомической терминологии сплошь восходят к наименованиям, которые должны были вызвать метафорические представления о соответствующих частях тела (*яблоко*, *дуга*, *молоточек*, *наковальня*, *стремячко*, *лопатка* и т. п.). Семантический способ терминообразования сохраняет свою актуальность и в настоящее время. В современной научно-технической и производственной терминологии и сейчас активно используются образно переосмысленные слова с той только разницей, что это преимущественно слова отвлеченного значения (ранее таким способом создавались в основном предметные наименования): *усталость* (металла), *возбуждение* (атома), *память* (машины). Правда, для современного терминообразования в целом заметно ослабление продуктивности семантического способа (поскольку современные системы терминов создаются не по внешним аналогиям, а с учетом определенных классификационных признаков, наличие которых семантическое словообразование обеспечить не может).

Синтаксический способ словообразования осуществляется в терминологии расширительно; в него входят не только лексикализованные словосочетания (типа *сегодня*, *сумасшедший*), хотя для терминологии и они характерны (*вечнозеленый*, *плохослышащий*), но и терминологизованные сочетания, соответствующие одному понятию и являющиеся наименованием этого сложного понятия (*белый стих*, *элементарная частица*, *социалистический реализм*, *нервная система*, *диалектический материализм*). Удельный вес этого способа терминообразования очень высок. Он рационален в силу своих возможностей отражения необходимых признаков именуемого понятия и родо-видовых и других отношений понятий. Традиции его также восходят к глубокой древности. Попытки связать данный способ с современностью, с бурным и комплексным развитием наук (т. е. с экстралингвистическими причинами), необоснованны. Исследователи исторической лексикологии, ранних терминологий единодушно подтверждают наличие

терминологических словосочетаний как необходимого способа передачи специальных понятий [12].

5) Каковы основные тенденции терминологического словообразования? Для системы русского словообразования в целом отмечаются следующие основные тенденции: рост продуктивности ряда моделей, обслуживающих основные категории наименований (процессы, предметы, лица, отвлеченные качества и др.), увеличение регулярности словообразовательных моделей, усиление специализации словообразовательных средств на выражении определенных значений. Все три тенденции связаны между собою и обусловливают друг друга. В этих же направлениях в основном развивается и терминологическое словообразование. Можно даже думать, что терминологическое словообразование усиливает, углубляет реализацию этих тенденций, поскольку оно в целом более динамично, более активно и в то же время управляемо и регулируемо.

Но в терминологии сильны и другие тенденции, действие которых направлено на усиление трех магистральных тенденций. Имеются в виду следующие факты: 1) усиленный рост собственно терминологического фонда словообразования (аффиксов и готовых частей сложения, готовых конструкций), которые обеспечивают одновременно и регулярность моделей и специализацию терминообразующих средств; 2) тенденция к гнездовому словообразованию, к созданию комплексов наименований, связанных общей производящей основой (глагол — отглагольное имя действия — прилагательное — имя лица. Примеры приводились ранее); 3) усиление в определенных ситуациях взаимообусловленности продуктивности словообразовательной модели и употребительности наименований, созданных по этой модели. Действие этой тенденции возможно в условиях конкуренции словообразовательных моделей, т. е. тогда, когда налицо две или несколько словообразовательных моделей с равной возможностью сочетания определенных основ с определенными аффиксами, полная семантическая идентичность производных слов и одна и та же сфера употребления их. Таковы, например, условия образования отглагольных имен действия в сфере научно-технической терминологии от основ глаголов на *-ировать*, *-овать* посредством суффиксов *-ка* и *-ние*.

Так в обобщенном виде могут быть представлены основные (общие и частные) особенности терминологического словообразования. Эти особенности отражают отличительные признаки терминологической лексики, выраженные средствами словообразования. Все особенности функционирования словообразовательных моделей при создании терминов подчинены необходимости по возможности более полной реализации однозначного соответствия означаемого и означающего, т. е. того признака терминологической лексики, который обеспечивает ее добротность. Терминология не располагает особенным словообразовательным аппаратом с присущими только ей приемами, способами и средствами создания терминов. Терминология на основе системы русского словообразования отрабатывает и отбирает такие его черты и ресурсы, которые дают возможность обеспечить словообразовательную качественность терминологической лексики.

Изложенные в статье особенности терминологического словообразования отражают современное состояние главным образом устоявшихся, «упорядоченных» терминологий. Это — попытка представить, каким может и должно быть современное терминотворчество — результат сознательной речевой деятельности языкового коллектива.

[12] См.: Ф. П. Филин, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, Л., 1949; П. Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период, М., 1956; Ф. П. Сороколетов, История военной лексики в русском языке, Л., 1970; Ф. П. Сергеев, Русская терминология международного права XI—XVII вв., Кишинев, 1972, и др.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

А. Т. КРИВОНОСОВ

СТРУКТУРА ЯЗЫКА И СИСТЕМА КЛАССОВ СЛОВ

I. Учение о «частях речи»[1], имеющее многовековую традицию, занимает одно из центральных мест в науке о языке и прочно вошло в арсенал современной лингвистики. Тем не менее в теории частей речи до сих пор есть много невыясненных вопросов. Например, в славянских, романских и германских языках довольно четкую границу можно провести лишь между группой изменяемых частей речи и всеми остальными, т. е. неизменяемыми словами. Четкое выделение изменяемых частей речи связано с тем, что их признаки на различных уровнях (морфологическом, синтаксическом, семантическом) взаимообусловлены и взаимопредсказуемы. Поэтому для идентификации изменяемых частей речи достаточно любому слову приписать минимум, например, морфологических признаков. Практически еще ни у кого не возникало сомнения относительно того, к какой изменяемой части речи отнести то или иное слово, что и находит подтверждение в идентичной классификации изменяемых частей речи внутри одного и того же языка у различных авторов. Следовательно, вопрос о классификации изменяемых слов, т. е. слов, обладающих морфологическими категориями, практически решен для любого, по крайней мере, флективного языка.

Но как только мы выходим за пределы изменяемых частей речи, сразу обнаруживаются серьезные разногласия в классификации неизменяемых слов; остается неясным, на какие классы распадаются неизменяемые слова, каковы грамматические признаки, лежащие в основе их выделения и классификации, каков конкретный состав слов каждого класса? В грамматике различных языков неизменяемые классы слов представлены как постоянные, a priori выделенные, сополагающиеся на одной линии или в одной плоскости неизменяемые «части речи» без указания на их взаимную соотнесенность, вне их системы. Отсутствие системного подхода к неизменяемым частям речи проявляется в том, что формальное противопоставление слов по признаку их морфологической изменяемости — неизменяемости учитывается лишь после их разбиения по семантическому основанию на знаменательные и служебные, т. е. внутри семантического критерия, который, однако, является наименее определенным и таит в себе немало уязвимых сторон.

Поэтому нет ничего удивительного, что в многочисленных зарубежных и отечественных грамматиках, например, немецкого языка приводятся различные классификации неизменяемых частей речи. Классификация словаря по частям речи, как считает Л. В. Щерба, в общем удовлетворяет практическим потребностям и поэтому «мало кому приходит в голову разыскивать основания этой номенклатуры и проверять ее последовательность»[2]. Однако с точки зрения сегодняшнего теоретического языкозна-

[1] Термин «часть речи» не может считаться строго научным, так как обозначаемые им объекты фактически являются не «частью речи», а «частью языка».

[2] Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», II, Л., 1929, стр. 5.

ния такая разноречивая картина в области классификации словаря не может быть признана нормальной, тем более, что проблема деления слов на части речи имеет не подсобное, а кардинальное значение, находясь на пересечении многих путей современного теоретического и прикладного языкознания [3]. Как отмечает Л. В. Щерба, ученый должен разыскивать, какая классификация частей речи особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, какие общие категории (т. е. части речи) различаются в данной языковой системе. «Само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители (разрядка наша.— *А. К.*) этих категорий» [4]. Если изменяемые слова, например, в немецком языке, распознаются как определенные части речи уже на морфологическом уровне, то «внешними выразителями» неизменяемых слов служит их «поведение» в структуре синтаксических единиц, вне которых они нераспознаваемы как определенные части речи [5]. Как справедливо указывает В. Г. Адмони, при классификации частей речи необходимо учитывать многоаспектную природу частей речи и соответственно этому выработать многоаспектную методику их выделения [6]. В настоящей работе на основе эксплицитной и формализованной процедуры делается попытка построить систему классов слов, обусловленную многоаспектной структурой языка [7].

II. При построении системы классов слов автор исходит из следующих постулатов: а) в основе построения системы классов слов должна лежать грамматическая структура языка. Семантическая структура языка, не совпадающая или не полностью совпадающая с грамматической структурой языка, здесь не учитывается; б) до анализа не существует никакой априорной схемы классов слов исследуемого языка, эти классы мы должны еще получить благодаря заданной процедуре (для многих исследователей «части речи» — некие семантические группировки знаменательных слов, одни и те же для любого языка, существующие a priori и не подлежащие пересмотру); в) слово — это цепочка буквенных символов между двумя интервалами (отсюда, «артикли» — слова, но такие слова, которые не образуют самостоятельного класса, так как служат аналитическим морфологическим показателем другого класса — существительных; «отделяемые глагольные префиксы» — слова, образующие самостоятельный класс, так как свойственные им признаки характеризуют данный класс слов сам по себе, безотносительно к глаголам, с которыми они «сливаются» в определенных условиях).

С целью построения системы классов слов было постулировано множество проб на различных уровнях языка: на (А) морфологическом, (Б) синтаксическом, (В) просодическом и (Г) логико-грамматическом. Каждая

---

[3] Ср. «... анализ языкового материала возможен только на основе ясного понимания структурной природы и характера лексики, ее языкового статуса и соотношения с другими уровнями языка, вне которых она немыслима...» (М. М. Маковский, Теория лексической аттракции, М., 1971, стр. 7).

[4] Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 6.

[5] См. об этом: А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1944, стр. 420—434; Ф. Ф. Фортунатов, Избр. труды, I — Сравнительное языковедение, М., 1956, стр. 165—166; Э. Сепир, Язык, М., 1934, стр. 85—86; Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 144; Ch. C. Fries, The structure of English, New York, 1952, стр. 65—141.

[6] W. Admoni, Der deutsche Sprachbau, M.— L., 1966, стр. 61.

[7] Термины «система» и «структура» понимаются здесь целиком в духе А. С. Мельничука: «... слово система указывает на способность объединения элементов, образующих сложное целое, а слово структура — на способ расчленения целого на его элементы» (А. С. Мельничук, Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма, сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 46).

проба, репрезентируя какую-то часть указанных уровней языка, состоит в свою очередь из множества признаков. Была задана, таким образом, анализирующая модель в виде системы уровней языка, проб и признаков.

А. Анализ слов на морфологическом уровне введен с целью отграничения всех неизменяемых слов от изменяемых и установления их взаимоотношений. На морфологическом уровне были заданы пробы: 1) наличие у слов морфологических категорий (рода, числа, падежа, наклонения, залога, лица, времени и др.); 2) способность искомого слова выступать в синтаксической функции адъюнкта (зависимого слова) существительного, согласуясь с ним в роде, числе и падеже. На морфологическом уровне внутри двух проб постулировано 19 признаков.

Б. Синтаксический уровень предусматривает выявление синтаксических параметров слов на основе поверхностной и глубинной структур предложения. Признаки слов, добытые на уровне поверхностной синтаксической структуры,— это «явные» признаки, которые непосредственно обнаруживаются в словах как строительных элементах предложения: это различные типы непосредственных синтаксических связей (предикация, подчинение, взаимозависимость), способы их выражения (согласование, управление, примыкание, корреспонденция), различные типы синтаксических функций, различные ранги слов, их взаимное расположение. Все остальные признаки слов, т. е. «скрытые» признаки, выявляемые в словах благодаря различным преобразованиям предложений, относятся к уровню глубинной структуры предложения.

На уровне поверхностной структуры предложения постулируются такие пробы, как синтаксическая функция 3) подлежащего, глагольного сказуемого, предикатива (в предикативной синтагме); 4) адъюнкта и 5) ядра (в подчинительной синтагме); 6) интердепендента (в интердепендентной, т. е. взаимозависимой синтагме); 7) способ выражения непосредственной синтаксической связи искомого слова в виде согласования, управления, примыкания, корреспонденции; 8) ранг искомого слова, определяемый на основе «шага» зависимости от сказуемого как члена первого ранга. Шесть проб, отражающих параметры поверхностной синтаксической структуры предложения, постулируют для различных типов слов 48 признаков.

С целью выявления глубинных синтаксических признаков слов были введены отдельные трансформационные пробы, отражающие параметры глубинной синтаксической структуры предложения. На уровне глубинной синтаксической структуры предложения постулированы следующие пробы: 9) реакция предложения на перестановки искомого слова внутри предложения; 10) способность искомого слова помещаться между однородными членами; 11) трансформация одних типов предложения в другие типы; 12) способность искомого слова сочетаться с логико-смысловыми частицами (типа *nur* «только», *sogar* «даже», *auch* «также», *nicht* «не», *schon* «уже»); 13) способность искомого слова функционировать в качестве адъюнкта сказуемого в предложении с субъективно-модальным значением [8]; 14) способность искомого слова функционировать в качестве эквивалента односоставного предложения (ответ на различные типы вопросительных предложений); 15) способность искомого слова выступать в качестве «однородного члена»; 16) реакция предложения на изъятие искомого слова из предложения; 17) субституция (замена искомого слова различны-

[8] О понятии субъективно-модального значения и о способах его выражения см.: Н. Ю. Шведова, Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1960, стр. 15; ее же, Простое предложение, «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 545.

ми синонимическими конструкциями); 18) распознаваемость искомого слова путем постановки вопросов. Десять проб, отражающих параметры глубинной синтаксической структуры предложения, постулируют для различных типов слов 99 признаков. Весь синтаксический уровень отражает 147 признаков слов.

В. На просодическом уровне вводятся пробы: 19) способность искомого слова реально или потенциально нести главное (логическое) ударение; 20) способность искомого слова в синтаксической функции адъюнкта образовывать вместе с ядром «фонетическое слово» («ритмическую группу») [9]. На просодическом уровне задано четыре признака.

Г. Наконец, определяются параметры слов на логико-грамматическом уровне [10]: 21) способность искомого слова обладать логико-грамматической семантикой («общеграмматическим значением») — понятием предметности, действия, процесса, признака предмета, количества и т. д.; 22) участие искомого слова в актуальном членении предложения; 23) способность искомого слова выступать в качестве структурного форманта суждения с логической причинно-следственной связью; 24) способность искомого слова участвовать в логическом соотнесении понятий и суждений. На логико-грамматическом уровне постулировано 18 признаков.

На четырех уровнях немецкого языка — морфологическом, синтаксическом, просодическом и логико-грамматическом — введено 24 пробы, которые постулируют 188 признаков [11]. Почему были заданы именно эти 24 пробы и именно эти 188 признаков и можно ли выделить классы слов на основе, например, меньшего или большего количества признаков? Прежде всего, качественный выбор признаков для выделения классов слов обусловлен не прихотью исследователя, а внутренним устройством самого языка, проявившемся в параметрах самих изменяемых и неизменяемых слов. Каждый из исследованных уровней «выдал» изменяемым и неизменяемым словам набор своих признаков в соответствии с характером уровня. Поэтому качественную характеристику проб и признаков принципиально изменить невозможно, так как они заложены в самом языке и заданы языком. Что же касается количественного состава проб и признаков, то их можно менять в ту или другую сторону, в зависимости от целей анализа. От этого изменится лишь глубина изучения изменяемых и неизменяемых слов и дробность их классификации. Состав и количество классов слов, следовательно, может зависеть как от внутреннего «устройства» языка, так и от способов и глубины представления его структуры.

Была построена, таким образом, анализирующая модель (матрица) со сложной системой «сеток» (188), через которую «просеиваются» слова и маркируются соответствующими признаками. Если множество слов «пропустить» через всю систему «сеток», то в классификационной схеме каждое слово будет означать пересечение множества признаков, предопределяющих взаимные отношения данных единиц. Анализ отношений между

См.: А. Н. Гвоздев, Фонетические средства русского языка, М.—Л., 1949; Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956; O. Zacher, Deutsche Phonetik, 1969, стр. 18—20.

[10] Логико-грамматический уровень понимается здесь в духе В. З. Панфилова; см.: В. З. Панфилов, К вопросу о логико-грамматическом уровне языка, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 15, 3—4, 1962; его же, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 138 и сл.

[11] В задачи данной статьи входит не постулирование признаков, а построение системы классов слов на материале немецкого языка. Поэтому здесь дано лишь краткое перечисление проб (даже не признаков), лежащих в основе построения системы классов слов. Подробное описание признаков изменяемых и неизменяемых слов с целью построения их системы см.: А. Т. Кривоносов, К построению системы неизменяемых классов слов, «Ин. яз. в шк.», 1972, 6.

единицами анализа должен привести к установлению системы структурно-функциональных классов этих единиц, обладающих тождественными свойствами.

Для построения системы классов слов необходимо было, далее, произвести по определенной методике такую выборку неизменяемых слов, которая позволила бы исчерпать все закрытые и наметить все открытые классы слов. В результате этой процедуры было зафиксировано 1326 словарных единиц [12] (кроме того, с целью включения изменяемых слов в общую систему всех классов слов немецкого языка было выписано некоторое количество существительных, глаголов и изменяемых местоимений), подвергнувшихся испытанию на каждый из 188 постулированных признаков (каждое неизменяемое слово было маркировано знаком + или —, в зависимости от положительной или отрицательной реакции на данный признак).

Реакция слова на каждый признак фиксировалась на основе примеров, заимствованных из словарей [13] (только положительные примеры, т. е. примеры со знаком +), а также на основе ответов информантов-немцев из ГДР (в основном отрицательные примеры, маркированные знаком —). В результате анализа каждому из 1326 неизменяемых слов, а также отобранным для анализа изменяемым словам были приписаны в соответствии с их свойствами все постулированные морфологические, синтаксические, просодические и логико-грамматические признаки.

Анализирующая модель с многоуровневой системой «сеток» (матрица) позволила формализовать и эксплицировать ту интуицию, которая то в большей, то в меньшей степени была доминирующей при выделении и классификации частей речи. Такая методика позволила добиться полной объективности в построении системы классов, ибо каждое слово было поставлено в одинаковые условия со всеми остальными анализируемыми словами.

III. Все слова немецкого языка, подвергшиеся анализу по описанной процедуре, автоматически [14] распались на классы на основе одного или нескольких с и л ь н ы х дифференциальных признаков (дифференциальных признаков первой степени, свойственных лишь одному классу слов и не пересекающихся более ни в одном другом классе). Этот признак действительно является «сильным», потому что способен выделить один самостоятельный класс слов без поддержки других признаков. Любой выделенный таким образом класс слов обладает, кроме того, множеством с л а б ы х дифференциальных признаков, каждый из которых пересекается то в большем, то в меньшем количестве других классов (в двух, трех, четырех и т. д.) и выступает как дифференциальный признак, соответственно, второй, третьей, четвертой и т. д. степени. Выделе-

---

[12] Этих 1326 неизменяемых слов оказалось достаточно, чтобы построить систему неизменяемых классов слов немецкого языка, не прибегая к анализу всех неизменяемых слов, зафиксированных, например, в немецко-русском словаре на 80 тыс. слов (см.: «Немецко-русский словарь», под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой, М., 1959).

[13] «Большой немецко-русский словарь», 1—2, М., 1969; «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache», 1—3, herausgegeben von R. Klappenbach und W. Steinitz, Berlin, 1965—1971.

[14] «Автоматически» — означает лишь, что подлежащие анализу слова не требовали дополнительного анализа, ибо каждому слову уже заранее были приписаны все признаки по описанной процедуре. Однако необходимо было провести большую синтезирующую работу, чтобы каждое из 1326 неизменяемых слов, маркированных заранее 188 признаками, объединить с родственными ему словами по одному и тому же набору признаков и таким путем исчерпать все слова, не оставляя ни одного из них вне соотношений с другими словами. Для электронно-вычислительной машины этот синтез множества признаков оказался бы в полном смысле слова автоматическим.

нию слов в самостоятельный класс без поддержки сильного дифференциального признака может способствовать только свой особый набор, особая совокупность слабых дифференциальных признаков. Если бы вдруг не оказалось сильных дифференциальных признаков (если бы, например, не были введены соответствующие признаки), те же классы слов могли бы быть выделены по набору слабых дифференциальных признаков, различному для каждого класса слов.

Следовательно, классы слов в нашей модели выделились как бы дважды, с большим «запасом прочности», так как деление производилось одновременно на основе не менее чем одного сильного различительного признака и набора слабых различительных признаков. Причем и те, и другие взаимно обусловливают и взаимно предсказывают друг друга, так что все 188 признаков образуют иерархическую систему, навязанную самим языком и служащую целям порождения другой системы — системы классов слов.

В немецком языке было выделено 24 класса, в том числе четыре класса изменяемых слов (существительные, глаголы, личные местоимения, прилагательные) и 20 классов неизменяемых слов (в том числе неизменяемые местоимения). В статье принят следующий порядок представления классов: прежде дается перечень изменяемых, затем неизменяемых классов с указанием, является ли класс открытым или закрытым (приводятся только отдельные примеры). Мы будем условно считать закрытым классом тот, который насчитывает от нескольких слов до 200 слов. Класс, насчитывающий более 1000 слов, будем считать открытым. Классов, которые насчитывали бы от 200 до 1000 слов, в немецком языке не обнаружено. Как изменяемые, так и неизменяемые классы слов описываются в последовательности, определяемой «силой класса» («степенью выделимости»), о чем будет речь идти ниже. Что касается наименований неизменяемых классов, то они, в основном, остались традиционными. Но так как классов неизменяемых слов фактически выделено больше, чем их было в грамматической традиции, то им пришлось присвоить новые наименования, также очень близкие к традиционным и не претендующие на какую-либо строгость.

Изменяемые классы слов: 1) глаголы (V) — открытый класс; 2) существительные (N) — открытый класс: 3) личные местоимения (I per.) — закрытый класс; 4) прилагательные (A) — открытый класс (т. е. все слова немецкого языка, выступающие в синтаксической функции адъюнкта существительного и согласующиеся с ним в роде, числе и падеже: *gesunder Junge*, *deines Vaters*, *dritter Tag*, *wahrscheinliche Lösung*).

Неизменяемые классы слов: 5) модальные слова (M) — закрытый класс (*vielleicht* «возможно», *wahrscheinlich* «вероятно», *natürlich* «естественно», *bestimmt* «определенно»); 6) предложно-вопросительные наречия (W) — закрытый класс (*wozu* «для чего», *wobei* «причем», *worüber* «о чем», *woran* «о чем», *worauf* «на чем»); 7) логико-смысловые частицы (L) — закрытый класс (*nur* «только», *auch* «также», *noch* «еще», *eben* «именно», *gerade* «как раз», *nicht* «не», *sogar* «даже»); 8) модальные частицы (F) — закрытый класс (*denn*, *doch*, *ja*, *nur*, *auch*, *schon*, *mal* — эти слова как модальные частицы не переводятся не только вне предложения, но и в составе предложения); 9) сочинительные союзы (K) — закрытый класс (*und* «и», *oder* «или», *denn* «так как», *aber* «но»); 10) предлоги (P) — закрытый класс (*an* «у», *auf* «на», *hinter* «за», *neben* «около», *in* «в»); 11) неизменяемые местоимения (I unf.) — закрытый класс (*einander* «друг друга», *miteinander* «друг с другом», *gegeneinander* «друг против друга», *nichts* «ничто», *alles* «все»); 12) отделяемые глагольные префиксы (S) — открытый класс (*ein*, *herein*, *vor*, *auf*, *zu*, *an*, *mit*, *davon*, *aus*, *vorbei*, *tot*, *heiß*, *schwarz* — слова

этого класса переводятся редко в виде отдельного слова)[15]; 13) числительные (Z) — открытый класс (*zwei* «два», *drei* «три», *vier* «четыре»)[16]; 14) интенсификаторы (C) — открытый класс (*sehr* «очень», *zu* «слишком», *viel* «более», *ziemlich* «довольно», *völlig* «совсем», *fast* «почти», *etwa* «около», *unglaublich* «неимоверно», *allzu* «чрезвычайно»); 15) логические слова (G) — закрытый класс (*jedoch* «все же», *folglich* «следовательно», *darum* «поэтому», *daher* «оттого», *deswegen* «поэтому»); 16) утвердительно-отрицательные слова (R) — закрытый класс (*ja* «да», *nein* «нет», *jawohl* «так точно»); 17) предикативные слова (O) — закрытый класс (*schade* «жаль», *bereit* «готов», *imstande* «в состоянии»); 18) побудительные слова (H) — закрытый класс (*auf* «вверх», *nieder* «долой», *fort* «прочь», *zurück* «назад», *raus* «вон»); 19) подчинительные союзы (U) — закрытый класс (*als* «когда» *wenn* «если», *da* «что», *obwohl* «хотя», *weil* «так как»); 20) предложно-утвердительные наречия (D) — закрытый класс (*dafür* «за то, за это», *dagegen* «против этого», *daran* «об этом», *darauf* «на нем»); 21) качественные наречия (Q) — открытый класс (*schön* «красиво», *gut* «хорошо», *schnell* «быстро», *stark* «сильно»); 22) обстоятельственные наречия (B) — открытый класс (*da* «тут», *oben* «вверху», *unten* «внизу», *hier* «здесь», *dort* «там»); 23) междометия (E) — открытый класс (*ah* «а», *oh* «о», *pst* «пст», *ach* «ах»); 24) вводящие слова (Ŏ) [17] — закрытый класс (*also* «итак», *aber* «постой», *nun* «ну», *gut* «хорошо», *nu* «ну»).

Классы, слов, пронумерованные здесь в порядке убывания «силы класса» («степени их выделимости» или «степени их самостоятельности: — см. ниже), не лежат ни в одной плоскости, ни на одной линии, а образуют сложную систему. Нумерация классов характеризует их как классы, обладающие различным количеством и качеством структурно-функциональных признаков, т. е. как классы, аккумулировавшие в себе различные участки, уровни, признаки языковой структуры. Но так как каждый класс, обладая сильными дифференциальными признаками, маркирован также множеством слабых признаков различных степеней, образуя сложнейшие пересечения в различных классах, то описать хотя бы одни только сильные признаки каждого класса здесь не представляется возможным. Тем более, что многие из перечисленных классов не являются однородными, они состоят из множества подклассов, отличающихся разным набором слабых дифференциальных признаков. Так, модальные частицы, побудительные слова, утвердительно-отрицательные слова, вводящие слова не имеют подклассов, тогда как, например, обстоятельственные наречия состоят из 8 подклассов, а интенсификаторы — из 27 подклассов. С другой стороны, каждый данный класс можно было бы объединить с другим в более крупные группировки — классы классов — по общности одного или несколь-

[15] «Отделяемые глагольные префиксы» образуют в немецком языке самостоятельный класс слов, не смешиваемый с другими классами (*Er schlug ihn tot* «Он убил его», *Die Sonne ging auf* «Солнце взошло», *Der Winter kommt heran* «Зима приближается»). Однако будучи наделенными иным набором признаков, искомые слова переходят в класс «побудительных слов» (*Herein*! *Auf*! *Zu*!) или в класс «предлогов» (*auf dem Tisch*, *zu uns*).

[16] Как известно, полную парадигму склонения в немецком языке имеет лишь слово *ein* «один», которое, вопреки традиции, перешло в нашей классификации в класс прилагательных. Мы игнорируем тот факт, что из бесконечного количества числительных только слова *zwei*, *drei* сохранили некоторые падежные формы, так как эти изменяемые формы употребляются в ограниченных условиях. А форма косвенных падежей слов *vier*, *sechs* сохранилась лишь в устойчивых словосочетаниях. Таким образом, «вся основная масса определенных количественных числительных является словами неизменяемыми» (О. И. Москальская, Грамматика немецкого языка, М., 1956, стр. 185).

[17] «Вводящие слова» впервые были выделены в особый класс слов немецкого языка еще в прошлом веке под термином «Eröffnungsform» (см.: H. Wunderlich, Unsere Umgangssprache in der Eigenart ihrer Satzfügung, Weimar — Berlin, 1894).

ких слабых признаков, наличествующих в этих классах. Так, в одну группу классов можно было бы объединить сочинительные и подчинительные союзы, побудительные слова, утвердительно-отрицательные слова, вводящие слова и междометия как классы, никогда не выступающие в синтаксической функции адъюнкта глагола. Отделяемые глагольные префиксы и модальные частицы объединяются как классы, слова которых занимают место только после глаголов. А, например, модальные слова, интенсификаторы и логико-смысловые частицы объединяются как классы, имеющие наибольшую сочетаемостную способность (валентность): в функции адъюнкта они сочетаются почти со всеми классами слов. Можно было бы обнаружить более крупные объединения классов по наличию общих признаков на том или ином уровне. На морфологическом уровне выделяются изменяемые классы слов, противопоставляемые всем неизменяемым классам слов, которые в свою очередь распадаются на классы внутри трех других уровней — синтаксическом, просодическом и логико-грамматическом. Но внутри каждого из трех последних уровней имеют тенденцию объединяться также строго определенные классы слов. Неизменяемые классы слов, будучи выделенными преимущественно на синтаксическом уровне, суть синтаксические классы слов, а изменяемые классы слов (существительные, личные местоимения, глаголы, прилагательные) выделенные на морфологическом уровне, суть морфологические классы слов. Среди синтаксических классов слов логико-смысловые частицы, сочинительные союзы, модальные частицы, логические слова, подчинительные союзы являются, кроме того, логико-грамматическими классами по их способности служить средством логического соотнесения понятий и суждений. Морфологические классы слов (глаголы, существительные, личные местоимения и прилагательные) и такие синтаксические классы слов, как качественные наречия, обстоятельственные наречия по наличию логико-грамматической семантики объединяются в группу, которая известна из лингвистической традиции как знаменательные части речи.

Схождения классов по одним и расхождения по другим признакам втягивают каждый класс в различные взаимодействия, объединяя их в сложную систему. Классы слов — это такая системная, «многоаспектная» (В. Г. Адмони) репрезентация словаря, которая адекватна самому языку и является его структурно-функциональной моделью. Система классов слов — это зеркало структуры языка. И если система классов слов получилась чрезвычайно сложной (эта сложность фактически даже не показана, так как здесь нет возможности описать хотя бы один класс слов и раскрыть все его связи с остальными классами), то это лишь отражает действительную сложность самих исследуемых объектов.

IV. В выявленной системе классов слов немецкого языка можно определить р а с п о з н а в а т е л ь н у ю или д и а г н о с т и р у ю щ у ю силу каждого признака, пробы или уровня в целом. Если данный признак характеризует только один класс, т. е. является достаточным для выделения самостоятельного класса слов (такой признак назван нами сильным дифференциальным признаком первой степени, так как он не пересекается более ни в одном другом классе), то его диагностирующая сила максимальна, т. е. равна 100% или условно — единице (1), которую можно назвать д и ф ф е р е н ц и а л ь н о й е д и н и ц е й. Диагностирующая сила сильного дифференциального признака равна одной дифференциальной единице, способной выделить один класс слов. Если какой-либо признак характеризует два класса, то его диагностирующая сила слабее в два раза, так как делится между двумя классами. Если какой-либо признак маркирует одновременно, например, все 24 класса (слабый дифференциальный признак двадцать четвертой степени), то его диагности-

рующая сила минимальна (1 : 24 = 0,04), т. е. равна 0,04 дифференциальной единицы, хотя сам этот признак, как и любой другой, объективно характеризует данный класс. Таким образом, распознавательную силу каждого признака можно представить в терминах дифференциальных единиц как отношение единицы к количеству классов, маркированных данным признаком. Диагностирующая сила каждого признака аналогична знаку, несущему определенную информацию: чем меньше определенность и предсказуемость знака, тем больше информации он несет. Чем меньшее количество классов маркирует данный признак, тем выше его диагностирующая сила. И наоборот, чем большее количество классов маркирует данный признак, тем меньше его диагностирующая сила.

Определив диагностирующую силу каждого признака в терминах дифференциальных единиц, можно высчитать диагностирующую силу каждой пробы как сумму диагностирующей силы всех признаков, обслуживающих данную пробу. Диагностирующая сила каждого уровня определяется как сумма распознавательной силы проб, обслуживающих данный уровень. Затем была подсчитана распознавательная сила всех уровней, т. е. всей анализирующей системы.

Так, в немецком языке распознавательная сила морфологического уровня равна 8.96, синтаксического уровня — 71.66, просодического уровня — 2.38 и логико-грамматического уровня — 16.47 дифференциальным единицам. Распознавательная сила всех уровней, т. е. всей анализирующей системы — 99.47 дифференциальных единиц. Единицы эти, разумеется, абстрактно отражают реальную структуру немецкого языка и обозначают лишь следующее: постулированные морфологические, синтаксические, просодические и логико-грамматические признаки обладают такой мощной различительной силой, что они могли бы выделить внутри немецкого словаря 99.47 классов слов, если бы каждый из классов обладал только одним сильным дифференциальным признаком (признаком первой степени). Фактически же в немецком языке выделено 24 класса слов, почти каждый из которых обладает несколькими сильными дифференциальными признаками первой степени и набором слабых дифференциальных признаков разных степеней.

На основе степени участия сильных и слабых дифференциальных признаков в выделении каждого класса можно вычислить «с и л у к л а с с а» (степень самостоятельности, степень выделимости каждого класса), а также расстояние между классами по количеству дифференциальных единиц. Чем больше сильных различительных признаков первой степени или слабых различительных признаков по возможности более высокой степени (второй, третьей, четвертой) присуще данному классу, тем больше его сила, тем более четкие он имеет границы, тем выше степень его выделимости и самостоятельности. Сила каждого класса определяется как сумма всех его сильных и слабых дифференциальных признаков, т. е. как сумма тех дифференциальных единиц, которыми определяется распознавательная сила каждого признака. Нам уже известна распознавательная сила каждого признака, нам также известно, какие признаки участвуют в выделении каждого класса. Суммировав распознавательную силу каждого признака, участвующего в выделении класса, мы определим силу класса, степень его самостоятельности (выделимости). Так, сила существительных (степень самостоятельности, выделимости класса существительных) равна 11.39 дифференциальным единицам. Это означает, что в выделении существительных могли бы принять участие условно 11.39 каких-то сильных дифференциальных признаков первой степени. Мы говорим «условно», потому что фактически в выделении существительных участвуют только три сильных различительных признака, остальные 8.39 дифференциаль-

ных единиц — это сумма слабых дифференциальных признаков (второй, третьей и т. д. степеней), участвующих в выделении существительных. Сила глаголов (степень их выделимости) еще выше — 13.26, прилагательных — 7.79, изменяемых (личных) местоимений — 8.34. Среди неизменяемых классов слов наибольшей силой (степенью самостоятельности) обладают модальные слова (11.18), наименьшей — вводящие слова (2.73). Можно определить, в среднем, различие в силе самостоятельности (выделимости) одного изменяемого и одного неизменяемого класса, если сложить силу каждого изменяемого и каждого неизменяемого класса отдельно и разделить ее, соответственно, на количество представленных в каждой группе классов. Степень выделимости одного изменяемого класса в среднем равна 40,78 : 4 = 10.20 (учтены только существительные, глаголы, прилагательные и изменяемые местоимения), тогда как степень самостоятельности одного неизменяемого класса равна 109.87 : 20 = 5.50 (сюда включены также неизменяемые местоимения) дифференциальным единицам.

Следовательно, изменяемые классы слов выделяются более «сильно», чем неизменяемые классы слов. Интуитивно это уже нашло отражение в традиционной грамматике, которая устами различных авторов выделяет в немецком языке (да и не только в немецком) одни и те же изменяемые части речи (существительные, местоимения, глаголы, прилагательные), но в которой представлены самые различные мнения о составе неизменяемых частей речи. Формализованная и эксплицитная процедура выделения классов слов показала, что изменяемую часть речи выделить в два раза легче, чем неизменяемую часть речи.

Необходимо отметить, что цифры, отражающие различительную силу признака, пробы, уровня, а также силу (выделимости) каждого класса не абсолютны, а относительны, ибо они зависят от количества признаков внутри каждой пробы, от количества проб внутри уровней, от количества уровней, т. е. от глубины представления структуры языка, которая (глубина) в данном случае является заданной. Если, к примеру, ввести только один морфологический признак «наличие словоизменения», то весь лексикон языка мы разобьем на два класса — изменяемые и неизменяемые слова. Однако в том же немецком языке можно было бы выделить не 24, а, скажем, 3, 4, 5 или 6 классов слов. Это означало бы, что полученные классы, будучи выделенными по набору меньшего количества признаков, были бы более общими и менее дифференцированными и, следовательно, отражали бы структуру немецкого языка только в заданных параметрах. Чем больше признаков будет постулировано, тем большей распознавательной силой будет обладать каждый уровень анализа, тем мощнее будет вся анализирующая модель, тем с большей точностью мы дифференцируем весь лексикон языка. Естественно, тем выше будет степень выделимости каждого класса и вполне возможно, что при постулировании иных признаков последовательность классов в порядке убывания силы выделимости также может претерпеть изменения. Если, например, не вводить на синтаксическом уровне такие признаки, как «трансформация порядка слов», то распознавательная сила синтаксического уровня уменьшится (в данном случае на 16.50 дифференциальных единиц), а границы между классами слов будут, естественно, менее четкими. Сила каждого уровня, следовательно, — это количество условных дифференциальных единиц, зависящее от глубины представления структуры языка на данном уровне. Полученное количество 99.47 дифференциальных единиц объективно отражает распознавательную силу всех постулированных признаков вместе взятых, всей анализирующей системы, в которой, в конечном счете, отражается определенный структурный характер немецкого языка (в границах постулированных признаков!).

Итак, здесь была предпринята попытка объективно показать диагностирующую силу каждого признака, каждой пробы, каждого уровня, всех уровней, т. е. всей анализирующей системы, а также силу (выделимости) каждого класса на основе определенной глубины представления структурно-функциональных параметров немецкого языка. Следовательно, характер постулированной анализирующей модели (количество и качество признаков, навязанных самим языком) служит фундаментом количественного описания системы классов. Поэтому математические расчеты для живого языка вне заранее выделенных для анализа единиц и построения их системы не имеют объяснительной силы. Математика оперирует однородными величинами, в то время как язык — сложнейшая система разнородных единиц и уровней. Признаки логико-грамматического уровня (16.47) и признаки синтаксического уровня (71.66), представленные математически как отношение разного количества однородных дифференциальных единиц, есть отношение разного качества признаков, которые не могут быть вскрыты никакими математическими расчетами. Необходимо прежде построить строгую систему классов слов на основе структурных методов, описать все составляющие ее единицы, их иерархию, их взаимозависимость, короче — всю систему языка, сущность которой состоит в структурно-функциональной и в логико-семантической, т. е. в качественной характеристике. Поскольку на современном уровне развития языкознания эти качественные параметры языка еще недостаточно изучены, то наиболее важными являются структурно-функциональные методы, вскрывающие структуру описываемого языка в виде системы взаимодействующих единиц. При исследовании языка лингвистическими методами подготавливается база для математического анализа языка. Следовательно, количественные данные, отражающие распознавательную силу признаков, степень самостоятельности классов и их иерархию, объективны только с учетом структурно-функциональных характеристик, постулированных для выделения классов слов и построения их системы. Поскольку же мы, в связи с неразработанностью теории классов слов, особенно неизменяемых классов слов, пытались по возможности исчерпать все признаки на морфологическом и особенно на синтаксическом, просодическом и логико-грамматическом уровнях (словообразовательный уровень не использовался, так как он будет дифференцирующим, как и морфологический, только для изменяемых классов слов), то эти цифровые показатели, будучи сопутствующими характеристиками качественной характеристики признаков и классов, объективно отражают структуру немецкого языка до определенных пределов, заданных анализирующей моделью [18].

В построенной здесь системе классов слов немецкого языка главным мы должны считать не только распознавательную силу признаков, проб, уровней, не только силу (выделимости) классов, а главным образом качественную сторону каждого признака, каждого класса, качественную сторону всей системы: каким образом взаимодействуют классы в этой системе, какими свойствами обладает немецкий язык на различных уровнях (морфологическом, синтаксическом, просодическом и логико-грамматическом),

---

[18] «... математический подход приводит фактический материал в некоторую цельную систему, а стало быть, гарантирует в определенных рамках достоверность знаний. Надо оговориться только, что это справедливо при наличии определенных условий: исходный материал должен быть достоверным, объективным и полным. Это, правда, вовсе не исключает знаний описательного характера. Наоборот, тщательное описание эмпирического материала является необходимым этапом построения точной системы знаний» (разрядка наша. —*А. К.*) (А. Ляпунов, Математика и современность, «Неделя», 6 IV 69).

на основе каких свойств и на каком уровне объединяются слова этого языка в классы, какое место занимает каждый признак среди других признаков внутри одного и того же класса, в различных классах, какие классы пересекаются с другими классами и на основе каких признаков.

Что нового вносит в немецкую грамматику построенная здесь система классов слов? Была сделана попытка расчленить многие традиционные неизменяемые части речи на более гомогенные классы. Однако главное состоит не только, а может быть не столько в том, что были «открыты» новые неизменяемые классы слов, не выделявшиеся в традиционной грамматике [19], хотя это само по себе важно, а в том, что применение формализованной и эксплицированной процедуры позволило рассмотреть все неизменяемые классы слов с позиций их тождества и различия, скоординировать каждый класс по отношению к каждому другому по определенным признакам и представить их как строгую, гомогенную систему классов слов, обусловленную структурой языка.

В построенной здесь системе классов слов немецкого языка нет ничего специфически немецкого, кроме параметров самой системы, т. е. кроме количества классов слов, их структурно-функциональных характеристик и характера их взаимоотношений. Принципиально такая же система, но с иным набором классов, с иными их характеристиками, обусловленными различиями во внутренней структуре каждого языка, может быть построена для любого другого языка. Очевидно, при классификации частей речи морфологические, синтаксические, просодические и логико-грамматические критерии имеют в различных языках различный удельный вес. Стало быть, в различных языках, в силу особенностей их структуры, части речи должны фактически выделяться на различных уровнях языковой структуры. Из этого следует, что а) в различных языках должны существовать различные критерии выделения частей речи, б) различные языки должны обладать различным набором частей речи, в) в различных языках должен существовать различный набор слов внутри одной и той же части речи, или, что то же самое, каждый язык должен иметь свой набор частей речи, зависящий как от внутреннего «устройства» языка, так и от глубины представления его грамматической структуры. Само понятие «одной и той же части речи» в различных языках — не одно и то же. Единственным путем, который, по-видимому, приведет к объективной, исчерпывающей и непротиворечивой классификации частей речи, является путь, постулируемый грамматической структурой соответствующего языка. С этой точки зрения небезынтересно было бы сопоставить систему классов слов одного языка, добытую описанной процедурой, с системами классов слов в родственных или неродственных языках, добытыми аналогичной процедурой, но, очевидно, на основе наборов иных различительных признаков, проб, уровней. В соответствии со структурой каждого языка можно было бы сравнить состав классов слов, выделяемых в каждом из них, их систему, а также установить удельный вес морфологических и синтаксических критериев при выделении всех классов слов и тем самым степень синтетичности (аналитичности) каждого языка. При этом можно было бы точно измерять расстояния между любыми сравниваемыми языками по степени их аналитичности (синтетичности).

---

[19] Некоторые ученые уже давно обратили внимание на то, что внутри традиционных «частей речи» имеются различные грамматические разряды слов. Это и есть дальнейшая дифференциация частей речи, т.е. стремление к более гомогенной классификации словарного состава (см.: О. И. Москальская, Структурно-семантические разряды слов в составе частей речи, сб. «Вопросы германского языкознания», М.—Л., 1961, стр. 251—261).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

Т. Г. ХАЗАГЕРОВ

УДАРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

1. Сформулированное в Академической грамматике русского языка (I, М., 1953, стр. 210) положение о том, что в современном русском языке «различие по ударению все более и более становится дополнительным средством дифференциации падежных форм единственного и множественного числа», отражает определенную закономерность развития русского языка. Московские памятники светского характера середины и второй половины XVII в. (Учение и хитрость ратного строения — 1647, Соборное Уложение — 1649, Космография — 1670, Лечебник — XVII в.) сравнительно с более поздними соответствующими по территории источниками [1] показывают, что на протяжении XVII—XIX вв. изменили место ударения и стали противопоставлять по ударению множественное число единственному сотни непроизводных имен существительных, относящихся к разным типам склонения. Например: *беда́* — *бе́ды* (старое *беды́*, ср. Космография, 175), *вдова́* — *вдо́вы* (старое *вдовы́*, ср. Уложение, 193) и аналогично *вины*, *войны*, *дрофы*, *дуги*, *дыры*, *жены*, *змеи*, *игры*, *колбасы*, *крупы*, *лисы*, *луны*, *орды*, *пилы*, *руды*, *сестры*, *скалы*, *скорлупы*, *скулы*, *слуги*, *совы*, *стрекозы*, *струи*, *судьбы*, *судьи*, *толпы*, *травы*, *трубы*, *тюрьмы* и т. д.; *во́йско* — *войска́* (старое *во́йска*, ср. Учение, 10) и аналогично *дела*, *масла*, *мыла*, *права*, *стада*, *чудеса*, *имена*, *семена* и т. д.; *воз* — *возы́* (старое *во́зы* — Уложение, 90, твор. мн.) и аналогично *гробы*, *дары*, *долги*, *дубы*, *жиры*, *меды*, *миры*, *мозги*, *мосты*, *носы*, *пары*, *пиры*, *полы*, *пруды*, *пуды*, *разы*, *рои*, *ряды*, *сады*, *слои*, *сыны*, *сыры*, *тазы*, *торги*, *ходы*, *чаи*, *чаны*, *чины*, *чубы*, *шаги* и т. д.; *бег* — *бега́* (старое *бе́ги* — Аввакум, 191) и аналогично *берега*, *века*, *глаза*, *голоса*, *города*, *доктора*, *дома*, *желоба*, *жернова*, *колоба*, *колокола*, *края*, *купола*, *кузова*, *лекаря*, *леса*, *луга*, *мастера*, *меха*, *острова*, *откупа*, *паруса*, *перепела*, *писаря*, *повара*, *повода*, *погреба*, *поезда*, *потроха*, *пояса*, *провода*, *пропуска*, *рога*, *снега*, *соболя*, *сторожа*, *тетерева*, *учителя*, *черепа*, *якоря* и т. д.; *князь* — *князья́* (старое *кня́зи* — Космография, 7) и аналогично *друзья*, *мужья* и т. д. Аналогично изменяется ударение и в заимствованиях начала XVIII в., ср. *ба́лы* (у М. В. Ломоносова), *паспо́рты* (у В. Майкова) и совр. *балы́*, *паспорта́* и т. д.

При анализе этого материала не во всех случаях ударение, зафиксированное в названных московских памятниках и более поздних источниках, следует рассматривать как древнейшее. Здесь представлены и вторичные факты, и позднейшие колебания (ср., например, акцентуацию *ви́ны* в одном из посланий Ивана Грозного и оценку этой акцентуации

[1] В статье цитируются следующие памятники: Космография, 1670 — рукопись, написанная в Москве, цитируется по изд. Общества Любителей Древней Письменности (СПб., 1881); Лечебник XVII в. (рукопись бывшей Синодальной библиотеки, 481) — Государственный Исторический музей (Москва); Соборное Уложение — старопечатная московская книга; Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647 — старопечатная московская книга; Триодь постная, 1589 — старопечатная московская книга; Чудовской Новый Завет — Новый завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси (Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского), М., 1892. Из памятников XVII в., близких по языку к московским, цитируется Житие Протопопа Аввакума (автограф), БАН, Собр. Дружинина, 746, 70-е годы XVII в.

В. В. Колесовым [2]). Трактуя материал в указанном плане, мы сознательно отвлекаемся и от вопроса о диалектных взаимодействиях, столкновении книжных и просторечных, старославянских и русских элементов и т. д. То, однако, обстоятельство, что все упомянутые выше изменения идут в одном направлении (однородны с функционально-семантической точки зрения), заставляет нас здесь и в дальнейшем исследовать языковой материал и пути его трансформации именно в функционально-семантическом аспекте.

Списки, приведенные в начале статьи, разумеется, можно было бы значительно расширить [3].

Рассматриваемая дифференцирующая функция ударения еще шире представлена в украинском и белорусском языках. Ср. укр. *ба́ба, -и́* (*мами́, хати́*), *це́рква, -и́, ви́шня, -и́, ні́тка, -и́, поду́шка, -и́*; *кочерга́* — *коче́рги* (*ча́дри, ча́лми*); *ши́ло, -а́, боло́то, -а́*; *чо́рт, -и́* (*боги́, брати́, діди́*), *ре́ктор, -и́, я́щик, -и́, това́риш, -ші́, хозя́їн* — *хозяини́*; *ска́терть* — *скатерти́*; белорусск. *царква́* — *цэ́рквы, дачка́* — *до́чки, го́луб* — *галубы́, маро́з* — *маразы́* и т. д.[4].

Любая акцентная кривая [5], характеризующая подвижный тип ударения, противопоставляет в русском языке им. падеж ед. числа (один считаемый предмет, позиция подлежащего) род. падежу мн. числа (свыше четырех считаемых предметов, позиция подлежащего), т. е. отношения *вдова́* — *вдо́в, село́* — *сёл, воз* — *возо́в, мышь* — *мыше́й* охватывают всю систему подвижного ударения имен существительных в современном русском языке.

Нет ли оснований предположить, что и в глаголе ударение служит дополнительным средством дифференциации форм числа, позволяет посредством личной формы глагола различать число субъектов (лиц), совершающих действие? История языка свидетельствует, что десятки глаголов, ранее не различавших по месту ударения формы 1-го лица ед. и 1-го лица мн. числа настоящего или простого будущего времени, стали различать их. На материале взятых памятников можно констатировать изменения: *лечу́* — *ле́чим* (старое *лечи́м*, ср. Лечебник, 119)[6] и аналогично *валим*,

---

[2] В. В. Колесов, История русского ударения, Л., 1972, стр. 38, 41.

[3] См.: Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., М., 1954, стр. 150—161; его же, Курс русского литературного языка, II, Киев, 1953, стр. 248—249; V. Kiparsky, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, Heidelberg, 1962; В. В. Колесов, указ. соч.,; Т. Г. Хазагеров, Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. АКД, Ростов-на-Дону, 1967, и др.

[4] См.: Л. А. Булаховський, Український літературний наголос, Київ, 1946; М. І. Погрібний, Словник наголосів української літературної мови, Київ, 1964; М. П. Лобан, М. Р. Судник, Слоўнік арфаграфічны, Мінск, 1966; М. П. Лобан, Націск назаўнікаў у сучаснай літературнай мове. АКД, Мінск, 1953.

[5] Термин «акцентная кривая» заимствован из «Грамматики современного русского литературного языка», М., 1970, § 1021. Кривая А характеризуется неконечным ударением во всех словоформах, В — конечным ударением во всех словоформах. В XVII в. кривая В (*беда́* — *беды́*) была значительно шире распространена у имен жен. рода, А — у имен ср. рода, C_1 (неконечное ударение в ед. числе и в им.-вин. мн. числа, в остальных формах конечное) у существительных муж. рода. Переход от кривых А, В, C_1 к кривым D и С отражает рассматриваемую тенденцию.

[6] Чудовской Новый завет, как и другие достаточно поздние тексты церковного характера, дает образцы древнейшей подвижной акцентуации типа *ва́рю* — *ва́рим* (см.: В. А. Дыбо, Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения, ВЯ, 1969, 6). В памятниках XVII в. такая акцентуация уже не встречается. Неподвижное конечное ударение (*лечу́, -и́м, -и́л, -и́ла, -и́ло*) было в XVII в. распространено значительно шире чем в современном языке (у глаголов IV продуктивного класса).

варим, *губим*, *дарим*, *делим*, *продолжим*, *косим*, *кормим*, *курим*, *ловим*, *положим*, *ломим*, *переменим*, *платим*, *поим*, *отпустим*, *посадим*, *сушим*, *солим*, *разрушим*, *тащим*, *терпим*, *учим*, *ценим*, *явим* и т. д. или *держу́* — *де́ржим* (старое *держи́м*) и аналогично *дышим* и т.д [7].

Интересно, что на тех территориях, где рассматриваемая подвижность ударения представлена в имени шире, она шире представлена и в глаголе. Ср. укр. *гвинчу́* — *гви́нтимо*, *дзвоню́* — *дзвбнимо*, *говорю́* — *говбримо* и аналогично: *кри́вимо*, *мбримо*, *освіжимо*, *слі́димо*; белорусск. *азеляню́* — *азяле́німо* и аналогично *абвбстрымо*, *аднбвімо*, *гбсцімо*, *грэ́шымо*, *зара́зімо*, *кры́тымо*, *плбдзімо*, *чэ́рнімо* и т. д. В тех системах, где подвижность ударения у́же представлена в имени, она у́же представлена и в глаголе (ср. в говоре села Пермас, описанном В. Г. Орловой: *с''остры́*, *травы́* на месте литературного *с''бстры*, *тра́вы*, *вар'и́м*, *сол'и́м* на месте литературных *ва́р'им*, *сбл'им*) [8].

В связи с высказанным предположением возникает ряд вопросов, затруднений, требующих своего разъяснения.

1. Разрушение древнейших акцентных отношений *ва́рю* — *вари́м* находится в видимом противоречии со сделанным наблюдением.

2. Наряду с противопоставлением 1-е лицо ед. число — 1-е лицо мн. число существует и другое акцентное противопоставление: 1-е лицо ед. числа противопоставляется 2 и 3-му лицам ед. числа.

3. Противопоставление по месту ударения 1-е лицо мн. число — 1-е лицо ед. число не охватывает прошедшего времени.

4. Противопоставление по числу охватывает только формы 1-го лица.

Рассмотрим их в той последовательности, как они здесь названы.

1. Наблюденная тенденция ограничена известными хронологическими рамками. Она начинает складываться не ранее конца XIV в., когда старая (морфонологическая) мотивация акцентных кривых и их дистрибуции окончательно разрушается, и становится продуктивной не ранее середины XVII в., когда складывается определенная семантическая мотивация акцентных кривых и их дистрибуции. К этому периоду акцентная кривая *ва́рю* — *вари́м* уже перестала быть живым фактом языка.

2. Наблюденная тенденция на первом этапе своего становления и в своем дальнейшем развитии представляет собой прежде всего генерализацию определенных акцентных кривых, существовавших в языке предшествующих этапов, но имевших иную мотивацию. В начале процесса, видимо, те или иные формальные или смысловые отношения не непосредственно выражались при помощи ударения, но, скорее, сами служили основанием для определенных акцентных различий. Используя при этом старые модели со старыми формальными противопоставлениями, язык в основном сохранял и другие традиционные элементы этих моделей.

3. Выбор места ударения в глаголе, как это впервые было отмечено еще Я. К. Гротом, регулируется формами инфинитива [9]. Правда, в этом

---

[7] См. названные работы Л. А. Булаховского и В. Кипарского, а также: Н. К. Пирогова, Развитие типов ударения в системе русского глагола. АКД, М., 1959. Историческую перспективу развития акцентных отношений в глаголе и имени в белорусском и украинском языках показывают материалы,собранные в труде Е. Ф. Карского «Белорусы», 1—М, 1955, 2—3—М., 1956; см. также: З. Н. Веселовская, Особенности восточнославянского ударения конца XVI — начала XVIII вв., «Наукові зап. Харьківськ. пед. ін-ту», 5, 1959.

[8] В. Г. Орлова, О говоре села Пермас Никольского р-на Вологодской обл., «Материалы и исследования по русской диалектологии», I, М.—Л., 1949, стр. 52—61, 67—69.

[9] Я. К. Грот, О спряжении русского глагола и важности в нем ударения, «Филологические разыскания», I, СПб., 1873.

отношении возможности глаголов неодинаковы. У глаголов I акцентологического класса (как это определяется «Грамматикой» 1970 г., т. е. у глаголов, у которых в формах настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения суффикс содержит слог, например, *играет — играла*, *болеет — болела*, *беседует — беседовала*) выбор места ударения в инфинитиве обычно определяет выбор места ударения во всех личных формах. Иначе обстоит дело у глаголов II акцентологического класса (т. е. у таких, у которых в формах настоящего времени изъявительного наклонения суффикс не содержит слога, в формах же прошедшего времени изъявительного наклонения суффикс содержит слог, например, *носит — носила*, *дышит — дышала*).

Естественно, что место ударения в инфинитиве (если выбрано ударение на суффиксе) может оказывать влияние на выбор места ударения в формах прошедшего времени (ср. замену таких акцентных отношений, как *со́творил*, *со́творили*, *со́творило*, *сотворила́*, ср. в Чудовском Новом завете: *сотворила́* — 14 об., *ство́рилъ* — 75 об., Триодь постная: *покорила́* — 360 об. и т. д.[10], современными отношениями с неподвижным ударением на суффиксе по образцу форм инфинитива) и не может оказывать влияния на выбор места ударения в формах настоящего времени, где суффикс не только не содержит слога, но и вообще отсутствует. Таким образом, рассматриваемая тенденция может распространяться лишь в глаголах II акцентологического класса и лишь на настоящее (и простое будущее) время.

4. Противопоставление по числу у форм 1-го лица имеет несколько иное семантическое содержание, чем то же противопоставление у форм 3-го лица [11] и даже чем у форм 2-го лица. Если «мы» в подавляющем большинстве случаев означает «я + другое лицо, т. е. я + она, я + ты», или «я + другие лица», т. е. «я + вы, я + они»,— хорового «мы» можно практически вообще не принимать во внимание,— то не только «они», но и «вы» достаточно часто указывают на множество «одинаковых лиц», т. е. «он + он», «она + она», «ты + ты» и т. д.[12].

Итак, основная функция ударения и в имени, и в глаголе – это дифференциация форм ед. и мн. числа (у глаголов через противопоставление 1-го лица мн. числа 1-му лицу ед. числа, у имен прежде всего через противопоставление им. или род. мн. числа им. падежу ед. числа).

В глаголах возможность противопоставления множественного числа единственному в прошедшем времени не реализуется из-за выравнивания ударения по инфинитиву; но, например, в кратких прилагательных (также согласующихся в числе с именем — подлежащим) наблюдается расширение противопоставления множественного числа единственному (ср.

---

[10] Выравнивание ударения в *l*-причастиях у глаголов рассматриваемого типа в соответствии с ударением инфинитивов — явление достаточно древнее. В памятниках указанные акцентные отношения представлены крайне нерегулярно. Ср. хотя бы в Триоди постной: *сотвори́ла* 15 об.

[11] Этот известный факт констатируется, например, на обширном материале К. Куриловичем в книге «The inflectional categories of Indo-European», Heidelberg, 1964, стр. 149 и 205, который говорит об особом типе «эллиптического» плюраля в 1 и 2-м лицах и об особом типе того же плюраля в имени, отличном от обычного разделительного плюраля, характерного для имени вообще; мнение А. В. Исаченко по данному вопросу, высказанное в статье «О грамматическом значении» (ВЯ, 1961, 1), явно ошибочно: и в разделительном, и в эллиптическом плюрале эксплицитно дана расчлененность, но в разделительном — эксплицитно дана еще и внешняя расчлененность, т.е. принадлежность разных предметов к одному классу (ср. «книги = книга + книга»...), в эллиптическом же она дана только имплицитно (ср. «мы = я + ты»..., где указание на то, что «я» и «ты» — лица, лишь подразумевается). Внешняя расчлененность не выражена и в таких случаях, как греч. οτ βασιλετς (царь и царица).

[12] Ср.: З. М. Мурыгина, Семантическая структура сопрягаемых форм русского глагола, М., 1970.

замену акцентных отношений *глух — глýхи* отношениями *глух — глухú*)[13].

Дифференциация форм числа с помощью акцентных средств является, по-видимому, частным случаем использования акцентуации в качестве средства выражения количественных отношений вообще, т. е. количественных отношений типа: число в имени существительном и местоимении-существительном, степень в прилагательном, вид (целостность — расчлененность или линейный — точечный характер действия), а также некоторые способы действия (например, многоактный – одноактный) в глаголе [14]. Так, роль ударения как средства дифференциации форм сравнительной и положительной степени (указание на большую или меньшую степень проявления признаков) заметно возрастает на протяжении двух последних веков. Еще во времена Ломоносова и даже Грибоедова (ср. в «Горе от ума»: «Поют все песнь одну и ту же, не замечая о себе: что стáрее, то хуже») нормативными были ударения типа *мрáчнее*, *стáрее*, которые сменились отношениями типа *мрáчный — мрачнéе*, аналогично *длиннее*, *страшнее*, *сильнее*, *добрее*, *нужнее*, *вернее*, *правее*, *стройнее* и т. д.[15].

Широко известно также использование ударения как средства дифференциации видовых форм и указания на многоактный способ глагольного действия [16].

Возникновение и становление рассмотренной тенденции в целом определяется двумя факторами: 1) количественные отношения, лежащие в основе таких категорий, как число, вид или степень сравнения, столь универсальны и актуальны в повседневном употреблении, что языковое сознание особенно охотно связывает с ним (конечно, если соответствующие грамматические категории в языке уже существуют) формальные различия – независимо от того, какой была мотивация этих различий в предшествующую эпоху — и охотно генерализует эти формальные различия; 2) в условиях, когда флективный показатель связывается с комплексом значений, ударение (как и чередование) представляет собой важное средство, позволяющее выделить и эмфатически подчеркнуть (особенно в условиях устного обмена информацией) одно из них; так, употребляя одну из форм — с ударением на флексии или на основе в подвижной акцентной кривой (например, не *мéсто*, а *местá*), говорящий тем самым подчеркивает не падежное значение, а значение числа, ибо ударение в этой кривой, из-за противопоставленности парадигматического ряда ед. числа в целом по своей акцентуации парадигматическому ряду мн. числа связывается, в отличие от флексий, прежде всего со значением числа.

2. Сформулированный в Академической грамматике 1953 г. вывод, характеризующий ударение не только как дополнительное средство дифференциации форм ед. и мн. числа, но также и как дополнительное средство противопоставления «прямых падежей косвенным» (стр. 210), должен стать предметом серьезного обсуждения. Во-первых, из примеров, приводимых «Грамматикой» — *зýбы — зубóв*, *вóры — ворóв* (вин. мн. *зýбы — ворóв*), *стéпи — степéй* и, добавим, *лóшади — лошадéй* (вин. мн. *стéпи — лошадéй*), *гвóзди — гвоздéй* и, добавим, *кóни — конéй*,—видно, что речь

[13] Ср.: К. С. Горбачевич, Изменение норм русского литературного языка, Л., 1971, стр. 84. На связь этого противопоставления с аналогичными противопоставлениями у существительного (*стог — стогá*) указывал А. Б. Шапиро в ст. «Ударение в кратких прилагательных» («Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», 1, 1952).

[14] См.: J. Kuryłowicz, The inflectional categories..., стр. 34; ср.: W. Dressler, Studien zur verbalen Pluralität, Wien, 1968.

[15] См.: С. В. Бромлей, Место ударения в формах сравнительной степени, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», 8, 1955.

[16] См.: И. Ф. Шарловский, Русское слогоударение, Воронеж, 1883, стр. 3—5; его же, Русская просодия, Одесса, 1890, § 131.

идет не только о противопоставлении им. и вин. падежей косвенным, но и о противопоставлении им. падежа всем остальным. Во-вторых, из анализа примеров, приводимых «Грамматикой», может создаться впечатление, что рассматриваемая дифференциация ограничивается лишь формами мн. числа и отсутствует в ед. числе.

В «Грамматике», правда, указывается на единичные случаи подобной дифференциации, но непонятно, почему примеры *гвоздь* — *гвоздя́* рассматриваются как осуществляющие противопоставление с помощью ударения прямых и косвенных падежей (стр. 210), а примеры типа *бык* — *быка́* лишь как имеющие неподвижное ударение на окончании (стр. 192). С одной стороны, при более последовательном подходе такие примеры при рассмотрении данной тенденции можно было бы не принимать во внимание. Форма им. падежа *гвоздь*, как и *бык*, не имеет выраженного падежного окончания и потому имеет вынужденное ударение на основе, а такое ударение, в соответствии с ударением на флексии в формах с выраженным падежным окончанием, можно рассматривать как условное ударение на окончании (как это и делается в «Грамматике» 1970 г.) [17]. С другой стороны, не удовлетворяясь таким решением в плане семантического и исторического анализа, можно предложить и иную трактовку.

В самом деле, словоформам типа *бык* или *гвоздь* может быть условно приписано то же ударение, что и, например, в словоформах *быку́*, *гвоздю́*. Было ли, однако, исторически, на протяжении реального языкового развития в действительности представлено стремление к такому более простому осознанию семантики ударения модели или же, наоборот, это осознание было более сложным, и модель воспринималась как имеющая дополнительную семантическую нагрузку?

Если бы ударение в случаях типа *бык* осознавалось как неподвижное ударение на окончании и характеризовалось бы и с исторической, и с функционально-семантической точек зрения как акцентная кривая В (согласно терминологии «Грамматики» 1970 г.), то очевидно, что эта акцентная кривая существительных муж. рода пополнялась бы лишь за счет заимствованных и производных имен (что действительно имеет место у акцентной кривой В существительных жен. рода, ср. *бахча́*, *зурна́*, *кобза́*, *паранджа́*, *пиала́*, *сайга́*, *чалма́*, *чадра́* и т. д. или *квашня́*, *клешня́*, *ступня́*, *зуда́*, *раба́*, *хула́*, *хвала́* и т. д.). Такая кривая не могла бы пополняться за счет перераспределения непроизводных основ между акцентными кривыми [18] (из акцентной кривой В существительных жен. рода выпали многие имена, например, *беда*, *вина*, *война*, *жена* и т. д.; ср. также укр. *ча́лми*, *ча́дри* — ед. числа *чалма́*, *чадра́*, но ни одно существительное из других акцентных кривых не пополнило ее состав). Между тем, акцентная кривая В имен существительных муж. рода в действительности активно пополняется за счет других акцентных кривых.

Так, например, из акцентной кривой А (неподвижное ударение на основе) перешли в кривую В такие имена, как *жук*, *каба́н*, *кара́сь*, *кит*, *паж*, *штык* [19], весьма вероятно и *линь*, *грач*, *лунь*, из кривой С (неконечное ударение в ед. числе, конечное во мн. числе) или C_1 (неконечное ударение

---

[17] А. А. Зализняк, Ударение в современном русском склонении, «Р. яз. в нац. шк.», 1963, 2; его же, «Условное ударение» в русском словоизменении, ВЯ, 1964, 1.

[18] Опосредствованная аналогия основана на принципе максимальной дистанции. Ср.: Е. Курилович, О природе так называемых «аналогических» процессов, «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 98.

[19] Примеры взяты из работ: В. В. Колесов, История русского ударения, стр. 105, 110, 171; В. Р. Кипарский, О колебаниях ударения в русском литературном языке, Хельсинки, 1950, стр. 63—79 и 105.

в ед. числе, в им. и вин. падежах мн. числа, конечное ударение в остальных падежах), *ксёндз*, *прут*, *шнур*, *шут* и т. д.

В. Р. Кипарский приводит обширный список имен (главным образом одушевленных или названий орудий, инструментов), перешедших в акцентную кривую В. Материал В. Р. Кипарского в сравнительно-историческом плане не всегда безупречен [20], однако он наглядно показывает, что в противоборстве вариантов *мóржа* и *моржá*, *сúга* и *сигá*, *сóма* и *сомá*, *слóна* и *слонá* (ср. еще в Космографии: *слóнов* — 133, *слонóв*, *слонáми* — 205) (независимо от древности того или иного варианта), зафиксированном в расхождениях нормативных словарей конца XVIII — начала XIX в., победителем неизменно выходит вариант с ударением на флексии. Подобно аналогическим пропорциям *пчелá* — *пчелы* = *бедá*: *x*, откуда *x* = *бéды* вместо *беды́*, основанным на дополнительной дифференциации противопоставлений по числу, возникали и пропорции *бык*: *быкá* = *жук*: *x*, откуда *x* = *жукá* вместо *жýка* (ср. у Сумарокова: «Невежи — жýки вползли в науки.../ И выгнал он всех жýков вон»), основанные на дополнительной дифференциации противопоставлений субъекта и объекта (так же: *кол* : *колá* = *штык* : *x*, откуда *штыкá* вместо *шты́ка*). Но если такой процесс имел место, то это означает, что формы *бык* (как и *жук*), *кол* (как и *штык*) воспринимались как ударяемые на основе.

Итак, можно сказать, что примерами, иллюстрирующими в ед. числе противопоставление им. падежа вин. падежу и косвенным, у одушевленных имен могут быть не только случаи типа *конь* — *коня́* — *кóни* — *конéй* (акцентная кривая B_1, согласно Грамматике 1970 г.), но и случаи типа *бык* — *быкá* — *быкú*, — *быкóв* (акцентная кривая В); у неодушевленных такими примерами могут быть не только противопоставления *гвоздь* — *гвоздя́*, *гвóзди* — *гвоздéй* (акцентная кривая B_1), но и *штык* — *штыкá* — *штыкú* — *штыкóв* (акцентная кривая В).

Ударение дифференцирует именно форму им. падежа (указание на субъект действия при глаголе в действительном залоге) и вин. и косвенных падежей (указание на объекты действия при глаголе в действительном залоге); при этом такое противопоставление находит полное выражение лишь у одушевленных имен, противопоставление же форм вин. и косвенных падежей у неодушевленных имен обусловлено совпадением вин. и мн. падежей. В пользу такой трактовки говорит ряд соображений не только структурного, но и семантического и исторического плана:

1. Пополнение акцентной кривой В у имен муж. рода происходит в основном за счет одушевленных существительных, ср. например, в отдельных северновеликорусских говорах, а особенно в южновеликорусских, где акцентная кривая В представлена шире, чем в литературном языке: *волкá*, *ворá*, *гуся́*, *медведя́* и даже *оленя́* и *зверя́* [21].

2. Там, где развитие и становление категории одушевленности проходит позже (украинский и белорусский) [22], акцентная криая В несколько менее продуктивна [ср. белорусск. *сóма вýжа* и *вужá*, *лýня*; укр. *сóма*, *вýжа* (и *вужá*), *лýня* и т. д.].

3. Акцентные отношения, подобные кривой В муж. рода с противопоставлением (хотя бы и вынужденным) им. падежа всем остальным, присущи в ед. числе только 1-му субстантивному склонению имен муж. рода

---

[20] См.: В. А. Дыбо, [рец. на кн.:] V. Kiparsky, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», 41, 1964, стр. 82—83.

[21] См.: С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, ч. 1, Л., 1927, стр. 246—247.

[22] См., например: Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972, стр. 403—404.

(по Грамматике 1970 г.), т. е. известны только там, где оформляется категория одушевленности (речь здесь идет лишь о ед. числе).

4. Противопоставление вин. падежа косвенным (когда он отличается от им. падежа) в истории языка обнаруживает непродуктивность; ср., например, устранение акцентных отношений типа *игла́*, *иглы́* (род. падеж), *и́глу* и замена их отношениями *игла́ — иглы́ — иглу́*, что свидетельствуется десятками случаев: *блоху*, *весну*, *версту*, *волну*, *гряду*, *звезду*, *золу*, *иглу*, *козу*, *овцу*, *росу*, *семью*, *свинью*, *слезу*, *смолу*, *соху*, *срелу*, *строку*, *железу*, *сковороду* и т. д.

Третьим важным возражением не только против формулировки, данной в приведенной в начале раздела, но и против той ее интерпретации, которая дана выше, может быть следующее.

Если ударение, как это утверждается в Грамматике 1953 г., действительно является живым и продуктивным средством дифференциации форм им. и косвенных падежей, то чем в таком случае объясняется массовый переход от акцентуации типа *зве́зды — звезда́ми* (очень старые акцентные отношения) или *же́ны — жена́ми* (более новые отношения) (ср. у В. Майкова: «Послушай, бедный Мом, ты слова моего,/мужья жена́м своим послушны для того/... то правда иногда и же́ны пред мужьями...»; или в Уложении: «А за повторные приводы... пороти Ноздри и но́сы резати»,336 об.) к акцентуации типа *звёзды— звёздами*, *жёны — жёнами* у имен существительных жен. рода второго субстантивного склонения (согласно Грамматике 1970 г.) или переход от ударения типа *до́мы — домо́в* (только ли здесь дело в появлении новой флексии?) или *но́сы — носо́в* к ударениям *дома́ — домо́в* и *носы́ — носо́в* у существительных муж. рода твердого варианта первого субстантивного склонения? Почему, как об этом свидетельствует история языка, противопоставление им. падежа косвенным в этих склонениях не только не расширилось, но и стало непродуктивным, сохраняясь лишь в изолированных семантических группах вроде *гу́бы*, *-а́м*, *но́ги*, *-а́м*, *ру́ки*, *-а́м*, *ще́ки*, *-а́м*, *се́рьги*, *-а́м*, или *сле́зы*, *-а́м*, *со́пли*, *-я́м*, *стро́ки*, *-а́м*, или *зу́бы*, *-а́м*, *во́лосы*, *-а́м* и т. д.?

Академическая грамматика 1953 г. дает удовлетворительный ответ на этот вопрос, указывая, что ударение в имени используется как средство дифференциации мн. и ед. числа, как средство противопоставления мн. числа ед. числу. Там, где более сильная тенденция сталкивается с менее сильной [23], она, естественно, выходит победителем, и можно было бы сформулировать общее правило: косвенные падежи и вин. падеж противопоставляются им. падежу во мн. числе в том случае, если при этом не нарушаются представленные в акцентных моделях данного склонения или его варианта (мягкого, твердого) противопоставления форм мн. числа им. падежу ед. числа. По той же причине и им. пад еж мн. числа, противопоставляясь им. падежу ед. числа, не сохраняет своей акцентуации, даже если она противопоставлена акцентуации косвенных падежей и вин. падежа мн. числа. Именно так следует понимать замену акцентных отношений *звезда́ — зве́зду — звёзды — звезда́ми* (акцентная кривая B_1) отношениями *звезда́ — звёзды — звёздами* (кривая D) или отношения *дом — до́му — до́мы — домо́в* (кривая C_1) отношениями *дом — до́му — дома́ — домо́в* (кривая C).

---

[23] Категория падежа как синтаксическая категория в меньшей мере способна мотивировать своей семантикой формальные различия, чем категория числа; ср. противопоставление коннекторных и десигнаторных категорий у Р. Якобсона (R. Jakobson, Shifters verbal categories and the Russian verb, Harvard University, 1957, стр. 3—4); падеж — по преимуществу коннекторная, а число — десигнаторная категория.

В акцентной кривой C_1 у имен жен. рода третьего субстантивного склонения (где нет образца с полным противопоставлением ед.— мн. числа, т. е. акцентных кривых C или D, и за отсутствием кривой B затруднены условия их образования), однако, расширение противопоставления им. падежа вин. падежу и косвенным падежам вполне возможно, что подтверждается переходом из акцентной кривой A в C_1 таких имен, как *мать*, *мышь*, *снасть* (ср. старую акцентуацию *ма́терей*, *мы́шей*, *сна́стей* [24]) и под.

Столкновение двух тенденций, впрочем, не всегда заканчивается победой более сильной. Характерно, что мягкий вариант 1-го субстантивного склонения у имен муж. рода сохраняет и расширяет акцентную кривую C_1 (хотя на базе акцентной кривой B или A или C_1 в мягком варианте могла бы выработаться и акцентная кривая C). В состав кривой C_1 входит много одушевленных имен: *голубь*, *гость*, *гусь*, *зверь*, *лекарь*, *лось*, *окунь*, *омуль*, *парень*, *соболь*, и она может пополняться за счет кривой A, ср., например, *камне́й*, *медведе́й* (допустимо согласно «Грамматике» 1970 г.), *омуле́й*, *окуне́й* вместо более старых *ка́мней*, *медве́дей* и т. д.

Важно отметить, что в мягком варианте первого субстантивного склонения у имен муж. рода возникла совершенно новая акцентная кривая, полностью реализующая противопоставление им. падежа косвенным и вин. падежу как в ед., так и во мн. числе (кривая B_1). Это акцентные отношения *конь — коня́*, *ко́ни — коне́й* (аналогично: *гвоздя́*, *червя́*, *груздя́*), сложившиеся в русском литературном языке лишь в начале XX в.

Итак, общий вывод: ударение выступает как дополнительное средство дифференциации форм именительного и неименительного падежей в ед. числе, а во мн. числе выполняет ту же функцию, но с ограничениями, обусловленными противопоставлением мн. числа ед. числу.

3. В форме имени при глаголе-сказуемом, выраженном формой действительного залога, ударение выступает как дополнительное средство, дифференцирующее субъект и объект благодаря его переносу на флексию в объектных формах; при глаголе же в форме страдательного залога указание об объектном значении содержится в форме самого глагола, точнее в форме страдательного причастия. Личные формы не используются здесь потому, что обычно частица *-ся* придает таким формам либо возвратное (не страдательное) значение — у глаголов совершенного вида [25], либо возвратно-страдательное значение — у глаголов несовершенного вида [26], ограничивающее четкое разграничение объекта и субъекта (ср. *винт повернулся*: *винт поворачивается движением отвертки*). Глаголы несовершенного вида, с точки зрения своих собственно морфологических возможностей, вообще менее приспособлены к достаточно четкому выражению страдательных значений (образование страдательных причастий настоящего времени, например, малопродуктивно) [27]. Страдательное значение в морфологическом плане может быть наиболее отчетливо выражено в основном лишь в прошедшем времени, причем именно формой страдательного причастия; понятно поэтому, почему дифференциация объектных и необъектных значений с помощью дополнительного средства — ударения сложилась в прошедшем времени.

Ударение на корне или приставке в страдательном причастии как указатель того, что имя, согласуемое с данным причастием в числе (также и падеже), является объектом, противопоставляется ударению на суф-

---

[24] В. В. Колесов, указ. соч., стр. 71, 103, 171, 190.

[25] А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, Л., 1967, стр. 151.

[26] В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 632—633; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, М., 1941, стр. 193.

[27] Ср.: Г. М. Милейковская, Из истории срадательных причастий с суффиксом *-м-* в русском языке, ФН, 1963, 3, стр. 24—26.

фиксе в действительном причастии или в другой глагольной форме действительного залога, согласованной с именем и способной показывать, что это имя является субъектом (ср.: *винты завинчены слесарем*; *слесарь завинтил винты*; *слесарь, завинтивший винты*; *урожай собран колхозниками*; *колхозники собрали урожай*; *колхозники, собравшие урожай*).

Противопоставление страдательных причастий по месту ударения другим формам прошедшего времени распространено очень широко и охватывает оба спряжения: *узнанный — узнал — узнавший, прочитанный — прочитал — прочитавший, нарисованный — нарисовал — нарисовавший, развёрнутый — развернул — развернувший, согнутый — согнул — согнувший, убранный — убрал — убравший, написанный — написал — написавший; ввинченный — ввинтил — ввинтивший, заданный — задавил — задавивший, напоенный — напоил — напоивший, рассмотренный — рассмотрел — рассмотревший* и т. д.

Исследователи, характеризуя ударение страдательных причастий, указывают, что место ударения у них в ряде случаев зависит от места ударения в форме не прошедшего, а настоящего времени. Это бесспорно [28]. Однако зависимость здесь не семантического, а чисто структурного, формального порядка, ибо она распространяется только на глаголы II акцентологического класса. Если бы выбор места ударения в страдательном причастии был семантически обусловлен местом ударения в формах настоящего времени (ср. *пишешь — писанный, вяжешь — вязанный, давишь — давленный, пилишь — пиленный* и т. д.), то осталось бы неясным по каким причинам сохраняется ударение в таких обособленных в акцентном отношении формах, как, например, *читанный* (ср. *читаю, читавший* и т. д.). Если структура основы старадательного причастия и основы настоящего времени здесь и не тождественна (как у глаголов II акцентологического класса), то она во всяком случае и не столь различна в акцентологическом плане, чтобы препятствовать индукции форм настоящего времени на страдательное причастие; этого не происходит по причине акцентного «отталкивания» страдательного причастия от форм прошедшего времени.

В истории языка различия в выборе места ударения в страдательном причастии и в формах прошедшего времени действительного залога никогда не устранялись в результате акцентных сдвигов. Напротив, эти сдвиги обычно были направлены таким образом, что вели к расширению указанного акцентного противопоставления (ср. Триодь Постная, 245 — *познанъ*; Учение, 10 об. — *познанъ* и т. п. при современном *познан*. В отличие от изменений типа *изучены* — Учение, 220 об., *розпущены* — Учение 26 при современных *изучены, распущены* эти факты не могут быть объяснены акцентологическим воздействием форм презенса. Из новых материалов см. работы И. Э. Еселевич). Весьма характерна с синхронной и исторической точек зрения полная акцентная независимость форм страдательных причастий от форм инфинитива, с которыми они структурно тождественны в ряде случаев.

К сказанному следует добавить, что у глаголов II акцентологического класса акцентные сдвиги в настоящем и простом будущем хотя и параллельны, но далеко не всегда тождественны, ср.: *завинченный*, но *завинтишь, разгромленный*, но *разгромишь*; *крещённый*, но *крестишь, заменённый*, но *заменишь*. В связи со сказанным следует отметить и такие нарушающие норму «новообразования», как *приведенный, привнесенный* и т. д., отмеченные в «Русском литературном ударении и произношении» (М., 1955).

---

[28] См.: А. Б. Шапиро, Об ударении в страдательных причастиях, «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка [АН СССР]», 2, 1948, стр. 102.

Образования *приве́дений*, *пе́чений* узаконены в украинском и в белорусском.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Семантические функции ударения как дополнительного средства дифференциации грамматических форм поддаются систематизации. Это — количественные отношения с противопоставлением по числу, виду, степени и субъектно-объектные отношения с противопоставлением объекта субъекту. Они должны изучаться и учитываться при оценке и прогнозировании литературных норм [29].

---

[29] Ряд важных соображений, касающихся оценки норм, высказаны А. А. Еськовой в статье «О принципах составления русского нормативного словаря орфоэпического типа», ВЯ, 1972, 3, стр. 127, 130 и 133.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

В. Н. ТЕПЛОВА

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ЗАПАДНЫМИ И СЕВЕРНЫМИ ГОВОРАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В последнее время в результате анализа данных лингвистической географии неоднократно подчеркивалось наличие на территории распространения говоров русского языка в Европейской части СССР ареалов языковых явлений, очертания которых, с разной последовательностью охватывая говоры северного наречия, одновременно характерны и для западных говоров русского языка. Обычно ареалы подобных явлений за пределами русского языка известны также говорам белорусского и украинского языков, а иногда и этим языкам в целом. Явления, имеющие подобное распространение, весьма важны для изучения генезиса соответствующих диалектных объединений [1].

Характерно, что интенсивность явлений западно-северного распространения как в пределах русского языка, так и за его пределами (в украинском и белорусском языках) может быть различной. Одни из них, как, например, употребление твердых губных в соответствии с мягкими губными на конце слова, сплошь или почти сплошь представлены на всей западно-северной территории говоров русского языка и в говорах белорусского и украинского языков. Для других характерен разрыв целостного ареала и как бы распадение его на западный и северный ареалы, между которыми на северо-западной части территории (в псковских и новгородских, а иногда и ладого-тихвинских говорах) явление отмечается лишь в отдельных населенных пунктах либо в небольших островках говоров.

Для того чтобы подобные прерывные в своем распространении явления могли быть причислены к западно-северным и соответственно использованы при установлении связей между северными и западными говорами русского языка и говорами других восточнославянских языков, необходим тщательный анализ закономерностей существования каждого из таких явлений как в пределах крупных ареалов, так и, особенно, на территории их рассеянного распространения.

В настоящей статье рассматривается чередование *л* (или *l*) с ў (w) в западных говорах русского языка [2].

О чередовании *л* (*l*) с *ў* (*w*) и его закономерностях до последнего времени не было достаточно определенных данных; в некоторых работах вообще отрицается наличие данного явления в пределах говоров русского

---

[1] См., например: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», М., 1970, стр. 200, 203; В. Г. Орлова, О некоторых связях между диалектами восточнославянских языков, в кн.: «Проблемы истории и диалектологии славянских языков (к 70-летию В. И. Борковского)», М., 1970, стр. 208.

[2] О распространении его в северных говорах см.: В. Н. Теплова, Звуки [*л*], [*l*], [*ў*] на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров, сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967. Исследование строится на материалах диалектологических атласов русского языка, хранящихся в Институте русского языка АН СССР.

языка [3] или дается неправильная его характеристика для белорусского языка [4]. Лишь материалы диалектологических атласов позволили точно установить распространение в говорах чередования *л* с *ў*(*w*).

Это явление представлено на территории Европейской части СССР прежде всего двумя самостоятельными ареалами: западным и северо-восточным при наличии между ними характерной зоны рассеянного распространения данного явления или отдельных его реликтов. Западный ареал занимает территорию западных и юго-западных говоров русского языка, расположенную в пограничной зоне с Белорусской ССР. К северу и северо-востоку от него данное явление отмечено в разрозненных пунктах и небольших «островках» говоров. В северо-восточном ареале чередование *л* с *ў* (наиболее распространенным видом здесь является чередование *l* с *ў*) распространено на обширной территории, охватывающей целиком Вологодскую группу, северную часть Костромской, юг Лачской и север Белозерской подгруппы, а также юго-западную часть Онежской подгруппы северного наречия.

Таблица 1

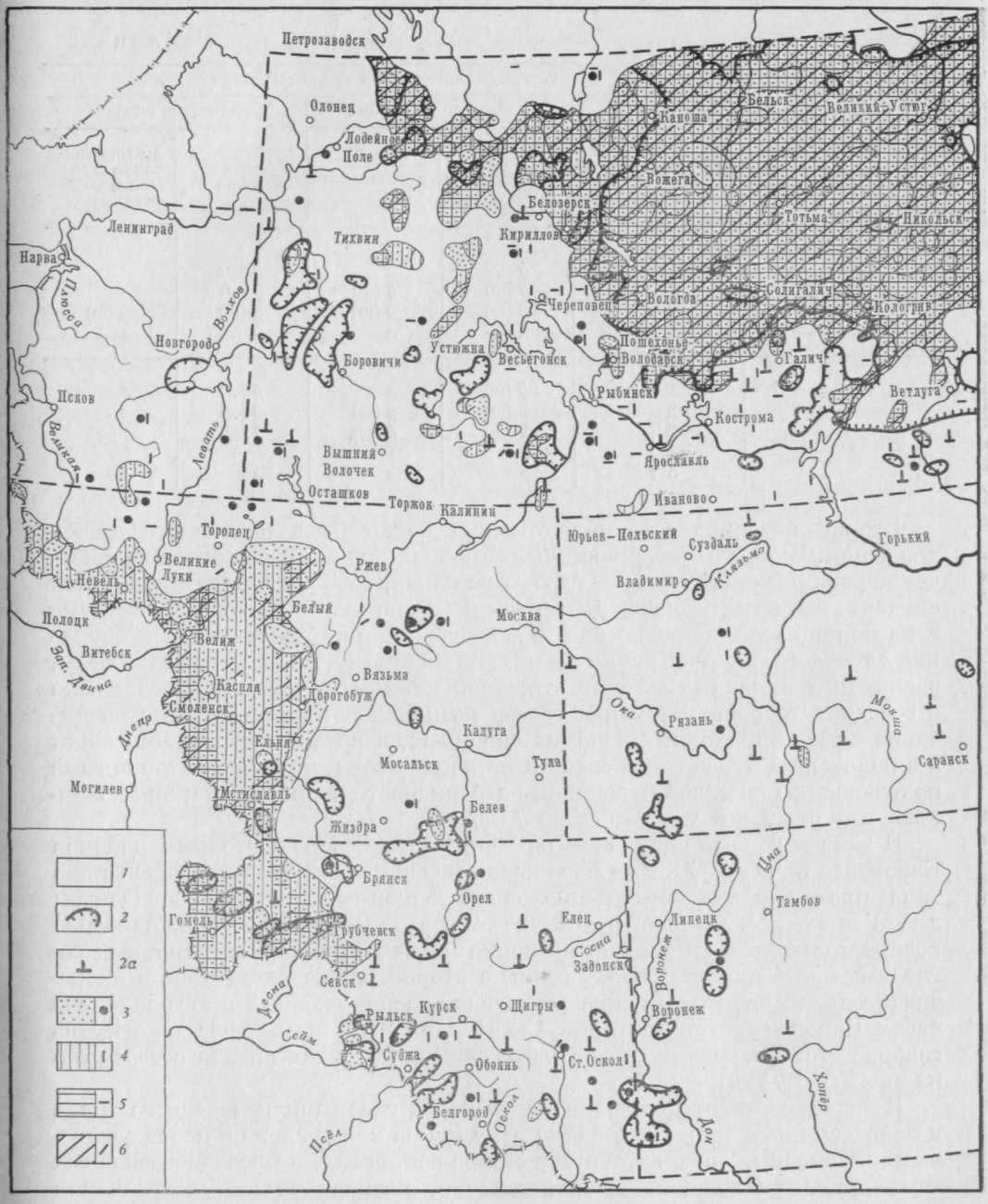
Типы различия перед гласными	Разновидности внутри типов различия	
	перед гласными непереднего ряда	перед согласными на конце слова
I тип *л'* — *л*	1 *л* 2 *л*	*ў* (*w*) *л*
II тип *л* — *l*	1 *l* 2 *l* 3 *l*	*ў* (*w*) *l* *л*

Для изучения интересующего нас явления в западных говорах интересно сравнить их данные с данными северо-восточного ареала. Напомним в общем виде, что в говорах северо-восточного ареала в положении перед гласными выделяются два типа различий в функционировании смычно-проходных боковых сонорных. Различение *л* — *л'* характерно для первого типа; различение *l* и *л'* наблюдается во втором. Первый тип известен небольшому числу говоров данного ареала: [л]*áмпа* —[л']*áмка*; [л]*ук* — [л']*ук*; *пó*]л]*ог* — *пó*[л']*ет*; [л]*ы́ко* — [л']*и́хо*. Различение *l* и *л'*, характерное для второго типа, представлено в абсолютном большинстве северо-восточных говоров: [l]*áмпа* — [л']*áмка*; [l]*ук* — [л']*ук*; *по*[l]*ы́* — *по*[л']*и́*; [l]*óдка* — [л']*од*. И в том, и в другом типе в положении перед согласными и на конце слова в говорах северо-востока представлено чередование *л* или *l* с губно-губным *w* или *ў*. При этом употребление звука *ў* (*w*) на месте *л* или *l* в этих положениях не связано в северо-восточных говорах ни с какими дополнительными условиями морфологического или лексического характера, оно имеет собственно фонетический характер: *да*[л]*á* — *да*[l]*á*: *да*[ў]; *сто*[л]*á* — *сто*[l]*á* : *сто*[ў]; *пá*[л]*ок* — *пá*[l]*ок*: *пá*[ў]*ка* (на месте сочетания плавного с редуцированным), а также *во*[ў]*к*, *тó*[ў]*стый* (на месте сочетания редуцированного с плавным). По характеру реализации смычно-проходного *л* перед согласным и на конце слова в пределах двух основных типов выделяется несколько разновидностей (см. табл. 1).

---

[3] См., например: «Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков», Одесса, 1958, стр. 78.

[4] Ср.: «Последовательно /ł/ в конце слога переходит в / ц̯ / в белорусском языке» (С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1961, стр. 301).



Карта. Звуки [l] и [ў] на месте этимологического *л* твердого в русских говорах на территории Европейской части СССР: 1 — [л] во всех позициях; 2 — [l] перед гласными непереднего ряда; 2а — то же в единичных населенных пунктах;

[ў] на месте *л* в следующих лексико-морфологических категориях: 3 — *пошоў*; 4 — *воўк*; 5 — *паўка*; 6 — *стоў*

Таблица 2

Типы различия перед гласными	Разновидности внутри типов различия				
	перед гласными непереднего ряда	перед согласными		на конце слова	
		в словах с сочетанием * *lъlt*	в словах с сочетанием * *lъt*	в формах глаголов	в существительных и прилагательных
I тип *л'* — *л*	1 *л*	*ў* (*w*)	*л*	*ў* (*w*)	*л*
	2 *л*	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)	*л*
	3 *л*	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)
	4 *л*	*л*	*л*	*л*	*л*
II тип *л'* — *l*	1 *l*	*ў* (*w*)	*л*	*ў* (*w*)	*л*
	2 *l*	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)	*л*
	3 *l*	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)	*ў* (*w*)
	4 *l*	*l*	*l*	*l*	*l*
	5 *l*	*л*	*л*	*л*	*л*

Вторая разновидность первого типа может быть различного происхождения. В одних северо-восточных говорах она является более древней, чем первая разновидность; — здесь *л* не изменилось в *ў* (*w*) [5]. Однако в тех случаях, где, наряду с употреблением *ў* (*w*), на месте *л* перед согласными и на конце слова спорадически, непоследовательно наблюдается и звучание *л* твердого, наличие звука *л* в них, по-видимому, является вторичным, возникшим в данных говорах уже под влиянием литературного языка и соседних говоров. Вторая и третья разновидности второго типа различения смычно-проходных боковых сонорных, в которых отмечается *l* или *л* в положении перед согласными и на конце слова, являются вторичными по отношению к первой (основной) разновидности второго типа; они возникают при отходе от употребления *ў* (*w*) [6].

В западных говорах, как и на территории северо-восточных районов Европейской части СССР, в положении перед гласными представлены два типа произношения смычно-проходных боковых сонорных согласных: *л* — *л'* и *l* — *л'* [7]. Однако, в отличие от говоров северо-востока, наиболее распространенным типом употребления смычно-проходных сонорных согласных здесь является первый тип, а второй наблюдается лишь в их незначительной части, а именно в говорах, расположенных в юго-западной части Европейской территории СССР. При этом небольшое количество говоров этой разновидности сосредоточено в пределах ареала с чередованием *л* (*l*) с *ў* (*w*).

В зависимости от произношения *л* перед гласными непереднего ряда и благодаря наличию чередования *л* с *ў* (*w*) на конце слова и перед согласными в западных говорах, как и в северо-восточных, в пределах основных двух типов различения выявляется ряд разновидностей употребления смычно-проходных (см. табл. 2).

Различия между западными и северо-восточными говорами не носят принципиального характера и заключаются в том, что в западных говорах

[5] См.: Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949, стр. 170 (далее — «Очерки»), а также П. С. Кузнецов, Русская диалектология, 3-е изд., М., 1960, стр. 83.

[6] Р. И. Аванесов пишет: «... первоначально произошло изменение в определенных условиях твердого *л* в *ў*, *w*, а затем уже твердое *л* в тех положениях, в которых оно не изменялось в *ў*, *w*, заменилось „средним“ *l*» («Очерки», стр. 170).

[7] Исследование лингвистических данных показало, что на реализации явления чередования *л* с *ў* никаким образом не отражается характер образования звука (*л* или *l*).

широко представлена особая разновидность первого типа употребления смычно-проходных согласных, при которой произношение *ў* (*w*) в соответствии с *л* не носит характера закономерного фонетического чередования, но наблюдается в ограниченных категориях форм или слов, т. е. связано с условиями морфолого-лексического характера: а) в середине слова произношение *ў* (*w*) имеет место только в словах со старыми сочетаниями редуцированного с плавным — как при отсутствии в современных говорах условий для чередования с *л* (*воўк*), так и при наличии его (*поўный*, ср. *пóлон*), но *ў* (*w*) отсутствует в существительных с утраченным редуцированным (типа *пáлка*); б) на конце слова *ў* (*w*) произносится в формах глаголов прошедшего времени муж. рода ед. числа (типа *пошó*[ў], а также и в возвратных формах типа *боя́*[ў]*ся*), но отсутствует на конце существительных (типа *стол*), в формах род. падежа мн. числа (типа *пчел*) и кратких прилагательных (типа *мал*) [8].

Проиллюстрируем сказанное на примере двух говоров, расположенных в разных частях западного ареала употребления *ў* (*w*) на месте *л*, н. п. 319 (V т.)[9] — д. Самсонцы Руднянского р-на Смоленской обл.: *л'уб'úў*, *л'ýднъ*, *л'éтъ*, *хл'еп*, *пыл'*; *лáўка*, *н'алóўкъ*, *пáлък*, *лысъй*; *воўк*, *стоўп*, *жаўтóк*, *вóўнъ*, *жоўтъй*, *шаўкóвъйъ*, *шоўк*, *маўчыт'*, *туўстáйъ*, *пóўнъйъ*, *дóў'hъ*, *волк*, *калхóс*, но *бéлкъ*, *пáлкъ*, *иhóлкъ*, *в пáлк'и*; *быў*, *в'úд'иў*, *хад'úў*, *пръпáў*, *пъхáў*, *падýмаў*, *пашóў*, *н'ач'ýў*; *нъч'áўс'ъ*, *рад'úўс'ъ*, *брáус'ъ*, *пр'ин'áўс'ъ* и т. п., но *пол*, *кол*, *пч'ол* [10]; п. 10 (БЮТ) — д. Федоровка Сурожского р-на Брянской обл.: *прал'úў*, *лаўл'ý*, *спл'óў*, *пал'áт'*; *зм'úлаваўс''а*, *в'úлок*, *лáўка*, *заплыў*; *воўк*, *жóўт'ин'к'ий*, *тóўстай*, *вóўна*, *дóўγа*, *пóўзаит'*, *вашк'и*, *паўпýда*, *паштарá*, *паўл'úтра*; но *пáлка*, *иγóлка*, *в'идэлка*, *в'úлк'и*; *паб'úў*, *даў*, *абб'úў*, *нашóу*, *пайéхъў*, *п'ир'ажыў*, *спл'оў*, *прап'úў*, *быў*, *враў*, *копáў*, *нан'áўс'а*, *прастуд'úўс'а*, *нэймáўс'ъ*, *мышс*"; но *стол*.

Говоры с первой наиболее характерной для запада разновидностью употребления *ў*(*w*) на месте *л* образуют сплошной ареал, занимающий целиком территорию Западной группы южного наречия. Лишь северная граница ареала проходит чуть южнее северной границы Западной группы. Северо-восточный угол данного ареала, а также небольшие его части на востоке оказываются в пределах Верхне-Днепровской группы южного наречия. В южной части западного ареала отдельные пограничные говоры с такой разновидностью находятся у западной границы Верхне-Деснинской группы.

За пределами описанного ареала данная разновидность употребления смычно-проходных боковых согласных встречается в немногочисленных говорах как в непосредственной близости от него, так и в значительном удалении от западного ареала. Так, вблизи от ареала такая разновидность отмечена в говорах (как в отдельных, так и в образующих небольшие островки), расположенных к северу от него — на юге Псковской обл.;

---

[8] Такая же разновидность употребления *ў* на месте *л* характерна и для белорусского языка (см.: Е. Ф. Карский, Белорусы, 1, М., 1955, стр. 318, 319). Современные данные показывают, что названная разновидность употребления *ў* известна почти всем говорам белорусского языка, кроме некоторых говоров южной части Брестской обл. (см.: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», Мінск, 1964, стр. 138; «Дыялекталагічны Атлас беларускай мовы», Мінск, 1963, карта 40). Подобная картина употребления *ў* (*w*) в соответствии с *л* наблюдается и в украинском языке (см.: Ф. П. Жилко, Нариси з діалектології української мови». Київ, 1955, стр. 40).

[9] Здесь и далее приняты следующие сокращения названий атласов: Vт. — «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы»; I т.— «Атлас русских народных говоров северо-западных областей РСФСР»; БСТ — «Атлас русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы»; БЮТ — «Атлас русских народных говоров центральных областей к югу от Москвы».

[10] Обычно при *l* и *ў* (*w*) в говорах употребляется и *л* в тех же позициях.

к юго-востоку и востоку от западного ареала она встречается лишь в немногих единичных населенных пунктах, причем два из них расположены на границе с Украиной.

В отдалении от него первая разновидность употребления *ў*(*w*) на месте *л* зафиксирована в говорах, представляющих небольшие островки, разбросанные на юго-западе от Рыбинского водохранилища на территории перерыва между западным и северо-восточным ареалами [11].

Описанную разновидность употребления *ў*(*w*) на месте *л* исследователи до сих пор считали распространенной исключительно в западных говорах русского языка и полностью для них характерной [12]. Однако современные данные свидетельствуют, что на фоне обычной, так сказать, классической для западных говоров разновидности употребления звука *ў*(*w*) на месте *л* в случаях типа *воўк* и на конце форм глаголов прошедшего времени ед. числа муж. рода (*пошоў*) в ряде современных говоров наблюдается и расширение сферы употребления *ў*(*w*) перед согласными — произношение его и в случаях типа *паўка*, как это имеет место, например, в говоре н. п. 519 (V т.) — д. Тишковка Монастырщинского р-на Смоленской обл.: *у пл'ен, у пл'ану́, палл'и́тра*; *хлóцк'ий, пам'óрлъ, мълады́й, на хлóт'и* и т. п.; *стоўб, мълча́ў*; *па́ўкъ*; *пр'ийе́хаў, быў, пашóў, кр'ич'е́ў, мълча́ў, иска́ў, к'и́нуў, забы́ў*.

Говоры с подобным расширением употребления *ў*(*w*) на месте *л* в пределах западного ареала далеко не единичны. На описанной выше территории их зафиксировано более тридцати, причем все они разбросаны в пределах ареала с более ограниченным употреблением *ў*(*w*) на месте *л*. Несколько большая сосредоточенность говоров с расширенным употреблением *ў*(*w*) в соответствии с *л* наблюдается на самой границе с Белоруссией, а также в южной части массива — на территории Брянской обл.

Вне пределов описанного ареала данная разновидность употребления *ў*(*w*) на месте *л* отмечена лишь в двух говорах, расположенных на территории Курской и Калужской обл.

Надо полагать, что расширение условий реализации чередования *л* с *ў*(*w*) на территории западного ареала [13], отмеченное более чем в тридцати говорах, нельзя считать случайностью. Это факт следует квалифицировать как тенденцию к расширению данного явления, в результате действия которой в ряде западных говоров последовательное произношение *ў*(*w*) вместо *л* встречается уже не только в положении перед согласными, но и на конце слова. В таких говорах *ў*(*w*) произносится не только в случаях типа: *пошó*[ў] и *во*[ў]*к*, но и в случаях типа *па́*[ў]*ка*, а также *сто*[ў], выступая тем самым в чередовании с *л*, т. е. в чередовании собственно фонетического характера; по существу такое употребление не отличается от соответствующей разновидности северо-восточных говоров. Ср., напри-

---

[11] Употребление *ў* (*w*) в соответствии с *л* в случаях типа *воўк* и *пошóў* наблюдается также в отдельных говорах и небольших их островках и вблизи северо-восточного ареала при наибольшей их сосредоточенности около Белого озера (см.: В. Н. Теплова, указ. соч., стр. 169).

[12] См., например: В. М. Попов, Замечания о северно-смоленских и ржевских говорах, ИОРЯС, XVIII, кн. 3, 1913, стр. 252; И. О. Кузьмин, Материалы для изучения говоров Велижского у., ИОРЯС, III, кн. 1, 1930, стр. 182; П. А. Расторгуев, Северско-белорусский говор, Л., 1927, стр. 61, 62 и др.

[13] Отдельные иллюстрации употребления *ў* (*w*) на месте *л* в случаях типа *па́ўка* и на конце существительных типа *стоў* в западных говорах, а также и в говорах белорусского и украинского языков, отмечались в ряде работ. См., например: П. А. Расторгуев, Говоры на территории Смоленщины, М., 1960, стр. 66; Е. Ф. Карский, Белорусы, 1, стр. 319, 320; Н. Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М.—Л., 1924, стр. 180; Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л. 1972, стр. 332; «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 138; «Нарысы па гісторыі беларускай мовы», Мінск, 1957, стр. 81.

мер, материал говора н.п. 283 (V т.) — д. Стайки (Черные Стайки) Невельского р-на Смоленской обл.: *л'ўпка, в'ис'ал'ітца, стр'ал'áў* и т. п.; *упáла, хад'ила, стáла, плóхъ, н'и былó; воўк, тóўстый, ў каўхóз'и; пáўкъй, иγóлкъ, кут'алкý, пъталк'ú, в'ас'óлкъ; зд'éлъў, быў, удрáў, пашóў, хат'éў, заб'úў, куп'úў, з'йеў; нап'úўс'а, жан'úлс'ъ; поў, стол, кол,* а также н.п. 137 (БЮТ) — д. Ущерпье Клинцовского р-на Брянской обл.: *пъ л'ашчý, л'ажáт', вýл'ица, кáпл'ам, л'от; хад'úла, бывáла, лáмпа, лáўка, прышлóс', з лык, палучы́ла, к сталý; воўк, дóўγа, жоўтый, пóўный; пáўка, иγóлка; знаў, сказáў, бывáў, хад'иў, п'иў, стайáў, быў, знал, сказáл, бывáл, хад'úл, п'ил, стайáл; коў, стол, кол.*

Важно подчеркнуть, что такая разновидность в пределах западного ареала свойственна не единичным говорам, но значительному их числу. Они не образуют определенного ареала, а расположены главным образом по окраинам ареала с лексико-морфологическим ограничением употребления *ў*(*w*) на месте *л*.

О наличии в ряде западных говоров русского языка чередования *л* с *ў*, имеющего неограниченный, а следовательно, фонетический характер, стало известно лишь недавно, благодаря обобщению материалов диалектологических атласов; впервые об этом достаточно определенно говорится в монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров»: «В таких говорах разновидность ⟨л⟩ (*w*) — [л'] освобождается от присущей ей ограниченности чередования, приобретающего таким образом фонетический характер» (стр. 51)[14].

Материалы атласов со всей очевидностью показали существование в ряде западных говоров русского языка тенденции к расширению сферы употребления *ў*(*w*) на месте *л*, благодаря которой в части этих говоров чередование *л* с *ў* приобрело, как и в северо-восточных говорах, фонетический характер. Действие этой тенденции к настоящему времени уже прекратилось.

Отсюда напрашивается предположение, что говоры с ограниченным употреблением *ў*(*w*) на месте *л* следует считать более древними по сравнению с теми, где чередование *л* с *ў* приближается к фонетическому или носит фонетический характер. Это подтверждается и расположением последних в пределах общего ареала интересующего нас явления: говоры с последовательным чередованием *л* с *ў*(*w*) находятся на периферии западного ареала. Косвенным доказательством именно такого пути развития явления чередования *л* с *ў* может служить наличие отдельных говоров с расширенным употреблением *ў*(*w*) на месте *л*, на территории между западным и северо-восточным ареалами (н. пп. 589, 676, 712 — БСТ, а также 214 — V т.). На этой территории разрыва между западным и северо-восточным ареалами подобные говоры распространены наряду с говорами, в которых представлено ограниченное в лексико-морфологическом отношении употребление *ў*(*w*) в соответствии с *л*.

Все это подтверждает мысль о том, что расширение сферы употребления *ў*(*w*) на месте *л* является новообразованием.

На территории западного ареала в его юго-западной части в небольшом количестве населенных пунктов представлен и второй тип употребления смычно-проходных боковых сонорных согласных с различением *l* и *л'*. По произношению *ў*(*w*) в конце слова и слога в пределах этого типа можно выделить те же разновидности, что и в пределах первого типа. Ограничен-

[14] В материалах атласов встречаются и такие ответы, в которых зафиксированы случаи с *ў* (*w*) типа *сто*[ў], но отсутствуют случаи типа *пáў*[ў]*ка* (в некоторых ответах дается *пáў*[л]*ка*, в других эти случаи не приводятся). Такие ответы следует все же считать указывающими на расширенное употребление *ў* (*w*) в соответствии с *л*. Соответствующие населенные пункты расположены также на периферии западного ареала.

ное употребление *ў*(*w*) на месте *л* проиллюстрируем данными говоров, н.п. 512 (V т.) — д. Давид-Дуброва Краснинского р-на Смоленской обл.: *нал'ўў*, *сп́л'óў*, *л'ад'ўна*, *хл'еп*; *пlóха*, *паб'ўla*, *ц̆éз'д'ula*, а также *плáкъў*, *з''д'éлаў*; *дóўγа*, *даўб'éшка*, *тóўстый*, *далбн'ў*; *стр'éлка*; *быў*, *зъплáкаў*, *плáкъў*, *зγар'éў*, *нъч'áў*, *пръдáў*, *бъйáус'а*; *пол*, *стол*, *кол*, а также н.п. 178 (БЮТ) — д. Бугаевка Погарского р-на Брянской обл.: *nalamáл'ис'*, *сул'ўл'ис*, *л'ахá*, *мълады́й л'ут*, *л'óтчык*; *нарвála*, *xalóдна*, *láдна*, *забы́lo*, *nalamáл'ис'*, *былó*, *γalyбóй* и т. п., а также *шаўкóвый*, *дóўγа*, *жаўт'éйа*; *нас'ўlк'и*, *ч'ап'óлка*, *в'илкъй*; *нал'ўў*, *разл'ивáў*, *адб'ўў*, *ушóў*, *пъс'ад'éў*, *падáў* ,*к'ўнуў* и т. п. Примеры на произношение *л* на конце существительных в ответе не приведены.

Говоров с такой разновидностью зафиксировано немного; рассеяны они главным образом в центральной (н.п. 512, 523, 533, 557, 690, 693 — V т.) и южной частях западного ареала (н. пп. 5, 6, 14, 145, 154, 155, 175, 178—181, 183, 184 — БЮТ) — на юге Смоленской и в Брянской обл.— на территории последней выделяется небольшой ареал на правом берегу р. Десны – юго-западнее города Трубчевска.

Единичны на территории западного ареала говоры, в которых при втором типе различения смычно-проходных согласных *ў* (*w*) на месте *л* на конце слога и слова употребляется в трех категориях: в конце глагольных форм прошедшего времени муж. рода ед. числа (*пошó*[ў]), в существительных типа *во*[ў]*к* и типа *пá*[ў]*ка*. Все они расположены на западе Брянской области. Ср., например, данные говора н. п. 149 (БЮТ) – д. Коробоничи Унечского р-на Брянской обл.: *л'убóў*, *л'ес*, *л'он л'ист*; *бувála*, *б'élый*, *xlóпч'ик*, а также *лáўка*, *лоγ*, *к сталý*, *мáлъ*; *ваўк'ý*, *н'а даўжны́*; *в'ўўка*, *иγóўка*, а также *поўд'ўжыны*; *хат'éў*, *сховáў*, *бáч'иў*, *укрáў*, *ч'итáў*, *быў*, *прыслáў*, *пр'ишóў*, *браў* (примеры с конечным *л* в существительных не приведены). И лишь в говоре одного н.п. (174 — БЮТ) — д. Михновка Погарского р-на Брянской обл. отмечена разновидность, в которой, при *l* перед гласными непереднего ряда, в положении конца слова и слога зафиксировано последовательное, без всякого ограничения употребление *ў*(*w*) на месте *л*.

За пределами описанного западного ареала при втором типе различения *l* и *л'* в единичных говорах встретились разновидности, отличающиеся от всех предыдущих отсутствием звука *ў*(*w*) в соответствии с *л*. Одна из таких разновидностей характеризуется последовательным употреблением *l* в соответствии с *л* во всех положениях. Три говора с данной разновидностью находятся в районе гг. Гагарин (б. Гжатск) и Сычевка (у восточной границы Верхне-Днепровской группы), два — в Калужской области. Характерно, что по соседству с данными говорами расположены говоры, которым свойственно спорадическое произношение *ў*(*w*) в той или иной категории. Следует подчеркнуть, что обычно наличие *l* здесь не бывает единственным видом произношения, наряду с ним выступает и *л*. Ср., например, материал н. п. 385 (V т.) – д. Ширяиха Тумановского р-на Смоленской обл.: *жал'éйу*,*парóл'и*, *нъл'ulá*, *къл'асó*, *ътл'итáит'*; *збуд'ўlъ*, *мála*, *мъladýх'и*, *п'ирсал'ўla*, *clóмъный* и т. п., но *пълазóк*, *малбд'ин'куйу*, *р'ашы́лъс'*, *лъшад'á*, *пъласá*, *плух* и т. п.; *ўз'ál*, *пр'ин'ál*, *вы́п'el*, *быl*, *хад'ўl*, *плыл*, *пахáл*, *пасп'éл*, *в'ўд'ъл*; *къраму́сл*, *атвáл*, *скъндál*, *с'ul*; *буты́lку*, *жólт'ин'къй*, *б'éлкъ*, *пáлкъ*.

Другая разновидность характеризуется употреблением звука *l* только перед гласными непереднего ряда, при произношении *л* во всех остальных случаях. В непосредственной близости от западного ареала такие говоры единичны. К юго-востоку от него они разбросаны на территории Орловской, Курской и на западе Воронежской обл., причем на территории двух последних такие говоры обычно перемежаются с говорами, где зафиксированы единичные примеры с *ў*(*w*) на месте *л*.

Итак, анализ случаев произношения *ў*(*w*) в соответствии с *л* в современных западных говорах русского языка показывает, что существующее в большинстве из них ограничение данного употребления условиями морфолого-лексического характера свойственно не всем западным говорам. В значительной их части подобная ограниченность устранена и употребление *ў*(*w*) приобретает характер фонетического чередования, как в говорах северо-востока. Современный разрыв ареала этого явления на северо-западе можно признать вторичным, так как в тех отдельных псковских и новгородских или ладого-тихвинских говорах, где это явление встречается, оно соответствует тем же закономерностям употребления смычно-проходных боковых согласных и тем же типам и разновидностям этого употребления, какие были описаны применительно к западным говорам.

Проиллюстрируем это материалом говоров, расположенных на территории разрыва между западным и северо-восточным ареалами с различными разновидностями употребления смычно-проходных боковых согласных: н.п. 229 (I т.) — д. Палкино Ашевского р-на Псковской обл.: *лист*, *ле́на*, *шл'а́па*; *ходи́ла*, *столы́*, *хо́лот*; *вовк*, *воўк*, *волк*, *до́лго*; *га́лка*; *знав*, *ходи́в*, *пив*, *сказа́в*, *быва́ў*; *быва́л*, *ходи́л*, *знал*, *сказа́л*, *пил*; *стол*, *кол*, *пол*; или н.п. 525 (БСТ) — д. Кузнецово Демянского р-на Новгородской обл.: *повл'и́тра*, *кол'е́нко*; *молоко*, *пла́кат'* и т. п. ; *бавда́*, *по́ўной*, *бовта́ўсы*, *шоўко́ф*, *натоўку́т*, *повл'и́тра*, *толста́*, *полтора́*, *толста́*; *буты́ўку*, *с кот'еўка́м*, *коўхо́зный*; *збунтова́ўс'э*, *сорва́лс'э*; *враў*, *п'эў*, *торгова́ў*, *пр'ийе́хаў*, *дойэ́хаў*, *спрос'и́ў*, *быў*; *нап'ил'и́л*, *отс'ид'э́л*, *нам'эн'а́л'*, *куп'и́л*, *мыл*, *ко́нч'ил*; *пол*, *ф подва́л*; н.п. 652 (БСТ) — д. Поцепы Кесовогорского р-на Калининской обл. с употреблением *ў*(*w*) на месте *л* во всех положениях: *пл'и́тка*, *л'он*, *сл'а́кот'*; *ла́па*, *ло́м*, *хлы́нут'*, *полу́ч'ит'*; *на го́вбцу*, *боўту́шка*, *до́вга*, *повно́*, *товкну́в*, *жо́ўтыйе*, *по́лно*, *го́лб'ец*; *сушы́вка*, *молот'и́вка*, *буты́вку*, *п'е́т'еўк'и*, *м'е́ўкайа* и т. п., *пожа́ловавс'а*, *му́ч'ивс'а* т. п.; *д'оржа́в*, *н'е зна́в*, *сказа́в*, *пос'агну́в*, *йе́з'д'ив*, *сд'е́лаў*, *воз'и́ў* и т. д., *пр'ийе́хал*, *по́жыл* и т. п.; *пов*, *сканда́в*, *стов*.

На указанной территории (в разрыве между ареалами) значительно больше говоров, где явление чередования *л* с *ў* сохранилось лишь как реликтовое в отдельных примерах или категориях. Важно заметить, что на территории, близкой к ареалам или примыкающей непосредственно к ним, сохранение *ў*(*w*) на месте *л* обычно представлено примерами лишь одной категории: чаще всего это формы глаголов прошедшего времени ед. числа муж. рода (*пошо́*[ў]), несколько реже — случаи типа *во*[ў]*к*. Единичны говоры с сохранением *ў*(*w*) только в существительных типах *па́*[ў]*ка* (н.п. 62 — V т.; 697, 702, 1121 — БСТ), один раз (н.п. 378 — V т.) — в случаях типа *по́*[ў].

Что касается более удаленных от ареалов говоров, то сохранение явления изменения *л* в *ў*(*w*) в них, как правило, представлено примерами не одной, а чаще всего двух из перечисленных выше категорий, причем в разных говорах в различном их сочетании. Последнее прежде всего характерно для говоров, образующих небольшие островки с употреблением *ў*(*w*) на месте *л*.

По-видимому, во всех этих случаях обычно мы имеем дело с отражением различных путей отхода от употребления *ў*(*w*) как в говорах, расположенных в непосредственной близости от ареалов, так и в значительном удалении от них.

Однако употребление *ў*(*w*) на месте *л*, ограниченное только случаями типа *во*[ў]*к* и *пошо*[ў], следует интерпретировать по-разному. В говорах, удаленных от северо-восточного ареала (и близко к западному), наличие *ў*(*w*) в этих случаях следует рассматривать как сохранение древней разновидности употребления *ў*(*w*), свойственное западным и юго-западным говорам

русского языка. В говорах, расположенных ближе к северо-восточному ареалу, по-видимому, мы имеем дело с реликтами явления фонетического чередования *л* с *ў*(*w*), характерного для их абсолютного большинства.

Наличие такого рода данных и изучение процессов, происходящих в западных говорах, дает право говорить об отсутствии принципиальной разницы между западными и северо-восточными говорами по употреблению *ў*(*w*) в соответствии с *л*(*l*). Разница эта состоит лишь в том, что чередование *л* с *ў*(*w*), носящее фонетический характер, свойственно подавляющему большинству говоров северо-восточного ареала, в то время как на территории западного ареала оно представлено лишь в периферийных говорах. Все это позволяет рассматривать самую возможность чередования *л* (*l*) с *ў*(*w*) как генетически единое явление белорусского и украинского языков, а также первоначально всех западных и северо-западных говоров русского языка[15], откуда это явление распространилось на восток (точнее на северо-восток).

Первоначальный очаг этого явления, очевидно, охватывал лишь западные территории распространения русского языка (в пределах Смоленского, Полоцкого и Новгородского княжеств)[16], где и наметилась тенденция к расширению чередования *л* с *ў*(*w*). Есть основания полагать, что это явление на западе и северо-западе в прошлом занимало большую территорию, и, возможно, образовывало сплошной ареал на всем протяжении западных говоров русского языка.

---

[15] Иная точка зрения представлена в работах: Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, стр. 334; Н. Н. Дурново, Очерки истории русского языка, М.—Л., 1924, стр. 180.

[16] См. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 54.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

А. А. ВЕЙЛЕРТ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ В ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В языковедческой литературе наших дней все большее число авторов обращается в той или иной форме к количественным показателям. Идут споры о методике их применения, о достоверности выводов, к которым они приводят, об объектах статистического исследования. Но все более бесспорным становится мнение о необходимости и даже обязательности использования количественных данных в исследованиях письменной и устной речи. Если, однако, техническая возможность подсчета единиц письменной речи существовала со времени появления письменности, то возможность подсчета устной речи появилась совсем недавно — с изобретением звукозаписывающего аппарата. Этим, да, пожалуй, и значительной трудоемкостью самого процесса фонозаписи, и объясняется относительно малое число работ по статистике устной речи [1]. Одной из попыток такого рода является и настоящее небольшое исследование. Цель его: демонстрация некоторых возможностей статистического метода на материале устной спонтанной речи в магнитофонной записи. В качестве объекта исследования был выбран один из верхненемецких говоров СССР — средненемецкий по происхождению говор села Найдорф Казахской ССР, магнитные записи речевых проб которого производились нами в двух экспедициях 1963 и 1965 гг. [2].

То, что в качестве объекта исследования был выбран немецкий говор именно нашей страны, имеет следующие причины: 1) немецкие говоры СССР уникальны вследствие изолированного 200-летнего развития в иноязычной среде; 2) немецкие говоры СССР подверглись минимальному влиянию немецкой литературной нормы. Это позволяет считать некоторые из выявленных закономерностей в речи этих говоров характерными для устно- немецкой речи всех уровней или даже для языка в целом, классифицируя их порой как исконные, естественные закономерности немецкого языка.

Возможности статистического метода будут показаны ниже на основе рассмотрения такого вполне разработанного традиционной грамматикой вопроса, как переход отдельных немецких сильных глаголов в слабые.

Количество сильных глаголов в современном немецком языке оценивается в 150—200 единиц [3], общее же количество немецких глаголов —

---

[1] Необходимо отметить в этой связи докторскую диссертацию Г. Я. Панкраца «Нижненемецкий диалект в СССР», Л., 1968.

[2] Более подробно об этом см.: А. А. Вейлерт, Система глагола в верхненемецком говоре с Найдорф (Статистическое исследование). Канд. диссерт., Алма-Ата, 1967.

[3] Количественные данные по немецкому глаголу мы приводим из следующих работ: W. Schmidt, Grundfragen der deutschen Grammatik, Berlin, 1966, стр. 200; W. Jung, Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig, 1968, стр. 182; E. Agricola, W. Fleischer, H. Protze, Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache, 2, Leipzig, 1970, стр. 843; O. Moskalskaja, Grammatik det deutschen Gegenwartssprache, M., 1971, стр. 164.

в 100 000[4]. Подавляющее число слабых глаголов выступает, таким образом, как доминирующий образец, по которому происходит аналитическое выравнивание сильных глаголов и связанный с этим переход последних в глаголы слабого спряжения. Обратившись же к цифрам, мы обнаруживаем, что на протяжении письменной истории немецкого языка не более чем одна пятая часть исторически сильных глаголов перешла в разряд слабых [5]. Причиной столь медленного отмирания категории сильных глаголов является их семантическая и функциональная важность, которая и объясняет, по мнению В. Адмони, тот факт, что сильные глаголы употребляются «исключительно часто» [6].

У нас есть возможность вычислить для одного из уровней немецкой устной речи, т. е. для изучаемого говора, и конкретную величину частотности как сильных, так и слабых глаголов. В общем числе собранных нами у 49 информантов с. Найдорф речевых проб монологической и диалогической речи было обнаружено 31 017 словоформ (СФ). 6030 СФ из этого числа являются вариациями 322 глагольных основ, или «глаголов», как мы впредь будем называть эти последние. Количество глагольных словоформ вполне достаточно для того, чтобы с высокой степенью надежности судить о глаголе как о части речи. Об этом говорит весьма незначительная ошибка наблюдения — 0,4%[7]. В нашем случае это значит, что доля глагольных СФ в выборке любого объема из фонозаписи речи информантов с. Найдорф (весьма вероятно, что и других населенных пунктов, представляющих аналогичную диалектную основу) будет колебаться в пределах 19,8% — 19,0%, т. е. одной пятой [8].

Этимологический анализ показал, далее, что около 95% нашего глагольного словаря относится к общенемецкой лексике. Это значит, что наш материал позволяет проследить жизнь и статистическое распределение глаголов, подавляющая часть которых употребляется и в немецком литературном языке.

Следут отметить, что наиболее надежный показатель типа спряжения глагола — претерит — отсутствует в исследуемом говоре почти полностью. Мы вынуждены признать единственным признаком сильного/слабого глагола суффикс причастия II (п-2), а именно: все глаголы с суффиксом п-2-(*e*)*n* относятся нами к сильному типу вне зависимости от характера внутренней флексии; все глаголы с суффиксом п-2-*te* — к слабому типу. Глаголы, не обнаружившие случаев п-2, причисляются к традиционному типу спряжения.

Приведем статистические характеристики наших глаголов (см. табл. 1).

Наш материал подтверждает общепринятое мнение: сильные глаголы имеют значительно бóльшую общую частотность, чем глаголы слабые.

---

[4] W. J u n g, Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig, 1968, стр. 178.

[5] О. И. Москальская [«Грамматика немецкого языка (теоретический курс)», М., 1956, стр. 244] приводит список сильных глаголов, употребляемых со слабыми аффиксами. Подсчет показал, что об окончательном переходе в слабые можно говорить лишь у 30—35 глаголов.

[6] W. A d m o n i, Der deutsche Sprachbau, 2-е изд., М.—Л., 1966, стр. 166.

[7] Степень достаточности нашего материала определялась по одной из преобразованных нами формул Б. Н. Головина («Из курса лекций по лингвистической статистике», Горький, 1966, стр. 55) — $\delta = 2\sqrt{\frac{1-p}{F}}$, где: δ — относительная ошибка доли, p — доля исследуемого явления, F — абсолютное количество единиц исследуемого явления. Ошибка наблюдения (то же — «абсолютная ошибка») вычисляется по формуле: $L = \delta p$.

[8] И. Эрбен (J. E r b e n, Abriss der deutschen Grammatik, Berlin, 1966, стр. 21), ссылаясь на данные ряда диалектологов, определил долю глаголов в общем словаре современного немецкого языка равной $^1/_4$.

Таблица 1

Тип спряжения	Кол-во		Частотность
	глаголов	СФ	
Сильный	86	3054	35,5
Слабый	236	2976	12,6

Таблица 2

Сильные глаголы	Кол-во		Частотность
	глаголов	СФ	
Стойкие	73	2763	37,8
Колеблющиеся	13	291	22,4

Таблица 3

Сильные колеблющиеся глаголы	Кол-во		Доля в %	Частотность
	СФ	слабооформленных п-2		
fahren, *tun*	207	7	3,4	103,5
Другие 11 глаголов	84	14	16,6	7,6

Таблица 4

Сильные колеблющиеся глаголы	Кол-во п-2		Доля в %
	общее	слабооформленных	
fahren, *tun*	95	7	7,4
Другие 11 глаголов	36	14	38,8

Количественный признак выступает, таким образом, как одна из характеристик типа спряжения немецкого глагола, которая позволяет предсказать и путь, по которому должен идти процесс перехода отдельных сильных глаголов в слабые через промежуточную ступень так называемых «колеблющихся» глаголов, обнаруживающих признаки как сильного, так и слабого спряжения. Наиболее вероятен переход в слабые у малочастотных сильных глаголов.

Под «переходом в слабые» мы понимаем здесь приобретение сильным глаголом слабого суффикса *-te* в причастии II. «Колеблющиеся глаголы» — это для нас глаголы, обнаружившие как сильные, так и слабые суффиксы в причастии II в нашем материале, хотя они и относятся традиционной грамматикой к сильному типу спряжения. В числе 322 глаголов мы нашли 86 сильных (по нормам традиционной грамматики). Из них: 13 глаголов — «колеблющихся», 73 — «стойких» (не обнаруживших случаев слабооформленного причастия II). Перечислим колеблющиеся глаголы (в переводе на немецкий литературный язык) и приведем их количественные характеристики: *backen* «печь» (11, 3, 1)[9], *binden* «связывать» (3, 3, 1), *bitten* «просить» (9, 5, 1), *fahren* «ехать» (97, 77, 3), *fressen* «пожирать» (4, 3, 1), *lassen* «позволять, отпускать» (24, 6, 4) *scheinen* «казаться, светить» (3, 3, 1), *schelten* «ругать» (3, 3, 1), *schlagen* «бить» (16, 3, 1), *schmelzen* «растапливать (сало)» (1, 1, 1), *schreien* «кричать» (3, 3, 1), *tragen* «нести» (7, 3, 1), *tun* «делать» (110, 18, 4). Общий итог: 291, 131, 21.

Рассмотрим статистические характеристики сильных колеблющихся глаголов в сопоставлении с соответствующими признаками сильных «стойких» глаголов (см. табл. 2).

Средние цифры оправдывают наше предположение: тенденцию к переходу в слабые обнаруживают глаголы менее частотные.

Как, однако, проявляется эта закономерность в пределах самих колеблющихся глаголов? Не отражается ли она и на доле слабооформленных случаев п-2 в общем количестве СФ? В числе 13 колеблющихся глаголов относительно большую частотность имеют *fahren* и *tun*. Противопоставим их статистические характеристики соответствующим характеристикам остальных 11 колеблющихся глаголов (см. табл. 3).

[9] Здесь и далее цифры первого порядка означают общее количество глагольных СФ, цифры второго и третьего порядка соответственно количество СФ причастия II (общее) и количество слабооформленных СФ причастия II.

Таблица 5

Тип спряжения глагола	Кол-во СФ		Доля в %
	общее	с переходным значением	
Сильный	3054	844	27,6
Слабый	2976	2448	82,2

Таблица 6

Сильные глаголы	Кол-во СФ		Доля в %
	общее	с переходным значением	
Стойкие	2763	656	23,7
Колеблющиеся	291	188	64,6

Первые два глагола делают только «первые шаги» по пути перехода в слабые. Здесь также оправдывается мнение, что переходу в слабые подвержены прежде всего малочастотные глаголы.

Имеем ли мы достаточно оснований выводить долю случаев со слабооформленным причастием II из общего количества СФ глагола? Не будет ли логичнее выводить ее, эту долю, из общего количества употреблений причастия II у этих глаголов? Рассмотрим и этот вариант (см. табл. 4).

Таблица 7

Сильные колеблющиеся глаголы	Кол-во		Доля в %
	СФ	п-2, оформленных слабо	
Переходные	188	16	8,5
Непереходные	103	5	4,9

Таблица 8

Сильные колеблющиеся глаголы	Кол-во п-2		Доля в %
	общее	оформленных слабо	
Переходные	48	16	33,3
Непереходные	83	5	6,0

Мы находим новое и не менее убедительное подтверждение наблюдаемой закономерности: доля случаев слабооформленного причастия II в общем числе употреблений причастия II значительно выше у малочастотных колеблющихся глаголов.

Принято считать, далее, что «сильные глаголы чаще бывают непереходными, слабые — переходными»[10]. Приведем для нашего материала более определенные количественные характеристики, употребив в качестве единицы счета «СФ с переходным (непереходным) значением» (см. табл. 5).

Таблица подтверждает правомерность общепринятого мнения и на материале исследуемого говора: доля СФ сильных глаголов с переходным значением гораздо ниже соответствующей величины для глаголов слабых.

Как могло сказаться это положение на процессе превращения отдельных сильных глаголов в слабые? Весьма очевидно, что тенденцию к превращению в слабые должны обнаруживать сильные глаголы с переходным значением. Или, если быть ближе к нашему материалу: доля СФ транзитивных глаголов среди исследуемых колеблющихся должна быть выше, вследствие их меньшей частотности, чем та же доля у глаголов стойких. Проверим это (см. табл. 6).

Наше предположение подтвердилось. Доля СФ с переходным значением у колеблющихся глаголов опять-таки значительно выше той же доли у глаголов стойких. Это значит, что переходу в слабые подвержены прежде всего сильные глаголы переходные.

Как это проявляется в пределах самих колеблющихся глаголов? Сопоставим долю случаев слабооформленного п-2 в общем числе СФ у переходных и непереходных колеблющихся глаголов (см. табл. 7).

---

[10] Е. В. Гулыга, М. Д. Натанзон, Грамматика немецкого языка, М., 1957, стр. 127.

Переходные глаголы, а их в числе колеблющихся глаголов – 10, имеют почти в два раза большую долю случаев слабооформленного п-2, чем непереходные глаголы: *fahren*, *scheinen*, *schreien*.

Глаголы переходные показали, таким образом, тенденцию к переходу в слабые более определенно. Эти данные выглядят еще убедительнее в сопоставлении с общим количеством СФ п-2 сильных колеблющихся глаголов (см. табл. 9).

Почти в шесть раз «охотнее» принимают сильные колеблющиеся переходные глаголы слабый суффикс п-2. Это вновь и весьма убедительно подтверждает бытующее в германистике мнение, будто сильные глаголы встречаются чаще непереходными, слабые – переходными.

Все сказанное приводит к следующим выводам: 1) сильные глаголы имеют по сравнению со слабыми; а) в три раза бóльшую частотность (табл. 1) и б) в три раза мéньшую долю переходных глаголов (табл. 5); 2) тенденцию к переходу в слабые обнаруживают сильные глаголы: а) менее частотные (табл. 2) и б) транзитивные (табл. 6).

Положения пункта 2 подтверждаются и количественными показателями колеблющихся глаголов (табл. 3, 4 и 7, 8)[11].

Таким образом, наш статистический материал не только обосновал правомерность бытующих в синхронической грамматике положений, но и позволяет говорить о языке в историческом плане. А это значит, по нашему мнению, что статистический метод приближает нас к решению извечной проблемы лингвистов — предсказуемости языковых изменений.

---

[11] Достаточным считается количество исследуемого явления языка, относительная ошибка доли которого не превышает 30%. Данные таблицы 3, 4 и 7, 8 выводятся на статистическом материале, δ которого выше 30%-го рубежа, что не умаляет значения выводов по этим таблицам.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Общее языкознание. Внутренняя структура языка». — М., изд-во «Наука», 1972. 566 стр.

Проблема внутренней структуры языка, несомненно, является одной из основополагающих в теоретическом языкознании. То или иное понимание внутренней структуры языка в значительной степени обусловливает интерпретацию многих других проблем, связанных с изучением самого языка, его существования и развития, речемыслительной деятельности и речевых образований.

Рассмотрению отдельных сторон этой фундаментальной проблемы языкознания посвящено большое количество специальных и общих работ. Выход обобщающего труда «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» — важное событие в теоретическом языкознании. Эта книга является органическим продолжением первой книги «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка» (М., 1970) [1]. Содержание новой книги, по формулировке авторов, «охватывает по существу одну большую тему — проблемы, связанные с внутренними сущностными характеристиками языка» (стр. 5).

Основную задачу авторы видят в том, чтобы в намеченной тематике выделить круг проблем, которые представляют наибольший интерес в современном языкознании. Авторы при этом указывают, что «они будут считать свою задачу выполненной, если высказанные здесь положения помогут в известной степени более отчетливо уяснить сущность рассматриваемых проблем или направить их дальнейшее изучение по более рациональному пути» (стр. 6).

Книга состоит из отдельных девяти глав; их можно объединить в три части. В первых двух главах (I—II, стр. 8—119) излагается понимание языковой системы, структуры языка и уровней структурации. В последующих пяти главах (III—VII, стр. 120—515) описываются «сферы или области языка (фонология, грамматика, словообразование, лексика и фразеология)» (стр. 5). Последние две главы (VIII—IX, стр. 516—561) излагают вопросы лингвистической типологии и проблему универсалий языка.

Первые две главы — общетеоретические; авторами гл. I «О понятиях языковой системы и структуры языка» (стр. 8—91) являются Е. С. Кубрякова и Г. П. Мельников, гл. II «Уровни языковой структуры» (стр. 92—119) — Т. В. Булыгина и Г. А. Климов.

Языковая структура раскрывается через понятия системы и уровня, изучаемые при помощи нестрогого логико-математического интегрирования. В поисках решений и поддержки своих положений авторы обращаются к работам по теории системных исследований и работам структурального направления в лингвистике, где были выдвинуты понятия «система» и «структура». Однако здесь обнаруживаются «естественные затруднения». «Целое лингвистическое направление, поставившее во главу угла изучение языка как системы, но провозгласившее себя тем не менее структурным, так и не ответило окончательно на вопрос о том, в чем заключается принципиальное отличие языковой системы от структуры языка и существенно ли оно вообще для теории и практики лингвистических исследований» (стр. 13).

Односторонность и недостаточность структурального направления в языкознании авторы справедливо видят в том, что языковая система в нем описывается лишь со стороны ее реляционных (структурных) свойств. Между тем рассмотрение любого естественного объекта должно опираться на три стороны его бытия — «а) как определенной совокупности элементов; б) как определенной совокупности отношений между этими элементами; в) как связного целого, т. е. как определенной согласованной совокупности элементов и отношений, существующей в силу воплощения элементов в определенную субстанцию» (стр. 24). Три стороны бытия объекта служат основанием выделить три аспекта исследования — элементный (или вещно-субстантный) подход, структурный (реляционный) подход и системный подход (см. стр. 24—25).

Системный подход понимается как «новый аспект исследования, не сводимый ни к собственно субстантному анализу, ни к анализу структурному» (стр. 26). Изложение основных принципов системного подхода и составляет суть первой главы.

«Каждая действующая и развивающаяся система,— пишут авторы,— существует только в результате согласования

[1] Рецензию на эту книгу см.: ВЯ, 1971, 4.

трех главных ее атрибутов — структуры, субстанции и функции, только в силу их диалектического единства. Учитывающий особенности этих трех атрибутов и их соотношения системный подход есть интегральный подход, направленный на познание объекта в его целости» (стр. 28—29).

Поскольку наиболее изученными оказались такие признаки системы языка, как ее состав, структура и назначение, авторы выделяют пять основных направлений в изучении языковой системы: 1) инвентарно-таксономическое, 2) функциональное, 3) собственно структурное, 4) стратификационное и 5) топологическое (стр. 43); кроме того, указывается, что в предшествующем томе были рассмотрены знаковая интерпретация языковой системы и анализ языка как динамической системы, вытекающий из определения ее как особого рода адаптивного самоорганизующегося устройства. В главе сжато и целенаправленно рассмотрено понимание системы языка в структуральном направлении, и хотя рассмотрение содержит критические замечания, оно остается односторонним — структуральным и процедурно-методическим.

Общий вывод состоит в том, что функция системы как целостности является главной, что и обусловливает детерминантный анализ, при котором индуктивно выявляется детерминанта языка, после чего наступает дедуктивный этап — этап синтеза строя изучаемого языка: «... детерминанта системы является той абстракцией, в которой содержится и из которой вытекает вся полнота конкретного» (стр. 82). Что же касается структуральных направлений изучения системы, то они с этой точки зрения характеризуются в известной степени как субъективные: «В таксономических, стратификационных и структурно-типологических моделях языка ракурс рассмотрения языковой системы может быть различным; соответственно, в разных моделях указанных направлений описание получают разные стороны системы, в зависимости от конкретных целей исследования» (стр. 79).

Особенно важным понятием представляется такой компонент языка, как уровень. «С введением этого понятия в рамках стратификационной лингвистики, с одной стороны, и в пределах структурно-типологической — с другой, и складываются постепенно те представления о структуре и системе языка, которые можно рассматривать как наиболее адекватные объекту на современной ступени познания этих категорий» (стр. 67).

Объединение признаков целостности и гетерогенности на основе понятия иерархического отношения делает понятия «структура» и «система» конверсивными понятиями, что и порождает на разных страницах книги их двузначность. Одни из авторов рецензируемой книги определяют язык как систему, подчеркивая его целостность; другие авторы, признавая автономность ярусов языков, находящихся в иерархических отношениях, интерпретируют язык как структуру.

В гл. II изложено понимание структуры языка как уровней интеграции, распространенное в некоторых структуральных школах. В главе излагается довольно старая билатеральная концепция структуры языка, который рассматривается как единство автономных сторон языка — звуковой и смысловой (см. стр. 93). Эта концепция приобрела в структурально-логическом языкознании существенную модификацию. Внутри фонологического уровня («звуковой стороны», «плана выражения») выделяются особые единицы разных уровней интеграции: дифференциальный признак, фонема, слог, акцентная группа (фонологическое слово), фонологическая фраза (стр. 104). Связь между единицами плана выражения и плана содержания покоится на отношении изоморфности. «Параллелизм,— читаем на стр. 107,— в отношениях между единицами разных уровней интеграции в плане выражения и между единицами разных уровней интеграции в плане содержания позволяет говорить об изоморфной организации обоих планов в отношении абстрактных единиц, т. е. типов, или классов единиц (класс фонем аналогичен классу семем; класс слогов — классу ономатем и т. д.) ...».

Поскольку количество конкретных единиц формы содержания неизмеримо больше количества конкретных единиц формы выражения, уровневое членение плана содержания производится схематичнее и более «отвлеченно» от языковой реальности. Так, «лексемы» и «граммемы» интегрируются в «ономатему»; фонологическая парадигматика, т. е. система фонем, признается структурно изоформной ономатематической парадигматике, т. е. системе семем; фонологическая синтагматика, т. е. система слогов и акцентных групп,— ономатематической синтагматике, т. е. системе ономатем и предложений.

Т. В. Булыгина и Г. А. Климов при этом подчеркивают, что «смысловая система не должна противоречить структуре человеческого мышления и памяти, а также и структуре внеязыковой действительности, так или иначе отражаемой в языковых высказываниях» (стр. 93). Это, конечно, правильно; но следует добавить, что «смысловая система» не должна противоречить и языковой реальности.

«Означаемое слова» (т. е. лексическое и грамматическое значения и даже пучки их дифференциальных признаков) соотносятся непосредственно не со структурой слога, а с морфемным составом и морфемной структурой слова, которая не совпадает со слоговым делением. Так, *бес* — односложное слово, но двухморфемная единица; в *альт* — *тля* различие поряд-

ка следования фонем является сигналом разных слов, значения которых никак не связаны с открытостью — закрытостью слога; в *Он/читает книгу — Книгу/читает он* (*Книгу/он читает*) фразовая структура связывается со смыслом только через актуально-смысловое (текстовое) членение предложения, тогда как логико-морфологическая формула (т. е. класс единиц) остается одной и той же.

Сознавая операциональный характер предложенных уровней интеграции, авторы обращаются к структурации на знаковом уровне и вводят без определения понятие «область языка». На знаковом уровне в русском языке особыми знаковыми единицами являются морфема, слово и предложение (стр. 108), которые, будучи связанными конституентными отношениями, отличаются специфической функцией. Что же касается словообразования, словосочетания и фразеологии, то они выводятся за пределы внутренней структуры языка, относясь к области «внешнего функционирования единицы» (стр. 111, см. также 109—110). Авторы подчеркивают, что различие единиц языка не ограничивается только их «протяженностью», или степенью сложности; они различаются особой функцией, качественным отличием типа абстракции; только как конкретные единицы текста морфемы, словоформы и предложения различаются по степени сложности [2].

Понимание структуры языка как интегрированной системы и уровней интеграции изложено в рецензируемой книге с точки зрения абстрактно-логических принципов и процедурно-методического подхода к языку [3]. Такое понимание названо «новым подходом» (стр. 10; впрочем, ср. на стр. 30: «Развиваемая нами концепция не является чем-то абсолютно новым»). Действительно, авторы лишь уточнили, детализировали и в некоторых случаях терминологически систематизировали то, что было сформулировано в целом ряде работ на данную тему.

Принцип целостности и системности не является открытием последних десятилетий, хотя в это время о нем стали писать более часто и специально, как, впрочем, и о многих других добрых старых принципах науки. Еще Ф. Энгельс писал, что превосходство древнегреческой философии над всеми ее позднейшими метафизическими противниками заключается в том, что она признавала принцип всеобщей связи явлений [4]. Этот принцип является одним из основных черт материалистического диалектического метода, который признает единство части и целого, вещи и ее отношений, сложной организации бытия. Заявление авторов о том, что «работа по освещению творческого наследия марксизма-ленинизма в данной области (в области лингвистических системных и структурных исследований. — *В. К.*) только начинается» (стр. 11), может быть принято лишь в том смысле, что марксистско-ленинская теория и диалектико-материалистический метод как руководство к действию постоянно уточняются и развиваются и что кризис структурального языкознания можно преодолеть только на основе марксистско-ленинской методологии. Предмет и принципы науки не меняются, а только углубляются, расширяются и всегда находятся в непосредственной связи с лингвистической практикой.

Понимание лингвистической теории как абстрактно-логической и сосредоточенной на методико-процедурной интерпретации также не является новым. Л. Ельмслев, интерпретируя лингвистическую теорию как экспликацию метода и учение о метаязыке, подчеркивал, что вводимые им функции совмещают понятия математического дифференциала, логической переменной и лингвистического признака. «Мы,— писал он,— взяли термин **функция** в значении, лежащем между логико-математическим и этимологическим (из которых последнее также сыграло значительную роль в науке, в том числе и в лингвистике); в формальном отношении оно ближе к первому, но не тождественно ему. Именно такое промежуточное, комбинированное понятие и необходимо лингвистике» [5].

Е. С. Кубрякова и Г. П. Мельников признают, что понятие взаимосвязи частей языка «не было чуждым и доструктурному языкознанию» (стр. 31), что выделение частей речи и их категорий и особенно группировка языкового материала по парадигмам свидетельствовали о том, что «язык воспринимался как своеобразное единство...» (стр. 31—32), что наибольший вклад в познание системных свойств языка вносит сравнительно-историческое языкознание (стр. 34). Однако все это истолковывается лишь как «истоки» системного подхода к языку (стр. 32), так как

[2] Не могу не напомнить, что наделение единиц языка концептуальным содержанием, а текстовых единиц только протяженностью, или сложностью, восходит в философии, логике и языкознании к дуалистической концепции Р. Декарта. Он, как известно, рассматривал материю как две автономные субстанции: для одной из них атрибутом является протяженность, для другой — мышление.

[3] В связи с этим см.: А. С. Мельничук, Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма, ВЯ, 1970, 1; В. М. Солнцев, Язык как системно-структурное образование, М., 1971.

[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 20, 2-е изд., М., 1961, стр. 369.

[5] Л. Ельмслев, Пролегомены к теории языка, «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 293.

понятия системы и структуры языка становятся содержательными, по мнению авторов, только тогда, когда «сами эти понятия становятся предметом специального изучения и описания» (стр. 43). Т. В. Булыгина и Г. А. Климов признают, что «некоторые логические предпосылки возникновения теории стратификации языка содержались уже в обычном для традиционного языкознания троичном разделении языкового строя на фонетику, грамматику и лексику...» (стр. 92). Однако научная стратификация языка, по мнению авторов, начинается лишь тогда, когда складывается представление о языке как о совокупности относительно автономных структурированных систем (уровней) типа кодов, каждая из которых состоит из определенного набора элементарных символов и правил образования «кодовых комбинаций». Что касается лексикологии, морфологии и других разделов языкознания, то они трактуются как выделяемые с тех «различных точек зрения», с которых изучается язык; причем не все из этих разделов языкознания должны «непременно находить прямое соответствие в уровневом членении языка» (стр. 116).

В современном языкознании, конечно, имеется абстрактно-логическая операциональная концепция системы языка. Ее сильная сторона — связь с логическими системами классификаций и описания объектов, эксплицитность процедуры анализа. Однако вряд ли правильно рассматривать ее как единственную и к тому же такую, которая раскрывает внутренние сущностные характеристики языка.

В современном языкознании есть и другая концепция системы языка, которая признает реальность конкретного языка, его категорий и рассматривает теорию как учение о системе реальных конкретных языков, так что принцип системности истолковывается как онтологический, обеспечивающий познание объективной действительности в ее целостности.

Следует отметить, что авторы касаются этого принципа системности. На стр. 20 читаем: «Структура языка — это объективно существующая категория, т. е. категория, наличествующая до нас и независимо от нашего сознания, это атрибут, присущий самому языку». «Нельзя закрывать глаза на то, что все элементы языковой системы экспонируются обычно теми или иными материальными и вполне конкретными сущностями». Однако рассмотрение проблемы объективности познания, сформулированной как противопоставление структуры и системы, приводит авторов к выводу о том, что «противопоставление онтологии объекта гносеологическим категориям его описания, чрезвычайно важное само по себе..., не вносит ничего существенного в различение понятий системы и структуры объекта и, в частности, в дифференциацию этих понятий применительно к языку» (стр. 21).

Представляется, что неправомерность подобной постановки вопроса состоит в том, что онтологическая проблема решается при помощи операциональных определений, а прямое наблюдение понимается только как ощущение или чувственное разовое восприятие. Кстати, операциональные формулировки приводят к неизбежным противоречиям. Так, говоря об экспонировании языковой системы, авторы упоминают лишь об элементах системы. Но далее, при определении системы, указываются также и отношения, которые воплощены в определенную субстанцию (стр. 24).

Конечно, онтологические и концептуальные системы не тождественны, и отношения между ними сложны. Но важно подчеркнуть главное: онтологическую обусловленность любой концептуальной системы. В связи с этим не лишним будет напомнить оценку Л. В. Щербой тех высказываний о самоценности концептуальной, теоретической системы, на которые опираются авторы рецензируемой книги. Щерба критиковал представление о том, что «будто изучение грамматики имеет большее образовательное значение, чем практическое, и что сама она является плодом размышляющего над языком человека, а вовсе не объективной языковой действительностью, управляющей нашей „речью“ (parole)» [6].

Внутренняя структура языка не является в принципе плоскостной и дуалистической, не сводится к уровням абстрагирования и интеграции. В европейском и отечественном языкознании не раз выдвигались и разрабатывались вопросы, связанные с характеристикой внутренней структуры языка как единства трех реальных систем. Это следующие системы.

1. Система единиц и категорий языка, распределенных по ярусам языка, которые изучаются фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикологией. Структурная стратификация языка понимается в этом случае не как поиск предельных единиц и единиц описания, уровней их интеграции, а как изучение реальных (и конкретных!) единиц и категорий языка; в зависимости от этого производится выделение основных разделов языкознания. Такое понимание структуры языка свойственно многим современным языковедам; в советском языкознании эта концепция нашла свое четкое выражение в работах И. И. Мещанинова и Л. В. Щербы; справедливости ради следует отметить, что один из авторов рецензируемой книги, А. А. Уфимцева, пишет: «Традиционная модель языка, несмотря на ее кажущуюся простоту и неадекватность объекту, от-

[6] Л. В. Щ е р б а, Избр. работы по языкознанию и фонетике, I, Л., 1958, стр. 13.

разила самые фундаментальные различия составляющих его элементов. "Поаспектное" разграничение языковых средств проведено по двум логически выдержанным основаниям: по характеру состава единиц и по типу смыслового содержания элементов языка. Первое отграничило лексические и грамматические средства (обладающие формой и содержанием) как самостоятельные языковые сущности от того, что служит при них в виде формы, т. е. от звуков, не имеющих самостоятельного значения; второе — провело границу между лексическим и грамматическим значением языковых элементов» (стр. 394).

2. Система надъярусных единиц и категорий, образующих содержательную (контенсивную) форму языка, которую вслед за В. фон Гумбольдтом нередко называют «внутренней формой языка». Такое понимание структуры языка свойственно многим современным языковедам; в отечественном языкознании вслед за А. А. Потебней эту концепцию разрабатывали и разрабатывают многие советские языковеды, логики и психологи.

Языковая семантика свойственна самому языку; информативные языковые значения связаны с семантической структурой передаваемых сообщений [7]; наличие информативных языковых значений, постоянно связанных с единицами, категориями и моделями языка обеспечивает взаимодействие единиц языка и направленность языка на внеязыковое, передаваемое содержание, так что именно язык выступает средством общения, тогда как текст является материализацией речевого акта, наличие которого возможно именно потому, что язык предстает не как абстрактно-логическая схема, а как содержательная внутренняя структура и система.

3. Система стилей языка его социально-территориальных вариантов, которая также относится к внутренней структуре языка, если ее односторонне не сводить к абстрактной схеме и считаться с наличием реальной нормы языка. Авторы не говорят о такой системе как внутренней. Однако подобное понимание системы языка свойственно многим современным языковедам; теория литературного языка и его стилей является достижением советского языкознания. Так, В. В. Виноградов писал: «Если исходить из понимания общей структуры языка как „системы систем" (что вызывает отдельные возражения, не всегда достаточно обоснованные), то стиль языка — это одна из частных систем (или «подсистем»), входящих в общую систему» [8].

Таким образом, описание системы языка путем интеграции элементных и структурных форм бытия языка и интеграции уровней познания, равно как и понимание языка как кода, является отнюдь не самой сильной интерпретацией языковой системы, во всяком случае — не единственной. Если заявлять, что абстрактно-логическая интерпретация вскрывает внутренние функции языка, а контенсивная и социологическая интерпретация является внешней для понимания природы языка, то можно с неменьшим правом заявить, что контенсивная и социологическая интерпретация вскрывает сущностные характеристики языка, тогда как логико-математическая интерпретация является внешней. Наличие двух решений не дает истины, оно лишь ставит проблему — важнейшую проблему внутренней структуры языка, которая должна решаться объективно и всесторонне как важнейшая проблема, а не в качестве попутных замечаний. Поэтому авторы обобщающего труда, если они действительно стремились осветить наиболее важные проблемы современного языкознания и направить их дальнейшее изучение по более рациональному пути, должны были дать объективное представление о современных концепциях. К сожалению, освещение проблемы внутренней структуры языка дано с позиций лишь одной из абстрактно-структуральных школ; вызывает удивление нигилистическое отношение к теории и практике отечественного и советского языкознания, в котором изучение методологии языкознания, языка именно как системы и отдельных ее компонентов («областей») всегда занимало почетное место.

Переходим к рассмотрению анализа отдельных областей языка изучаемых разными разделами языкознания, т. е. частными науками о ярусах языка.

В гл. III «Фонология» (стр. 120—199), написанной В. И. Постоваловой, «...сде-

[7] В любом предложении имеются информативные и формальные значения единиц языка. Так, во фразе *Ученик прочитал книгу* обнаруживаем ряд значений. Значение субъекта, объекта, прошедшего времени, вида образуют семантическую структуру передаваемого сообщения; лексические значения слов, значение числа имен существительных, три возможных смысловых (логических) ударения наполняют ее конкретным содержанием. Без общепринятой семантической структуры сообщения и ее предметно-понятийной наполненности передаваемая мысль не может быть понята. Поэтому подобные языковые значения являются информативными. Напротив, значения рода, конкретности, словообразовательной производности, хотя они и свойственны языковым единицам, непосредственно никак не влияют на семантическую структуру и содержание передаваемого сообщения. Поэтому подобные языковые значения являются формальными.

[8] В. В. Виноградов, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963, стр. 201.

лан акцент на характеристике различных подходов к описанию фонологической системы языка» (стр. 6). Обратим внимание, что свою задачу автор сформулировал не как раскрытие существенных свойств звукового строя языка, а как отбор и анализ «аспектов описания звуковой стороны языка», опирающихся на разные «уровни абстракции описания». Хотя исчерпывающее описание предполагает учет кинематических, фонологических и фонетических аспектов, автор сосредоточивает свои усилия на характеристике абстрактно-фонологического описания.

Надо признать, что характеристика фонологической терминологии и приемов фонологического описания, типичных для структурально-логических школ, в главе дана четко и систематизировано. Убедительно показано, что разнообразие терминов в большинстве случаев вовсе не означает различных подходов; хорошо проанализирована синонимия фонологических терминов, последовательные приемы изучения фонем как пучка признаков (сегментация, идентификация, классификация), дана классификация реализаций (вариантов) фонем, фонологических позиций и структурных отношений. Так, показывается, что в структуральной фонологии для выражения взаимосвязи между исследуемыми элементами наиболее часто используются семь типов отношений: 1) парадигматические и синтагматические, 2) дистрибутивные, 3) логического предопределения элементов (взаимозависимость, детерминация, констелляция), 4) конституентные (отношения «часть — целое»), 5) отношения симультанности (одновременности) — сукцессивности (последовательности), 6) отношения воплощения (манифестации, реализации), 7) отношения тождества — различия (стр. 168). В главе описывается также «гиперфонемная ситуация» и ее понимание в различных фонологических школах.

Звуковая система языка лишается конкретности и реальности. Если Т. В. Булыгина и Г. А. Климов реальность видели в том, что «звуковая система должна соответствовать произносительным и слуховым возможностям человека...» (стр. 93), то В. И. Постовалова признает тождество объекта и его описания. Опираясь на наличие множества интерпретаций и на критерий К. Базеля [9] о реальности как общности описаний, В. И. Постовалова в заключении главы пишет, что «определенным доказательством единства фонологии как науки служит, в частности, тот факт, что результаты практического описания фонологической системы языка, выполненные представителями различных научных школ, могут в значительной степени совпадать» (стр. 193).

Конечно, фонология «абстрактна» по сравнению с другими частными науками о системе языка. Но если верно утверждение, высказанное ранее, что фонологией называется наука об «области языка», то такая фонология не получила описания в рецензируемой главе, а сам звуковой строй языка, его онтологическая характеристика остались за пределами описания, хотя он и относится к внутренней структуре реального языка.

Гл. IV «Грамматика» (стр. 200—393), написанная Н. Д. Арутюновой и Т. В. Булыгиной,— самая пространная, но освещены в ней лишь некоторые проблемы современной грамматической теории. Самым странным является здесь отсутствие учения о словоформах и их парадигмах, о грамматических категориях и частях речи, т. е. всего того, что особенно тщательно анализировалось в отечественном языкознании, начиная от М. В. Ломоносова и А. А. Потебни и кончая работами В. В. Виноградова. В частях речи и грамматических категориях проявляется система как конкретно-языковая и реальная; проблема частей речи и грамматическое учение о слове принадлежит к числу важнейших и непреходящих.

Хорошо известно, что возникновение морфемики, словообразования и фразеологии, разработка синтаксиса — все это подрывало одноплановый характер морфологических учений. Возникает проблема новой классификации частных наук, изучающих внутреннюю структуру языка. Без детального рассмотрения проблемы Т. В. Булыгина приходит к выводу: «Представляется в общем обоснованным высказывавшееся рядом лингвистов мнение о том, что морфология не существует в виде самостоятельной дисциплины в одном ряду с теорией номинации и синтаксисом, но перекрещивается как с той, так и с другой сферой. Связанная с классифи-

[9] «... фонемы — это не артикуляторные, не акустические, не нервные, не чисто функциональные единицы; фонемы — это лингвистические единицы, которые должны быть постулированы на основе совпадающих показаний всех уровней. Именно это совпадение создает единицу. „Лингвистическая реальность“ фонемы — это как раз факт совпадения различных критериев в одной точке» (С. Е. Bazell, Phonemic and morphemic analysis, «Word», 8, 1, 1952, стр. 35). Следует напомнить, что подобные попытки оспорить объективность познания не новы. По поводу одной из таких попыток В. И. Ленин писал: «Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 18, стр. 139).

кацией средств выражения на основе формального сходства, морфология пересекает обе эти области, так как различные части одной морфологической системы могут иметь различные функции — ономатологическую и синтаксическую» (стр. 208).

Это «низвержение» морфологии, однако, в конечном итоге сводится к узкому пониманию ее как учения о средствах выражения грамматических значений и о морфеме как основной единицы морфологического анализа. В этом разделе детально рассматривается формирование современного учения о морфеме как единстве пучка сем и морф, классификация аффиксов. Учения о морфеме называются морфологическими концепциями и учением о структуре слова, что, конечно, не отражает современных представлений, где различаются морфемный состав слова и его морфологическая структура; кроме того, морфема является не только единицей морфологического анализа, но и структурной единицей самого языка, его словоформ.

Раздел синтаксиса, написанный Н. Д. Арутюновой, заметно отличается от разделов фонологии и морфологии большей разносторонностью раскрытия проблематики, привлечением фактического материала и онтологической направленностью; свежо и по-новому раскрыт аспект пропозитивной номинации. Автор действительно способствует более отчетливому уяснению сущности синтаксических проблем и направлению их дальнейшего изучения по более рациональному пути. Правда, при этом за пределами раздела остается синтаксис словосочетания и синтаксис сложного предложения и сверхфразового единства, поскольку особое внимание уделяется синтагматическому и семантическому синтаксису предложения. Положительных результатов автор добивается именно потому, что идет не от «заранее определенных критериев», а от фактического материала и реальных достижений синтаксической науки. Конечно, спорным является бихевиористское утверждение о том, что семантику предложения можно непосредственно (минуя мышление и его формы) соотнести с обозначаемой им ситуацией, отыскивая в ней «как содержание, так и структурную модель единиц синтаксиса» (стр. 297).

В гл. V «Словообразование» (стр. 344—393, автор — Е. С. Кубрякова) обсуждается статус словообразования как лингвистической дисциплины и ее основные понятия. Рассмотрев связи словообразования с морфологическим, синтаксическим и лексическим уровнями, автор справедливо подчеркивает мысль «... о своеобразном промежуточном положении словообразования и о наличии у него совместных (пограничных) областей исследования с перечисленными дисциплинами» (стр. 358).

Справедливо замечание автора о том, что морфемный анализ (метод НС) не применим для словообразовательного анализа, так как при изучении словообразования исследователя интересует прежде всего последний словообразовательный акт (или последний деривационный шаг), что и вызывает необходимость изучать производящие основы и словообразующие аффиксы (или формативы), классифицируя дериваты при помощи словообразовательных типов (или моделей). Отношение словообразовательной производности включает в себя формальную и семантическую производность и мотивированность. Изучение словообразовательной производности и идентификация словообразовательных моделей приводит к выявлению словообразовательных рядов и словообразовательных гнезд. Рассматривая регулярность и продуктивность словообразовательных моделей, Е. С. Кубрякова устанавливает три качества словообразовательной модели — ее продуктивность (опирающуюся на объем словообразовательного ряда), ее активность (закрытость или открытость) и ее употребительность, т. е. частотность в тексте.

Заканчивая изложение, автор представляет раздел как «едва ли не первую попытку изложить проблематику словообразования как особую главу общего языкознания» (стр. 385), причем специфика этого нового раздела усматривается в том, что словообразование стало особой областью языкового моделирования (см. стр. 344 и 350). Такая оценка не является исторически точной. Первую попытку рассмотреть словообразование как проблематику общего языкознания и как особый раздел науки о языке сделали представители Казанской лингвистической школы, в частности Н. В. Крушевский [10]. По его мнению, словообразовательные средства выделяются потому, что каждое слово — «всегда член известных гнезд или систем слов», что в языке есть образцы, почему говорящие наделены «способностью производить слова», особенно от тех слов, выражаемое понятие которых ближе к понятию нового слова [11]. В работе Крушевского специально рассмотрена специфика суффиксального и префиксального словообразования. Именно понятие системности и репродуктивной (моделирующей) способности лежит в основе учения о словоизменении и словообразовании у Крушевского.

Е. С. Кубрякова в главе «Словообразование» кратко и целенаправленно излагает те выводы, которые получены в современных работах по словообразованию, прежде всего — советских языковедов.

---

[10] Н. В. Крушевский, Очерк науки о языке, Казань, 1883.

[11] Там же, стр. 66, 117, 100, 98.

В гл. VI «Лексика» (стр. 394—455) обсуждаются две проблемы — структурная организация лексики и ее единиц и вопрос о лексико-семантической системе языка. Автор главы А. А. Уфимцева вступает в принципиальный спор с соавторами по книге, с основным направлением исследования. Если авторы других разделов ориентируются на единицы и аспекты анализа, на план выражения, на структуральные и формализованные методы изучения языка, то А. А. Уфимцева, защищая традиционную модель языка, подчеркивает важность языковой семантики, важность онтологических критериев. «Гипертрофированный интерес,— пишет она, — к универсальным, логическим основам языка и пренебрежительное отношение к специфике смысловой стороны конкретных языков, идея изоморфизма разных уровней языка, нашедшие отражение в исследовательской практике многих лингвистических школ, привели к недостаточному разграничению разных видов языкового содержания» (стр. 402).

В главе обосновывается понимание слова как основной, базисной, центральной единицы языка и устанавливаются четыре аспекта анализа слова. Каждый аспект имеет свои единицы и систему их отношений. На фонематическом уровне выделяется фонемный состав слова, фонема как базисная единица и соответственно — фонологическая система языка; на морфематическом уровне определяется морфемный состав слова, морфема как конститутивная единица и соответственно — морфологическая система языка; на лексематическом уровне выделяется лексема как двусторонняя единица вокабуляра и элемент строя данного языка; на лексико-семантическом уровне исследуется лексико-семантический вариант слова (его отдельное значение) как основная единица лексико-семантической системы языка.

Если автор детализирует лексическую сторону слова, то для полноты картины структуры языка в соответствующем разделе целесообразно было бы детализировать и грамматическую сторону языка. Если изучение лексико-семантических вариантов помогает вскрыть семантическую структуру слова, то выделение морфемы помогает установить лишь морфемный состав слова, но не его грамматическую структуру. Морфема является поэтому единицей членения слова, а не конституирующей единицей морфологической системы языка. Конституирующей единицей является форма слова (словоформа): как «лексическое слово» есть единство лексемы и лексико-семантических вариантов, так и «морфологическое слово» есть единство словоформ, их грамматических форм и грамматических значений. Кроме того, слово (лексически и грамматически) привязано к определенным синтаксическим построениям; это его качество предполагает выделение синтаксических единиц и синтаксического строя в системе языка.

Изучение лексико-семантической системы языка предполагает, по мнению А. А. Уфимцевой, отграничение лексико-семантических вариантов слов, с одной стороны, от сем, а с другой — от слов-комплексов и употреблений слов и на этой основе — исследование таких специфических черт этой системы, как смысловая структура слова, семантический контекст и парадигматические отношения слов.

Структуру вокабуляра (или лексемного инвентаря) составляют ономатемы, т. е. слова первого порядка, объединяющие лексические и грамматические значения. По смысловому содержанию и выполняемой в языке функции выделяются четыре основные класса словесных знаков: полнозначные слова, имена собственные, дейктические слова и слова-связки. Структура вокабуляра увязана с классификацией слов по различным семантическим категориям и микросистемам.

В гл. VII «Фразеология» (стр. 456—515) В. Н. Телия рассматривает в связи с уровневой стратификацией несвободную сочетаемость слов и словесных значений в аспекте несвободных синтагматических связей слова и классификации единиц фразеологического состава языка. В главе рассказывается о разных подходах к проблеме слова в несвободном сочетании, как они отразились в основном в работах советских языковедов; рассматриваются фразообразующие факторы, сопряженные со спецификой означающего и означаемого слова; перечисляются несвободные речевые единицы (клише, крылатые выражения, пословицы).

Считая фразеологию лишь аспектом изучения языковых фактов и рассматривая в то же время фразеологические единицы и фразеологический состав языка в плане стратификационно-уровневого моделирования, приемов исследования системных и уровневых свойств фразеологизмов, В. Н. Телия представила несомненные достижения советских фразеологов в своеобразно трансформированном и расплывчатом виде.

Таким образом, изложение частных наук о структуре языка в книге дано разнопланово и неполно. Авторы отдельных глав имеют разную «системную ориентированность», выбирают вопросы и аспект изложения по собственному вкусу. Попытки связать «области языка» со стратификационно-уровневым моделированием и обосновать специфику «областей языка» не увенчались в целом успехом; достижения современных наук об «областях языка» (фонетика, морфология, фразеология, а также частично синтаксис и лексикология) представлены односторонне даже в той части, которая касается системного, структурного и стратификационного освещения соответствующих единиц и их места в системе языка-объекта.

Последние две главы, посвященные вопросам типологии и проблеме универсалий, как бы возвращают читателя к общей проблематике. Однако и в этом случае раскрытие системы и структуры языка ведется в абстрактно-логическом плане; координация с ранее сказанным о структуре, уровне, области языка прямо и явственно не осуществляется. Авторы оперируют в общем широко известными сведениями, и историографический аспект представляет для авторов ценность не столько сам по себе, сколько как материал для выводов, заменяя исследование самого материала многих языков.

В гл. VIII «Лингвистическая типология» (стр. 516—544), отграничив понятие типа языка (общего типа) от типа в языке (его типологической характеристики, частного типа), М. А. Журинская полагает, что «общее понятие типа языка до сих пор является субъективным и по сути своей методологическим...» (стр. 520), т. е. процедурно-методическим. Такой вывод делается на основе того известного факта, что, если «пытаться суммарно представить все типологическое своеобразие данного языка», то «такая типологическая характеристика... будет довольно громоздкой» (стр. 520). Понимание же типологии как типологической классификации является наиболее абстрактным, что у автора синонимизируется с понятием «наиболее субъективным». Истолковав таким образом диалектику конкретного и абстрактного, частного и общего, автор считает объективным лишь частные типы: «... очевидно, следует признать, что частный тип объективно существует в языке. Именно его существование является причиной того, что возможно охарактеризовать язык в соответствии с его структурными чертами — дать его типологическое описание» (стр. 521).

Если в гл. I признавалась объективность существования структуры языка (см. стр. 20), то в гл. VIII объективностью существования наделяется частный тип, уровень языка (автор его скорее понимает как «область языка» — стр. 521, 524), причем и при таком ограничении «существование языковых типов можно признать только при том условии, если некоторое типическое явление повторяется в разных единицах различных уровней языка, а также в разных языках» (стр. 521).

Сама история типологических исследований не является для автора доказательством объективности существования общего типа. «Типологические исследования,— пишет автор,— начались не с вычленения из языкового материала типологически важных черт, как того требует логика исследования, а с „другого конца“ — с составления общих типологических классификаций» (стр. 526). Рамки журнальной рецензии не позволяют специально говорить о типологической историографии и о возможности построения классификации без выявления «важных черт» исследуемого объекта. Отметим только то, что этот аспект остается за пределами внимания автора, поскольку само построение общей классификационной типологии признается «нецелесообразным для современных знаний о языке» (стр. 532).

По мнению автора, «основную массу современных типологических исследований» составляют такие, которые занимаются типологией «отдельных уровней или категорий» (стр. 535), привлекают квантитивные критерии и стремятся создать типологию универсалий, изучая язык-эталон. Конечно, такое направление в изучении языковой типологии существует; однако оно отнюдь не единственное в современной типологии.

Автор гл. IX «Проблема универсалий языка» (стр. 545—561) Г. В. Колшанский справедливо пишет: «Генетическая, ареальная и типологическая классификации языков... являются необходимыми элементами лингвистического исследования, так как они позволяют глубже вскрыть сущность того или иного конкретного языка и способствуют выявлению исторических судеб языков и народов, носителей этих языков» (стр. 546). Не согласен Г. В. Колшанский и со сближением типологии языков и типологии универсалий, так как лингвистика типологии языков и лингвистика универсалий «... имеют совершенно различные предметы исследования и различные цели» (стр. 547).

Так выделяется еще одна проблема, которая получает статус отдельной науки — лингвистики универсалий. По мнению Г. В. Колшанского, широкое понимание универсалий предполагает исследование «признаков языка, не связанное с наблюдением некоторых эмпирических общих фактов и не зависимое от причин, порождающих сходства», и как «совершенно иная область исследования» уходит «в своих истоках не к изучению собственно конкретных признаков языков, а к выявлению признаков языка вообще в аспекте его специфики как атрибута человеческой деятельности» (стр. 547).

По сути дела, ставится вопрос о соотношении в лингвистике эмпирических и теоретических знаний, индуктивного и дедуктивного метода познания. Г. В. Колшанский справедливо подчеркивает, что категории и дефиниции лингвистики универсалий должны отражать «свойства и признаки определяемых объектов», так как «...самые абстрактные дефиниции неизбежно коррелируют с теми объектами, которые ими определяются» (стр. 548). Предметом лингвистики универсалий выступают «постоянные и всеобщие характеристики языка» (стр. 551). Эти характеристики (например, двучленность предложения, понятия времени, пространства, движения и т. д.) должны оцениваться только в плане того, чтобы они были «сущностными характеристиками» языка и что-

бы могли «затрагивать понятие природы языка» (стр. 551).

Установление сущностных признаков языка для определения его природы как важнейшего средства человеческого общения и как практического, действительного сознания является фундаментальной задачей теории языка. Отсюда, однако, не следует, что рациональное решение этой задачи может быть достигнуто путем создания особой лингвистики универсалий, противопоставленной не только языкознанию, ориентированному на конкретные языки, но и языковой типологии. Такая постановка вопроса, характерная для абстрактно-логического направления в языкознании, была впервые в явном виде сформулирована еще в XVII в. А. Арно, К. Лансло и П. Николем; находит она сторонников и среди современных лингвистов, особенно в последние десятилетия.

Существование такого «универсального» направления в языкознании — несомненный факт, имеются также известные достижения среди разнообразных школ этого направления. Возражение вызывает то, что выдвигаемые гипотезы и процедурно-методические принципы интерпретируются как фундаментальные теоретические понятия, изменяющие статус языкознания как науки о конкретно-реальных языках, изучаемых при помощи разного рода абстракций. Г. В. Колшанский остроту полемики пытается смягчить следующими словами: «В области лингвистических универсалий нет необходимости говорить об индуктивном или дедуктивном характере этих универсалий. Сами универсалии как качества языка относятся к онтологии объекта, а индукция или дедукция относятся только к сфере гносеологии, т. е. методам познания» (стр. 551—552).

Это не совсем точно, потому что и сам объект можно понимать различно, и соотношение индукции и дедукции в познании нередко может играть существенную роль в решении онтологических вопросов. Объект можно понимать как конкретную реальность, свойства которой обобщаются, и как «общую» реальность, которая идеализируется исследователем; реальные признаки языка могут быть предметно-конкретными и предметно-логическими; абстрактные дефиниции и в том и другом случае будут «коррелировать с теми объектами, которые ими определяются» (стр. 548). Г. В. Колшанский объект науки о сущностных характеристиках языка определил на основе противопоставления частных и общих, конкретных и абстрактных признаков языка (стр. 546, 550, 552). Такое решение порождает известную двусмысленность. Даже Ф. де Соссюр, который сыграл огромную роль в распространении абстрактно-логического понимания языка, подчеркивая конкретность реальных объектов лингвистики, писал о том, что «язык не в меньшей мере, чем речь, есть предмет конкретный по своей природе» и что реальные объекты являются «конкретными сущностями» науки [12].

Таковы основные положения, раскрывающие направление исследования внутренней структуры языка в плане ее системных, типологических и универсальных характеристик и уровней и областей языкового анализа, как они представлены в книге «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». Многие отдельные достижения авторов нами не были отмечены; не были также сделаны замечания по частным высказываниям, которые кажутся спорными.

Сделанные критические замечания не могут обесценить того полезного, что имеется в книге: в ней поставлено много важных проблем и вопросов, предложены решения иногда рациональные, а иногда спорные (по признанию самих авторов, «... далеко не все здесь удалось удовлетворительно осветить и разрешить...» — стр. 6).

В целом книга получилась противоречивой. Проблема системы и структуры языка, его уровней и областей анализа не нашла согласованного решения — ни онтологически, ни процедурно-методически. Причина тому — односторонняя направленность исследования, односторонний абстрактно-логический подход, приводящий к забвению того, что лингвистическая истина конкретна и что лингвистическая теория есть теория своего собственного объекта — языка.

В. И. Кодухов

---

[12] Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 39 и 105.

***Р. А. Будагов.* История слов в истории общества.** — М., изд-во «Просвещение», 1971. 270 стр.

Рецензируемая книга Р. А. Будагова обобщает и развивает многолетние разыскания автора в области исторической и сравнительной семасиологии. Предметом исследования в ней является история слов (их появление, семантические изменения) в связи с историей общества, методом анализа — изучение эволюции лексических «микросистем», включающих 2—4 слова, в соотношении с историей обозначаемых ими понятий. Оба аспекта книги — предмет и метод — представляются исключительно актуальными.

Факторы семантической эволюции слов всегда были одним из кардинальных вопросов языкознания. Трудности этой проблемы связаны со сложным и противоречивым положением слова как в общей структуре языка, так и в каждом высказывании. С одной стороны, слово, несомненно — одна из важнейших единиц языка, если не основная его единица; оно представляет собой самостоятельную сущность не только для лексикографов, но и для любого носителя языка. С другой стороны, слово — компонент лексико-семантической системы, член лексико-семантических групп или семантических полей. Оно не является самостоятельной единицей коммуникации и входит в состав предложения, где, при взаимодействии с другими словами, подчас изменяется в своей семантике, оказываясь в подчиненном отношении к высказыванию. Не случайно философы, желая показать взаимодействие части и целого, особенно когда следует подчеркнуть относительную самостоятельность частей внутри целого, обращаются к языку, дающему сложные, но характерные примеры подобного соотношения [1]. Противоречивое положение слова в языке обусловило два основных направления в современной семантике.

Ввиду подчиненного положения отдельного слова по отношению к лексической системе в целом и к структуре каждого отдельного высказывания, оно изучается в парадигматических связях (семантические поля и группировки) и синтагматических отношениях (семантическая синтагматика). Это в свою очередь вызвало широкое распространение таких приемов исследования, как компонентный анализ, позволяющий точнее определить значения слов в парадигматических рядах и взаимодействие этих значений при сочетании слов.

Однако это направление, приобретшее большую популярность, не является единственным направлением в современной семантике. Относительная самостоятельность слова как единицы языка делает необходимым его изучение в непосредственном отношении его к обозначаемому понятию или объекту. Это направление («слово и вещь») получило в последнее время новый импульс, причем особое внимание уделяется не столько словам, обозначающим физические объекты, сколько так называемым «культурным» словам, тесно связанным с духовной и материальной культурой общества. Проблема «язык и общество» получает здесь свое наиболее полное освещение.

Книга Р. А. Будагова развивает именно такое направление в исторической семасиологии. Она состоит из вводной главы «Слова, вещи, понятия, отношения», семи исследовательских глав и приложений, содержащих этюды, дополнительно иллюстрирующие основные идеи книги. Само наименование вводной главы свидетельствует о важности рассматриваемых в книге проблем. В этой главе разбираются такие вопросы, как значение слова, соотношение слова с понятием и предметом, соотношение слова и действительности, отдельное слово и система в лексике, значение «ключевых слов» как признаков эпохи, влияние языка на людей и людей на язык, социальность языка. Основной пафос этой главы, как, впрочем, и всей книги, заключается в защите слова как самостоятельного объекта исследования. Не отрицая, разумеется, системности, взаимосвязи и взаимодействия элементов лексики, автор подчеркивает факторы, сообщающие слову его относительную самостоятельность. Подобно тому, как давление системы на часть (слово) проявляется в парадигматическом и синтагматическом плане, так и относительная самостоятельность слова, как отмечает это Р. А. Будагов, обнаруживается в обоих этих аспектах.

В синтагматическом аспекте самостоятельность слова определяется наличием в высказывании слов, которые, по выражению А. Блока, «светятся как звезды», т. е. слов, играющих роль опорных точек в тексте (стр. 32—33). В парадигматическом плане выделяются слова-ключи, типичные для определенной эпохи, стягивающие к себе различные явления социологического порядка (стр. 34—40). Французский лексиколог Ж. Маторе различал слова-свидетельства и слова-ключи (mots-témoins и mots-clés) [2]. Первые, играющие определенную организующую роль в лексической системе языка, отражают важные изменения в материальном и духовном развитии общества. Таковы во Франции конца XVIII — начала XIX вв. слова *кокс*, *магазин*, *эзотерический*, отражавшие сдвиги в области промышленности, торговли, философии. Слова-ключи

[1] См.: Афанасьев В. Г., Проблема целостности в философии и биологии, М., 1964, стр. 73.

[2] G. Matoré, La méthode en lexicologie, Paris, 1953, стр. 65—70.

занимают более важное место в системе языка: они синтетически репрезентируют изучаемую эпоху, либо определенный аспект жизни общества. Таковы были слова *буржуа*, *пролетариат*, *художник* во Франции второй четверти XIX в. В наше время изучение «культурных слов», слов-свидетельств и особенно слов-ключей, получило большое развитие. Так, во Франции, наряду с известным трудом Бенвениста [3], можно отметить более скромную по задачам, но не лишенную интереса работу Гугенема о связи французских слов с историей общества [4]. Изучение историко-социальной и современной политической лексики также побуждает исследователей заниматься прежде всего ключевыми словами [5].

Р. А. Будагов устанавливает три типа выделимости (самостоятельности) ключевых слов. Наибольшее значение из этих трех типов приобретают «культурные» слова, выступающие как выразители характерных признаков определенной эпохи. Таким словам и посвящены дальнейшие главы книги. Выбранные для анализа слова отражают различные аспекты человеческого бытия: человек и его умения (*наука*, *искусство*, *техника*, *машина*), человек и его окружение (*природа*, *натура*, *культура*, *цивилизация*), человек и его дарования (*талант*, *гений*), его настроения (*юмор*, *ирония*), искусство (*драма*, *комедия*, *трагедия*). Два очерка специально посвящены процессам дифференциации и контаминации в лексике (слова: *личность*, *персона*, *гуманность*; *романтический*, *романтизм*). Три момента характеризуют подход к анализу этих слов в книге.

Косериу отмечал два типа семантических изменений в диахронном плане: функциональное и нефункциональное. Нефункциональное изменение затрагивает только означающее, не касаясь означаемого. Так, французское слово *jument* «кобыла» сменило *cavale*, которое в свою очередь заняло место слова *ive*. Функциональное изменение касается и плана содержания: вместе с означающим эволюционирует и означаемое. Так, внутри прежнего *chef* «голова» создалось противопоставление *chef/tête*. *Tête* не просто заменило слово *chef*, но вступило с ним в определенные семантические отношения, взяв на себя часть его функций. Невозможно изучать эволюцию одного из них, не касаясь другого [6]. Если в первом случае имеет место лишь ономасиологическое изменение, то во втором — подлинно семасиологическое. «Культурные» ключевые слова, о которых идет речь в рецензируемой книге, относятся к лексемам второй категории. Здесь, как отмечает во вводной главе Р. А. Будагов, приходится вести исследование одновременно на двух уровнях, проводя анализ как самого слова, так и обозначаемого им понятия (явления). Поскольку функциональные семантические изменения всегда связаны с системными отношениями между словами, именно к ним в первую очередь приложимы слова Бальдингера о том, что всюду, где речь идет об истории слова, вместе с тем идет речь и об эволюции системы [7]. Поэтому не случайно, что все рассматриваемые Р. А. Будаговым слова исследуются не «в одиночку», но в их системных отношениях с ближайшими соседями — синонимами (например, *культура* — *цивилизация*) или антонимами (*культура* — *натура*). Таким образом устраняется односторонность как «лингвистического атомизма» (отрыв элемента от связанных с ним элементов в системе), так и «лингвистического холизма» (непризнание относительной самостоятельности элементов внутри целого). Соотношение целого и части в приложении к изучению эволюции слов получает в книге Р. А. Будагова диалектическое истолкование, что особенно ценно в общеметодологическом отношении.

Второй, исключительно важной чертой исследования является сама его диахроническая направленность. Л. В. Щерба говорил, что в истории языка нужно прослеживать не

---

[3] E. Benveniste, Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes, 1—2, Paris, 1970.

[4] G. Gougenheim, Les mots français dans l'histoire et dans la vie, 1—2, Paris, 1968.

[5] См., например, анализ терминов *féodal* и *seigneurial* в средневековых текстах в ст.: R. Robin, Histoire et linguistique, premiers jalons, «Langue française», 9, 1971, важнейших терминов политического словаря в ст.: J. B. Marcellesi, Socialisme: monosémie et polysémie, «Langue française», 4, 1969; G. Provost, Approche du discours politique: «socialisme» et «socialiste» chez Jaurès, «Languages», 13, 1969; W. Krauss, Zur Bedeutungsgeschichte von «materialisme», сб. «Struktur und Funktion des sozialen Wortschatzes in der französischen Literatur», Halle (Saale), 1970; его же, Zur Bedeutungsentwicklung von «révolution», там же. См. также материалы коллоквиума по политической лексикологии в Сен-Клу (1968) в «Cahiers de lexicologie», 13 (1968), 14, 15 (1969). Для выявления слов-свидетельств большой интерес представляют сборники «модных» слов типа «Les mots „dans le vent“», Paris, 1971.

[6] См.: E. Coseriu, Pour une sémantique diachronique structurale, «Travaux de linguistique et de littérature de Strasbourg», II, 1, Paris, 1964.

[7] K. Baldinger, L'etymologie d'hier et d'aujourd'hui, «Cahiers de l'Association internationale des études françaises», 11, 1959.

судьбу прошлого, но генезис настоящего [8]. Такая точка зрения последовательно проводится в рецензируемой книге. Например, значения слов *личность*, *персона*, *гуманность* в переломную эпоху Возрождения анализируются не только в плане «обращения назад», к античности, но главным образом в плане их обращенности вперед, к новому пониманию природы человека (стр. 143). Это позволяет понять, как формировалось новое значение «человек в его достоинстве» у слова *личность*, как происходило разграничение антропологических и морально-этических аспектов у слова *humanitas*, как и почему возникло слово *гуманизм* и т. д. Ориентация на современность придает дополнительный интерес и поучительность книге: читатель не просто знакомится с судьбой отдельных слов, но и постигает, каким образом создавались, переплетались, дифференцировались понятия, играющие важнейшую роль в духовной жизни современного человечества, почему те или иные слова не могли ранее определенной эпохи получить те значения, которые являются основными для них в наши дни.

И еще одна особенность. Глубокий анализ материала с привлечением интереснейших сведений из различных областей знания служит не только для того, чтобы показать историю данных слов в связи с эволюцией соответствующих понятий. В каждой главе исследование конкретного материала выступает как подтверждение выводимого автором какого-либо определенного закона семантической эволюции слов, и прежде всего, слов, относящихся к сфере культуры. Этот аспект исследования представляется нам особенно интересным, и мы остановимся подробнее на некоторых из этих закономерностей.

Первая, наиболее общая из них: возникновение слов, дифференциация значений слов в связи с дифференциацией понятий, сфер деятельности. Это — одна из существенных закономерностей в развитии слов-ключей. Наука и искусство первоначально не расчленялись, отмечает Р. А. Будагов (стр. 71), о чем свидетельствуют данные различных языков. *Science* и *art* в старофранцузском языке использовались как синонимы. Техника также не вычленялась первоначально из искусства в широком плане, что подтверждается происхождением от общего корня *art* французских слов *artisan* «ремесленник» и *artiste* «художник» (к этому можно было бы добавить, что до сих пор французские слова *oeuvre* и *ouvrage* означают не только художественные произведения, но и инженерные сооружения). Возникновение современной науки в эпоху Возрождения привело к разграничению пары *science/art*. Промышленная революция XVIII в. привела к переосмыслению и к превращению в ключевые слова вокабул *техника*, *индустрия*, *машина* (стр. 79 и сл.). С этой семантической трансформацией связана и дифференциация переносных значений слов. *Искусство* обозначает мастерство в плане «внутреннего мастерства» («дарование»), *техника* — в плане «внешнего мастерства» («навыки») (стр. 91). Отметим, что этот вывод полностью подтверждается данными французского языка, где сохранившееся у слова *art* значение «техническая деятельность» свойственна ему только в форме множественного числа: разграничение значений сопровождается частичной дифференциацией форм. Недостаточная расчлененность искусства и науки препятствовала, оказывается, и слову *гений* приобрести в ту эпоху современное значение (стр. 164).

Вторая закономерность: превращение лексемы в ключевое слово сопровождается перестройкой ее семантической структуры. «Культурное» значение слова может развиваться на базе одного из его значений, может быть и не самого важного. Но как только это значение стало ключевым, все остальные смыслы этого слова, не согласующиеся с данным значением, отходят на второй план, попадают в разряд архаизмов или же совсем устраняются из его семантической структуры. Разумеется «ключевое» слово не превращается сразу же в моносемический термин, оно развивается по тем же законам, что и другие слова языка, но его многозначность проявляется в сфере его нового «ключевого» значения, его новые значения оказываются производными от «ключевого» значения и образуются путем переноса или специализации этого теперь уже основного значения слова. Данная закономерность прекрасно иллюстрируется в книге историей слов *art* и *technique*. Оба они первоначально содержали значения «уловка», «хитрость», которые исчезают по мере того, как эти слова начинают обозначать ключевые для данной эпохи понятия. Дальнейшие переосмысления слов связаны уже с новыми их значениями (стр. 74, 91). Это «очищение» ключевых слов от побочных значений, их закрепление за определенным кругом понятий является предпосылкой другой закономерности их развития — тенденции к терминообразованию — на которой мы остановимся ниже.

Третья закономерность: понятие «обгоняет» слово, оно возникает раньше, до того, как становится значением слова, которое исторически оказывается его выразителем (стр. 126). В области материальной деятельности мы имеем дело с обратной тенденцией: обозначение (слово в данном значении) появляется

[8] Л. В. Щерба, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Некролог, «Изв. по русскому языку и словесности» АН СССР, III. кн. 1, 1930, стр. 319.

вместе с изобретением предмета. В области духовной жизни определенное понятие, к которому общество пришло в силу своей эволюции, может получать различные «случайные», описательные неспецифические обозначения прежде, чем оно находит окончательную форму своего выражения. Формулируя этот закон, Р. А. Будагов иллюстрирует его рядом убедительных примеров. Так, до появления слова *культура* в его современном значении, соответствующее понятие уже формировалось в сознании людей, некоторые ученые специально разрабатывали его (например, Дж. Вико). Однако это понятие выражалось тогда словами *civiltà*, *umanità* (итал.), *police*, *courtoisie* (франц.), *Bildung* (нем.) и др. (стр. 127). Об этом же рассказывается и в изящном очерке, посвященном слову *драма*. Когда в XVII—XVIII вв. изменились эстетические взгляды и назначение театрального искусства, появилась потребность обозначить пьесу вообще, независимо от ее принадлежности к жанру комедии или трагедии. Вначале с этой целью стало использоваться в расширительном значении слово *комедия*, как немаркированный член оппозиции *комедия/трагедия* (это значение сохранилось, в частности, во французских словах *comédien*, *Comédie-Française*), позднее появилось слово *драма*, уступившее в дальнейшем свое место слову *пьеса* (стр. 202). И здесь понятие предшествовало слову, которое стало его точным обозначением.

Четвертая закономерность: «к л ю ч е в о е» п о н я т и е, приобретающее особую важность в жизни общества, п о л у ч а е т п о ч т и о д н о в р е м е н н о н е с к о л ь к о о б о з н а ч е н и й, конкуренция между которыми способствует дифференциации понятий и составляет внутреннюю основу семантического развития этих слов (стр. 123). Эта «избыточность», как отмечает Р. А. Будагов, дает возможность тонко дифференцировать оттенки понятий. Но вместе с тем, она наблюдается нередко в силу того, что идея, «носящаяся в воздухе», ставшая необходимой человечеству, падает в разные умы, получая при этом различные наименования, а также потому, что избыточность средств обозначения обеспечивает фиксацию и сохранение важного понятия. Множественность обозначений и борьба между ними получает в книге наглядное представление на примере слов *культура* и *цивилизация* (стр. 123).

К этой закономерности примыкает пятая: с х о ж д е н и е и р а с х о ж д е н и е с м ы с л о в ы х а р е а л о в слов, как основа их внутреннего развития. Слова, относящиеся к сфере духовной культуры, обозначают понятия с нечеткими границами. Философы, историки, писатели или лингвисты, пользующиеся этими словами, вкладывают в них порой различное содержание, иногда весьма специфическое и индивидуальное (см. разбор особого понимания слова *гений* у Канта, стр. 170). В связи с этим парные термины то синонимизируются, то расходятся в своих значениях, превращаясь подчас в омонимы. Это способствует шлифовке семантики слов, но в этом проявляется вместе с тем и поступательное развитие мысли. Перипетии развития значений слов в их оппозициях разбираются в книге при анализе пар: *природа — натура*, *культура — цивилизация*, *талант — гений* и др.

В этой борьбе проявляется еще одна тенденция, свойственная изучаемым словам — т е н д е н ц и я к т е р м и н о о б р а з о в а н и ю. Ограничение плана содержания данного слова, включение его означаемого в систему понятий, освоение его определенной философской или эстетической теорией, приводит к тому, что слово превращается в термин. Это наглядно показано на истории слова *юмор* (стр. 193 и сл.) и особенно слова *романтический*, *романтизм* (стр. 224—239).

Материал книги иллюстрирует известные семантические законы, например формирование отвлеченных значений на базе вещественных значений слов (см. анализ слов: *персона* — стр. 135 и сл., *талант* — стр. 157 и сл., *юмор* — стр. 176), а также некоторые закономерности семантического развития слов, выявленные и описанные автором ранее в его других работах, например, роль промежуточного звена в развитии значения слова (см. историю слова *драма* и др.).

Сама проблема «история слов в истории общества» ставит перед исследователем чрезвычайно сложные задачи. В данной книге речь идет не о какой-нибудь отдельно взятой стране, но о Европе в целом. Поэтому выявляется прежде всего то общее, что свойственно словам разных языков: русским, французским, английским, немецким, испанским, итальянским, обозначающим понятия, общие для европейской культуры. Мы видим, что французское слово *art*, немецкое *Kunst* и русское *искусство*, имеющие разную этимологию, более близки друг другу в их основных современных значениях, нежели французское *art* и латинское *ars*, этимологически связанные друг с другом. И это объясняется существенными изменениями, происшедшими в жизни Европы за двадцать столетий. Но при этом автор систематически отмечает различия в оттенках значения сопоставляемых слов в разных языках: разницу между русским *искусство* и французским *art*, между словами *личность* и *personne*, *драма* и *drame*, русским словом *цивилизация*, французским *civilisation* и английским *civilization*. Это постоянное внимание к соотношению между общим и особенным в развитии данных слов — одна из сильных сторон рецензируемой книги, важная в методологическом отношении. Слово — атом языка, и подобно

атому, оно неисчерпаемо. В отдельных случаях, однако, можно было бы внести дополнительные уточнения в историю слов. В книге (стр. 109) отмечается, что слово *культура* переходит от обозначения процесса («культивирование») к обозначению субстанции постепенно, тогда как слово *цивилизация* сразу осмысляется как обозначение состояния, а не действия. Это действительно имеет место в английском и русском языках. Во французском же языке это слово появилось впервые, по данным словаря «Малый Робер», в 1734 г. с процессуальным значением «приобщение к культуре», «воспитание культурности», «смягчение нравов». Значение же состояния — «совокупность черт, свойственных более развитым человеческим обществам» — фиксируется только в 1828 г. Примеры на первые употребления этого слова, приводимые Бенвенистом[9], показывают процессуальное значение термина. И современные французские словари отмечают это значение в качестве исходного, иллюстрируя его такими примерами, как *La civilisation de la Gaule par Rome fut rapide* (*Grand Larousse*, 1972). Значение слова «цивилизация» было предметом специального обсуждения на Симпозиуме преподавателей французского языка в 1970 г., где было установлено, что слово это имеет два основных значения, устаревшее (= *acculturation*) и современное: «совокупность черт, свойственных какому-либо обществу» (без противопоставления первобытных и развитых обществ), и что в этом смысле оно полностью соответствует одному из значений слова «культура» в английском и испанском языках (можно прибавить, и в русском) [10].

Таким образом во французском языке слово «цивилизация» проделала тот же путь, что и слово «культура», перейдя от выражения процесса к обозначению состояния, с той разницей, что если слову «культура» для этого понадобилось, как отмечает Р. А. Будагов, несколько столетий, то лексема «цивилизация» претерпела такое изменение за несколько десятков лет.

Рецензируемая книга представляет двоякий интерес: методологический и познавательный. Выведение общих закономерностей, свойственных историческому развитию слов «культурного слоя», подтверждение ряда общих семантических законов, принципиальный и постоянный учет диалектического единства между частью и целым, соотношения между общим и особенным в поступательном развитии языка, материалистический взгляд на отношение между словами и вещами, а следовательно и на язык в целом, все это делает книгу важным вкладом в методологию историко-семасиологических исследований. Но книга эта ценна и в познавательном отношении. Перед читателем проходит — отраженная в магическом кристалле слов — панорама духовной жизни Европы, от античности до наших дней, ее история, философия, искусство. Сквозь эволюцию значения слов автор показывает различие древнего и современного миросозерцания людей, формирование новых понятий, с которыми связываются слова, играющие ведущую роль в семантической системе современных европейских языков. Хотя исследуемые слова относятся к разным сферам человеческого бытия, они объединяются, как это показывается в книге, внутренними связями, как бы отражая единую сеть понятий. Исследование Р. А. Будагова показывает, что большинство из этих слов возникло или приобрело нынешнее значение в европейских языках в XVIII в., который предстает, следовательно, как эпоха становления многих ключевых элементов современной системы идей. Лингвистические данные отражают с большой точностью ту роль, которую этот век — век промышленной революции и философии просветителей, век зарождения трех составных частей марксизма — сыграл в истории европейских народов.

В целом книга «История слов в истории общества» дает пример историко-семасиологического исследования, подтверждая необходимость и намечая пути разработки проблемы «язык и общество» в их исторической взаимосвязи. Некогда филология включала в себя и лингвистику, и историю литературы, и элементы истории культуры. Затем эти дисциплины отделились друг от друга, чтобы через несколько десятилетий вновь объединиться, но уже на новой основе. Чем дальше развивается семантика, тем становится все яснее, что ее проблемы не могут быть удовлетворительно разрешены вне отношений «язык — действительность», «язык — история», «язык — общество». Новая книга Р. А. Будагова, удачно синтезирующая проблематику лингвистики с историей культуры и, шире, историей общества, будет способствовать плодотворному направлению семасиологических исследований и утверждению взгляда на язык как на социально-историческое явление.

В. Г. Гак

---

[9] E. Benveniste, Problèmes de linguistique générale, Paris, 1966, стр. 338—339.

[10] «Le français dans le monde», 78, 1971, стр. 10.

«Проблема общности алтайских языков». — Л., изд-во «Наука», 1971. 404 стр.

Алтаистика, являющаяся составной частью сравнительно-исторического языкознания, имеет давние традиции. За истекшие сто пятьдесят лет был накоплен весьма значительный материал в области исторической фонетики, грамматики и лексикологии тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, который позволил сделать ряд далеко идущих выводов о генетическом родстве алтайских языков и соответственно — возможной реконструкции общеалтайского языкового состояния, о чем свидетельствуют появившиеся в последние десятилетия опыты построения сравнительной фонетики и морфологии алтайских языков. В этих работах безоговорочное признание нашла точка зрения, согласно которой общность алтайских языков объясняется их генетическим родством, т. е. их происхождением из общего источника. Так, Н. Поппе в своей монографии прямо указывал на то, что он «... не сомневается в том, что звуковые и морфологические соответствия между монгольской, тюркской и маньчжуро-тунгусской языковыми семьями не основываются ни на случайных совпадениях, ни на заимствовании, а являются свидетельством исконного родства» [1]. В другом месте той же работы Н. Поппе подчеркивал: «*Независимо от того, являются* ли монгольские, тюркские и маньчжуро-тунгусские языки исконно родственными или нет, можно установить, что в данных языковых семьях представлены остаточные формы более древнего языкового состояния, которое обнаруживает не терпящие никаких исключений закономерные фонетические корреспонденции» [2].

Данное решение, однако, не является единственным в алтаистике. Как в прошлом веке, так и в настоящее время различные исследователи высказывали сомнение в возможности построения сравнительной грамматики алтайских языков и реконструкции общеалтайского языкового состояния. Так, совсем недавно А. М. Щербак со всей определенностью подчеркивал: «Существование урало-алтайской гипотезы и связанные с этим бесплодные поиски параллелей явились большой помехой для углубленной разработки частных проблем и на много лет отвлекли крупные научные силы от создания сравнительных грамматик тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков» [3].

Авторы рецензируемого сборника, в подавляющем большинстве не разделяя скепсиса А. М. Щербака и других противников алтайской теории, оптимистически смотрят на возможность построения сравнительной грамматики алтайских языков и ставят перед собой задачу на уровне современного состояния алтайского языкознания и в опоре на большой фактический материал внести свой вклад в разработку и решение вопроса о генетических связях алтайских языков. Предвосхищая все, что будет сказано ниже, подчеркнем, что с нашей точки зрения авторы рецензируемого сборника стоят на правильном пути и предлагают много интересных и плодотворных решений.

Следует прежде всего отметить, что коллектив авторов (в том числе и ответственный редактор сборника О. П. Суник) бесспорно правы, когда они не ограничиваются одним аспектом языка, а привлекают все уровни языковой системы: фонетику, грамматику, лексику. Как известно, до недавнего времени считалось (и это было специально обосновано представителями французской лингвистической школы), что лексика не может служить опорным пунктом при решении вопроса о языковом родстве. В настоящее время подобная *постановка вопроса нуждается в пересмотре* [4], и в этом убеждают также работы рецензируемого сборника, где исследуется лексический материал.

В этой связи большой интерес представляет статья В. И. Цинциус «Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков» (стр. 77—89). Автор подчеркивает: «При всей тщательности сравнительно-фонетических выводов для большей уверенности в правильности устанавливаемого архетипа необходимы дополнительные доказательства семантического и морфологического порядка. Мы считаем, что в этом отношении нужные исходные данные нам может предоставить прежде всего анализ лексики по тематическим разрядам. Будучи осуществляем с помощью методов внешней и внутренней реконструкции, этот предварительный анализ позволяет выявить набор определенных семантических и морфологических моделей, которые в пределах данного тематического разряда носят, как нам представляется по материалам алтайских языков, в целом устойчивый характер. В свою очередь, те модели, которые были установлены таким путем, дают исследователю новые возможности для обнаружения словарных единиц общего происхождения» (стр. 80). Приводя в качестве иллюстрации к данному постулату конкретный лексический материал из алтайских языков, включая и

[1] N. Poppe, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Tl. I — Vergleichende Lautlehre, Wiesbaden, 1960, стр. 3—4.

[2] N. Poppe, указ. соч., стр. 5.

[3] А. М. Щербак, Содержание урало-алтайской гипотезы, ее обоснование и оценка, «Изв. АН АзербССР». Серия языкознания, литературы и искусства, 1968, 1, стр. 62—70.

[4] См. об этом: Э. А. Макаев, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М.— Л., 1964, стр. 20 и сл.

корейский язык, В. И. Цинциус приходит к важному и, как нам представляется, вполне оправданному выводу о том, что «... указанное несовпадение в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках не является свидетельством против генетического родства этих языков, так как даже в бесспорно родственных тунгусо-маньчжурских языках это название представлено тремя различными лексемами...» (стр. 82).

По сути дела, к противоположному выводу, хотя и также опираясь на лексику, приходит С. Е. Яхонтов в статье «Лексика как признак родства языков» (стр. 110—120). Выбирая для анализа небольшое количество лексем по признаку их важности/частотности [5], учитывая наблюдение В. Котвича, согласно которому примерно 25% монгольских лексических элементов имеет тюркские соответствия (стр. 116), и используя метод глоттохронологии, С. Е. Яхонтов приходит к выводу: «... судя по характеру слов, общих для тюркских и монгольских языков, родства между ними скорее нет» (стр. 118). Далеко не все в этом построении представляется убедительным. Критерий важности/частотности является совершенно непригодным при определении генетического родства между языками на основе лексики. Ведь в каждом языке (и даже в различные периоды его истории) «более важные и менее важные слова», как выражается автор, распределяются настолько индивидуально, что это лишает возможности использовать данный (к тому же часто и весьма субъективный) критерий для определения степени родства между языками. То же замечание относится и к принципу частотности: ведь в каждом языке, древнем и современном, в различных функциональных стилях частотность таких лексем, как «ухо», «рот», «нос», «лицо», «дождь», «луна», «солнце», «ветер» и т. д. (примеры автора статьи), будет иной. Приведем пример: если бы для доказательства родства древнеиндоиранских и германских языков были использованы, с одной стороны, гимны Ригведы, а, с другой стороны — древнеисландские уложения, то частотность указанных лексем была бы поразительно различной. Кроме того, даже если слова высокой частотности одного языка по тем или иным причинам не представлены в другом языке, то и в этом случае мы можем говорить о родственных отношениях между этими языками при условии наличия корреспонденций в других уровнях языка. Ср. отсутствие многих общеиндоевропейских лексем высокой частотности в греческом и в кельтских языках, что не препятствует, однако, их признанию языками родственными и относящимися к одной языковой семье, связанной родственными узами. Не помогают и статистические выкладки: ни глоттохронология, ни вычисление общих двум языкам лексем в процентах [6]. Можно смело утверждать, что если исследователи алтайских языков при анализе лексики будут использовать методику, предложенную В. И. Цинциус (см. об этом выше), это позволит значительно увеличить количество лексических соответствий в тюркских и монгольских языках [7], В. Котвичем определяемое в 25%.

В журнальной рецензии нет возможности подробно остановиться на методе глоттохронологии, но следует указать на то, что данный метод вообще непригоден для определения степени родства для различных языков или языковых семей [8]. Если использовать список М. Свадеша для сравнения армянского и английского языков, то мы придем к заведомо ложному выводу о том, что данные языки не являются родственными. Нельзя согласиться и с попыткой определить методом глоттохронологии время распадения общеязыкового состояния: алтайского, индоевропейского, семитского, финноугорского и т. д. Дело в том, что распадение общеалтайского, общеиндоевропейского, общесемитского и т. д. всегда происходило ступенчато, в разных ареалах с различной хронологической глубиной и с различным темпом; так, распад индоевропейской языковой общности, вычленение и стабилизация отдельных ареалов охватывали по меньшей мере несколько тысячелетий, и поэтому не приходится говорить о некоторой точке отсчета для процесса распада общеязыкового состояния, но именно это необходимо для глоттохронологии. В силу вышеизложенного невозможно согласиться с выводами, к которым приходит С. Е. Яхонтов: «Таким образом, вычисляемое мето-

[5] Ср. следующее положение автора: «Нам предстоит прежде всего выделить в этой лексической группе слова более важные и менее важные. ... Но все же, за неимением другого достаточно простого критерия, будем исходить из частотности» (стр. 113).

[6] Столь же нерезультативным оказалось и другое исследование подобного типа, см.: Дж. Клоусон, Лексикостатистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5.

[7] Любопытства ради укажу на то, что количество индоевропейских соответствий, обнаруживаемых в словарном составе армянского языка, постоянно возрастает: так, Г. Хюбшман в 1883 г. насчитывал 299 соответствий, а в 1897 г.— 438; Р. Ачарян насчитывал в 1937 г. уже 743 соответствия и т. д. (см.: Э. Макаев, Армяно-индоевропейские лексические изоглоссы и ареальная лингвистика, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 20, 5—6, 1967, стр. 452).

[8] См. об этом: Л. Лигети, Алтайская теория и лексикостатистика, ВЯ, 1971, 3.

дом глоттохронологии время разделения общего алтайского языка (если предположить, что он существовал) трудно согласовать с особенностями фонетических соответствий, связывающих тюркские и монгольские языки. Это является еще одним косвенным доводом против предположения о родстве тюркских языков с монгольскими» (стр. 119).

Большой интерес представляют статьи сборника, где рассматриваются отдельные лексические группировки в различных алтайских языках (работы В. И. Цинциус, В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, Г. Е. Корнилова, Т. А. Бертагаева и др.). Материалы, собранные в этих работах, окажут неоценимую услугу при построении сравнительно-исторической лексикологии тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и алтайских языков в целом. Задачей ближайшего будущего должно явиться создание исторической лексикологии отдельных алтайских языков, этимологических словарей алтайских языков, сравнительной грамматики алтайских языков.

Центральной проблеме рецензируемого сборника — проблеме общности алтайских языков — посвящены работы О. П. Суника «Проблема общности алтайских языков» (стр. 7—21), И. В. Кормушина «К методике сравнительного изучения алтайских языков» (стр. 22—30), Н. А. Сыромятникова «Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках» (стр. 51—64), Г. П. Мельникова «Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики» (стр. 65—76), Н. А. Баскакова «Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков» (стр. 315—321), И. В. Кормушина «Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков» (стр. 362—365). В этих работах поднимается ряд важных вопросов общеметодологического характера; остановимся на одном из этих вопросов.

В вышеназванных статьях речь идет о языковом родстве, о генетически родственных языках, о сравнительно-исторической характеристике алтайских языков, но в то же время отсутствует единая точка зрения на понятие языкового родства. Историческая общность алтайских языков может быть объяснена: 1) как следствие распадения общеалтайского языка и образования отдельных ареалов алтайской языковой общности [9]; 2) как следствие типологической конвергенции различных языков в результате языковых контактов и языковой интерференции [10]. Некоторые авторы сборника придерживаются первой точки зрения (например, С. Е. Яхонтов: «Поэтому ниже родство языков будет пониматься в том смысле, которое вкладывал в это понятие Б. Я. Владимирцов» — стр. 111). Другие авторы считают возможным сочетать обе точки зрения. Так, О. П. Суник утверждает, что постулирование «праязыка» и допущение «языкового союза» при объяснении языковой общности вполне возможны, «причем одно из этих предположений не исключает, а только дополняет и уточняет другое» (стр. 10).

Мне представляется, что в определении нуждается прежде всего понятие алтайской языковой общности. В том случае, если между отдельными группами алтайских языков обнаруживаются общие черты, многие из которых либо могут быть объяснены заимствованиями из одного языка в другой или из общего источника, либо получают объяснение как следствие сходного развития в двух или нескольких языках, то тогда мы можем оперировать понятием конвергентного развития, могущего привести к формированию языкового союза. В том случае, если отдельные алтайские языки обнаруживают закономерные звуковые корреспонденции, позволяющие устанавливать тождество словоизменительных и деривационных морфем, мы должны говорить о генетическом родстве алтайских языков, и только оно одно обеспечивает возможность реконструкции алтайского праязыка.

О. П. Суник бесспорно прав, полагая, что «конечная цель алтаистических исследований не сводится только к гипотетическому восстановлению той или иной системы праалтайских или протоалтайских элементов» (стр. 20). Но следует отметить, что для подавляющего большинства компаративистов сравнительно-исторический анализ определенной семьи языков никогда не сводился лишь к восстановлению его праязыка. В то же время построение сравнительной грамматики алтайских

---

[9] Ср., например, замечание Б. Я. Владимирцова: «Монгольский язык считается родственным тюркскому и тунгусскому потому, что эти три языка получились в результате различной эволюции одного языка, на котором когда-то говорили; монгольский язык вместе с тюркским и тунгусским имеют одного общего предка, которого условно можно называть алтайским языком» (Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 45).

[10] Ср., например, высказывание В. Л. Котвича, признававшего возможность говорить «о существовании особой алтайской языковой семьи. ... Однако ее основу составляют не генетические связи, а типологическое сходство, которое объясняется тем, что тюркские, монгольские и тунгусские языки идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями» (В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 351—352).

языков без реконструкции их исходного состояния, т. е. алтайского праязыка, просто невозможно. И наоборот: если возможно построение сравнительной грамматики алтайских языков, то это оказывается выполнимым лишь при наличии генетического родства алтайских языков и при реконструкции алтайского праязыка. Оперирование такими понятиями, как «типологическое сходство», «конвергентное языковое развитие» и «языковой союз», и исследования в этом направлении не приведут и не могут привести к созданию сравнительной грамматики алтайских языков [11].

В свете вышеизложенного можно прийти к выводу, что одной из насущных задач алтаистики явится углубленная характеристика общеалтайского языкового состояния на основе установления строгих звуковых корреспонденций. Их значение на данном этапе развития алтайского языкознания трудно переоценить. В этой связи следует отметить, что в сборнике, специально посвященном общности алтайских языков, собственно фонетические проблемы освещаются лишь в двух статьях.

В заключение отметим, что в рецензируемом сборнике из всех аспектов языка наиболее интересно и глубоко была разработана лексикология; было бы желательно в дальнейшем выпустить в свет еще две книги: одну, посвященную морфологии, и другую, посвященную фонетике алтайских языков. Можно без преувеличения утверждать, что рецензируемая книга послужит хорошим стимулом для дальнейшей разработки алтайского языкознания. Данный труд — яркое доказательство того, что влачившая долгие годы жалкое существование алтайская гипотеза постепенно, но неуклонно превращается в строго научное и хорошо фундированное сравнительное алтайское языкознание.

Э. А. Макаев

[11] Подробнее об этом см.: Э. А. Макаев, О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства, сб. «Энгельс и языкознание», М., 1972.

O. Szemerényi. **Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft.**—Darmstadt, «Wissenschaftliche Buchgesellschaft», 1970. стр. XIV + 311.

О развитии науки можно судить и по учебникам; новое введение в индоевропейское языкознание, принадлежащее перу одного из крупнейших специалистов, показывает, как далеко ушла индоевропеистика в сравнении с тем уровнем, который отражен, например, в учебнике, написанном Крае [1]: рецензируемая книга — введение в «высшую индоевропеистику», в то время как книга Крае могла бы сейчас квалифицироваться как введение в «элементарную индоевропеистику».

Чтение «Введения» О. Семереньи доставляет удовольствие. В нем, помимо внешней упорядоченности разделов и глав, есть внутренняя логика: оно начинается с анализа средневековой этимологии deus dictus quod ei nihil desit... и с сожаления о том, что в войске Александра Македонского не было лингвиста — и кончается высказыванием Куриловича о том, что при восстановлении праязыковых состояний следует ограничиваться лишь теми периодами, которые граничат с исторически реальными эпохами.

Книга состоит из девяти разделов. Первые три раздела (стр. 1—30) посвящены общим вопросам генетического родства языков и сравнительно-исторического метода, закономерностям исторического изменения языков, задачам индоевропейского языкознания,— в частности, вопросу о том, какие языковые единицы подлежат реконструкции. Здесь же можно указать на чрезвычайно полезную черту книги: после каждого параграфа следует рекомендательный список литературы, содержащий и новейшие работы. Нередко упоминаются последние работы советских ученых, приятно было встретить среди упоминаемых работы И. А. Перельмутера и Т. Я. Елизаренковой, О. Н. Трубачева и Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова и др.

Следующий раздел — историческая фонетика (стр. 31—64). Здесь важно принятие трех рядов гуттуральных, специальное обсуждение монофононематичности лабиовелярных, реконструкция глухих придыхательных. Приводятся и соответствия, противоречащие наиболее распространенным, типа др.-инд. *hanu-* ~ др.-греч. γένυς, гот. *kinnus* или др.-инд. *hṛd-* ~ др.-греч. καρδία, литов. *širdìs* [2].

[1] H. Krahe, Indogermanische Sprachwissenschaft, I—II, Berlin, 1958—1959.

[2] От последнего соответствия автор отказался в новой работе «The Indo-European name of the „heart“» («Donum balticum», Stockholm, 1970, стр. 515—533), принимая контаминационное объяснение $\overset{*}{\sqrt{\hat{k}erd-}} \times \overset{*}{\sqrt{gherd-}}$ (др.-греч. χορδή и т. п.).

Пятый раздел (стр. 65—103) содержит проблемы морфонологии: теорию ударения и сведения об аблауте, описание структуры слога (закон Зиверса — Эджертона) и данные о комбинаторных изменениях на стыках морфем. Интересен параграф о чередованиях согласных. Особо рассматривается проблема фонетической структуры морфемы; регистрируются следующие типы корня: *VC*, *CVC*, *CCVC*, *CVCC*, *CCVCC*, *CCCVC*, *CCCVCC*, *CV*, *CCV*, *CVCV*, *CVCVC* и приводится «формула корня»: (*S*) (*T*) (*R*)*e*(*R*) (*T*/*S*).

В шестом разделе (стр. 104—142) рассматриваются вопросы предыстории индоевропейской фонетической системы: ларингальная гипотеза; теория корня Бенвениста; происхождение долгой ступени, качественных чередований, трех рядов гуттуральных и т. п.

Морфология имени входит в седьмой раздел книги (143—185), особенно богатый новыми интересными мыслями. Особенно важно рассуждение об окончании род. падежа ед. числа *-*e*/*osi̯o*, которое большинством ученых рассматривалось как распространенное в ограниченном ареале. Семереньи убедительно показывает, что и латинское -*i* может восходить к тому же *-*osi̯o*; определяющим для развития было склонение на *-*i̯o*: *-*iosi̯o* > > *-*i̯oi̯i̯o* > *-*ii̯o* > -*ī*; каждый шаг в таком развитии может быть подкреплен примерами из латинской исторической фонетики; предложенное объяснение поддерживается фалискским (*Kaisiosio* = *Caesii*); древнеирландское -*i* могло иметь такое же происхождение. Интересно истолкование закона Каланда в соответствии с разработанным Семереньи учением об индоевропейской синкопе [3]: κυδρός//κυδιάνειρα<*κυδι-ρό-ς//*κυδι-άνερ-i̯α. Излагаются соображения о происхождении различий между протеродинамическим и гистеродинамическим типами, между типами *vr̥kī* и *devī*, судьбы основы * *ner-* и т. п.

В восьмом разделе (стр. 186—211) описывается морфология местоимений и числительных. И здесь много нового. Предлагается, например, объяснение разноосновности местоимений: им. пад. *k^{u}*i-s*, но род. пад. *k^{u}*e-si̯o*; бессонантная основа возникла в результате диссимиляции из *k^{u}*ei̯-si̯o*; в дат. падеже действовала к тому же и гаплология: *k^{u}*esmei* < *k^{u}*ei̯-ei-smei*.

Девятый раздел (морфология глагола, стр. 212—311) состоит из шести глав: A. Личные окончания, тематический гласный, залоги; B. Наклонения; C. Временные основы; D. Парадигмы; E. Неличные формы; F. Предыстория. Последняя глава снова возвращает читателя к глоттогонической тематике. Как частное можно отметить, что Семереньи объединяет тематические и атематические окончания; весьма ценно общеметодическое замечание о слабостях редукционных операций, об опасностях реконструкции ad infinitum. Можно, однако, указать и на пути преодоления некоторого реконструкционного предела : обеднения системы морфологических категорий можно избежать, обращаясь к морфологической семантике, к таким категориям, как именные классы, косвенные диатезы, эвиденциал, таксис.

В книге нет синтаксического раздела, нет сведений о композитах, что объясняется, вероятно, творческим характером книги, тем, что автор излагает свои взгляды, предлагает введение именно в сферу своих идей и интересов.

Конечно, это очень актуально; остается надеяться, что скоро появится и обещанное Семереньи (стр. 12) «Введение в индоевропейскую филологию».

Л. Г. Герценбер

[3] O. Szemerenyi, Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent, Naples, 1964.

А. А. Москалев. **Грамматика языка чжуан.** — М., изд-во «Наука», 1971. 336 стр.

Рецензируемая книга посвящена описанию фонологической системы и грамматического строя одного из малоизученных тайских языков. Расширяя и обогащая наши представления о тайских языках, эта работа может быть использована при создании капитальных трудов по общему языкознанию, в которых должны получить достаточное отражение самобытные черты и закономерности, присущие языкам народов Азии. Поскольку язык чжуан является ярким представителем языков изолирующего строя, бытующие в нем явления представляют особый интерес для китайского языкознания.

Композиция книги традиционна — введение и три больших части, соответственно посвященных фонологии, морфологии и синтаксису языка чжуан.

Фонологическая часть [1] охватывает

[1] А. А. Москалев многие годы посвятил собиранию, обобщению и научному истолкованию сведений по фонологии и фонетике чжуан. Описание фонологического аспекта звуковой системы языка в значительной части основано на материалах слуховых наблюдений, проводившихся автором непосредственно в полевых условиях в период командировки в город Умин

круг вопросов, связанных с фонологической характеристикой чжуанского слога, и имеет самостоятельное значение, поскольку в языке чжуан слог выступает в качестве не только важнейшей фонологической, но и лексико-морфологической единицы. Этим, видимо, следует объяснить также и то, что из суперсегментных, просодических средств автор рассматривает лишь систему тонов, оставляя в стороне вопросы словесного ударения.

Морфология как по объему, так и по своему конкретному содержанию является важнейшей частью рецензируемой книги. Эта часть работы распадается на два больших раздела: словообразование и классы слов; стр. 80—84 посвящены классификации морфем.

А. А. Москалев дает подробное описание сложения, редупликации и аффиксации как трех основных способов в системе словообразования языка чжуан, учитывая при этом тонкие особенности, связанные с фонемными, тональными и семантическими характеристиками лексических единиц. Убедительным представляется основной вывод автора о том, что ведущим способом чжуанского словообразования является сложение [2].

Важная черта словообразовательной системы языка чжуан, отмеченная А. А. Москалевым,— а именно то, что сложные слова по характеру отношений, существующих между их компонентами, соотносятся с синтаксическими конструкциями, присуща также и китайскому языку. Здесь, собственно говоря, можно констатировать общность внутреннего механизма сцепления корневых морфем в сложном слове и соответственно слов в словосочетании.

Убедительно аргументировано мнение автора о том, что результативные образования (глагольная морфема + глагольная или качественная морфема) представляют собой словосочетания, а не сложные слова результативной модели, как в китайском языке (стр. 89). Заслуживают внимания замечания о том, что в чжуан некоторые лексические образования, возникшие в результате редупликации морфем, лежат на грани словообразования и словоизменения (стр. 91).

Проделанный в работе семантический анализ суффиксальных морфем позволил сделать интересный вывод о наличии в чжуан своеобразных средств негативной коннотации лексического значения некоторых существительных и прилагательных.

А. А. Москалев под классами слов понимает «группы (разряды) слов, характеризующихся общностью поведения в речи, т. е. общими синтаксическими свойствами» (стр. 103). При классификации слов языка чжуан он учитывал «способность или неспособность слова употребляться в качестве члена синтаксической конструкции или члена предложения; способность или неспособность слова употребляться изолированно; дистрибуционные возможности слов» (стр. 103). Можно согласиться с таким решением вопроса, так как для языков изолирующего строя, и в частности для языка чжуан, синтаксический критерий действительно является ведущим при распределении слов по соответствующим классам. Вместе с тем следует заметить, что коль скоро классы слов (части речи) являются лексико-грамматическими категориями, учет семантики подвергаемых классификации языковых единиц практически неизбежен. Это, собственно говоря, и вынужден делать автор книги, занимаясь конкретной рубрикацией словарного состава языка чжуан.

В классификационных схемах широко используется дихотомическое деление, призванное отразить существующие в системе чжуан бинарные оппозиции (см., например, схемы на стр. 108 и 111). Это, естественно, придает классификации определенную стройность, однако иногда приводит к тому, что различные по своей лексико-грамматической природе слова оказываются включенными в один класс, относятся к одной категории.

Так, все слова языка чжуан подразделены на два больших класса: неслужебные слова и слова служебные. В основе данной дихотомии лежит постулат о том, что «если какое-либо слово языка чжуан способно самостоятельно составить высказывание, то оно не является служебным» (стр. 103). Исходя из этого, в рамках класса неслужебных слов объединены знаменательные части речи, названные неизолятивами, и так называемые изолятивы (междометия, а также слова, употребляемые при ответе на вопрос, переспросе и окриках). Знаменательные слова и междометия столь различны по своей языковой природе, что вряд ли целесообразно прибегать к искусственному объединению этих слов в рамках одного класса.

Различие между изолятивами и неизолятивами А. А. Москалев видит в том, что изолятивы не способны выступать в качестве члена предложения или члена синтаксической конструкции (стр. 105—106). По этому, наиболее существенному признаку изолятивы, таким образом, ближе

(КНР) в 1958—1959 гг. (см.: А. А. Москалев, Фонология языка чжуан. Канд. диссерт., М., 1968).

[2] Г. П. Сердюченко также считал сложение основным способом словообразования в языке чжуанцев. Он называл данный способ словосложением, указывая, что «можно установить по крайней мере пять основных типов возможных корне-(слово)слияний в сложном (сложносоставном) чжуанском слове» (Г. П. Сердюченко. Чжуанский язык, М., 1961, стр. 28—29).

стоят к служебным частям речи, нежели к словам знаменательным.

Более обоснованным и рациональным представляется четкое деление слов на знаменательные и служебные с выделением междометий в самостоятельную лексико-грамматическую категорию.

В разделе «Субстантивы», содержащем богатый фактический материал, проведена тщательная систематизация языковых явлений, всесторонне описаны многообразные черты и особенности, присущие словам данного класса. Вряд ли следует упрекать автора в излишней семантизации описания (существительные подкласса «вещества», существительные подкласса «невещества», существительные — названия лиц, существительные подкласса не-лиц), так как обычно смысловые различия между отдельными подклассами субстантивов подкрепляются собственно грамматическими различиями.

В разделе «Предикативы» несомненный интерес представляют материалы подраздела «Структура предикативов». Заметим, что квалификация сложных слов субъектно-предикативной модели (по нашей терминологии: предметно-качественные словосочетания) в качестве одной из разновидностей предикативов представляется правильной, так как эти лексические образования обычно функционируют в роли сказуемого (в китайском языке они, кроме того, способны выполнять функцию определения).

Противопоставленные друг другу субстантивы и предикативы как самые многочисленные и наиболее важные классы слов образуют фундаментальную оппозицию в грамматической системе чжуан; однако объединение глагола и прилагательного в одну общую категорию предикатива недостаточно аргументировано.

Предикативы подразделяются на два больших подкласса: объектные предикативы и безобъектные предикативы.

В разделе «Безобъектные предикативы» естественнее было бы сначала дать описание собственно безобъектных глаголов, а затем уже рассмотреть остальные разновидности глаголов этого класса. Среди материалов, посвященных безобъектным предикативам, внимание исследователей языков изолирующего строя, несомненно, привлечет раздел «Интенсивные прилагательные», содержащий описание структурно-семантических особенностей одного из самобытных явлений грамматики чжуан. Темой самостоятельного исследования могло бы стать выяснение сходства и различия, существующих между чжуанскими интенсивными прилагательными и так называемыми прилагательными с удвоенной второй морфемой в китайском языке [3].

В классификации наречий отражены такие особенности их синтаксического употребления, как позиционный диапазон (однопозиционные и двупозиционные наречия), характер синтаксической позиции (препозитивные и постпозитивные наречия), способность к обособлению (обособляемые и необособляемые наречия), сочетаемость со словами других лексико-грамматических классов (наречия, употребляемые с глаголами, и наречия, употребляемые с прилагательными) и, наконец, совместимость со служебными словами (наречия, употребляемые перед связкой, и наречия, не употребляемые перед связкой). Стройность этой грамматической классификации нарушают разряды, названные звукоизобразительными и незвукоизобразительными наречиями (стр. 224).

Фонолого-структурные и семантико-функциональные черты и особенности звукоизобразительных наречий весьма своеобразны; например, оппозиция гласных *а—е* в составе звукоизобразительных наречий указывает на разную степень интенсивности действия или степени качества.

А. А. Москалев определяет звукоизобразительные наречия как «слова, передающие разнообразные зрительные впечатления: о характере действия и тех или иных сторонах качества (цветовые оттенки, размер, форма и т. д.)» (стр. 226). Однако приведенный в книге перечень звукоизобразительных наречий (стр. 226—227) убеждает в том, что не все слова этой группы имеют такое значение.

Вызывает недоумение и тот факт, что отрицания (в частности, отрицание *bow*[3]) отнесены к категории наречия, т. е. к знаменательной части речи (стр. 231—232). Непонятно, почему этот разряд слов назван отрицательными наречиями. Как известно, этим термином в грамматике принято обозначать слова типа «нигде», «никогда», «никак».

В последнем разделе «Морфологии» рассматриваются служебные слова, которые разделены на пять классов: фразовые частицы, служебные слова, вводящие определения и обстоятельства, союзы, предлоги, служебное слово *ki*[3]. В специальной схеме отражены черты сходства и различия, существующие между отдельными классами служебных слов. Попытку наглядно показать систему служебных слов следует признать удачной и интересной. Правда, несколько искусственным представляется объединение предлогов и союзов в одну общую группу слов, не вводящих определения и обстоятельства. Это, видимо, вызвано опять-таки стремлением автора отразить дихотомическое деление во всех звеньях предлагаемой классификации.

---

[3] Описание этой разновидности прилагательных см.: М. К. Румянцев, О прилагательных с удвоенной второй морфемой в современном китайском языке, «Советское китаеведение», 1958, 3.

Описание функций и интерпретация значений так называемых фразовых частиц, широко используемых в чжуан, представляет большой интерес для китайского и японского языкознания. В результате обследования фактического материала сделан важный вывод о том, что фразовые частицы не являются показателями коммуникативных типов простого предложения и не могут, в частности, выражать вопрос или побуждение. Особо заслуживает внимания замечание о том, что «фразовые частицы, которые обычно употребляются только в предложениях, содержащих общий вопрос, по-видимому, целесообразно считать не вопросительными, а частицами, усиливающими вопросительную интонацию» (стр. 239) [4].

В разделе, посвященном союзам, было бы целесообразным разграничить простые и сложные союзы, с одной стороны, повторные и парные союзы — с другой стороны, так как последние возникли в языке не как структурные типы, сложившиеся в процессе формирования служебных слов, а как типы функциональные, порожденные особенностями синтаксического употребления.

Вряд ли можно согласиться с тем, что союз в придаточном предложении и наречие в главном предложении образуют парный союз (стр. 246 и 247). По нашему мнению, здесь симультанно употреблены союз и союзная частица наречного происхождения. В пользу такого понимания говорит, в частности, позиция союзной частицы в составе главного предложения (ср. в китайском языке одновременное использование таких средств, как союз *жуго* и частица *цзю*).

Правильность квалификации слова *ki*[3] как служебного подтверждается прежде всего его способностью выступать в качестве субстантиватора предикативов, а также другими присущими ему особенностями синтаксического функционирования.

В разделе «Синтаксис», как замечает сам автор, рассмотрены лишь наиболее распространенные синтаксические явления языка чжуан. Этим, видимо, и объясняется то, что по сравнению с морфологией данная часть работы имеет значительно меньший объем.

Прежде чем рассмотреть предложение и его структурные элементы, А. А. Москалев дает классификацию и описание так называемых синтаксических конструкций (т. е. конструктивных словосочетаний, отличающихся от словосочетаний номинативных). Следует заметить, что для описательного синтаксиса малоизученных языков анализ различных типов словосочетаний имеет особое значение, так как структурно-синтаксические свойства и особенности языка, как известно, проявляются больше в словосочетании, нежели в предложении.

Имея в виду целый ряд специфических особенностей предложения, отличающих его от словосочетания, автор справедливо замечает, что хотя линейная структура предложения и может совпадать с той или иной синтаксической конструкцией, тем не менее, предложение всегда есть нечто большее, чем та линейная структура, которая лежит в его основе (стр. 257).

В рецензируемой книге выделены три группы синтаксических конструкций: сочинительные, подчинительные и взаимоподчинительные. Здесь достаточно полно показаны конструктивные возможности чжуанского синтаксиса. Попытка отграничить нумеративную синтаксическую конструкцию (сочетание существительного с количественным числительным) от синтаксической конструкции атрибутивного типа убедительна уже потому, что понятие числа вещей существенно отличается от понятия качества, свойства вещей.

Вместе с тем нужно заметить, что вычленение взаимоподчинительных синтаксических конструкций в отдельную группу и противопоставление в пределах этой группы предикативных синтаксических конструкций уравнительным носит упрощенный, схематический характер и не подкреплено необходимой аргументацией. Определяя как предикативную всякую взаимоподчинительную конструкцию, образуемую без посредства глагола-связки, автор не учитывает, что уравнительная синтаксическая конструкция в определенных условиях тоже может быть образована без помощи глагола-связки. Этим фактически стирается различие между двумя разновидностями взаимоподчинительных синтаксических конструкций.

Поскольку в языках изолирующего строя члены предложения выражаются главным образом посредством неморфологизированных средств, А. А. Москалев, выявляя формальные признаки членов предложения, особое внимание уделяет таким синтаксическим средствам, как словопорядок, синсемантические слова и интонация. Предложенная им система членов предложения отражает реальную картину соотношения структурных элементов простого предложения и охватывает как основные, так и маргинальные явления, наблюдаемые в строе чжуанского предложения. Тем не менее отдельные положения, связанные с интерпретацией членов предложения, представляются спорными. Так, например, трудно согласиться с истолкованием семантико-синтаксической сущности сложного глаголь-

[4] В китайском и японском языкознании, напротив, принято считать, что некоторые фразовые частицы способны выражать вопрос и побуждение. См., например: Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, М., 1954, стр. 94—99; М. Киэда, Грамматика японского языка, М., 1958, стр. 620—622.

ного сказуемого, в частности, той разновидности, которая по А. А. Москалеву, включает в себя два глагола — первый обозначает действие, совершаемое с целью выполнения другого действия, обозначаемого последующим глаголом (стр. 274). Ср. русский перевод авторского примера: «Я пойду в верхнюю деревню купить мяса», где только глагол «пойду» выполняет функцию сказуемого, а второй глагол входит в состав словосочетания «купить мяса», функционирующего в роли обстоятельства цели. Что же касается сложного глагольного сказуемого, то этим термином, как известно, обычно обозначают сочетание вспомогательного глагола (модального, побудительного и т. д.) с глаголом полнозначным.

По мнению А. А. Москалева, дополнение может обозначать место, куда направлено или где совершается действие (стр. 276, см. также стр. 116—117). При таком понимании смещаются установившиеся представления о семантическом объеме синтаксических категорий дополнения и обстоятельства. В предложении дополнение и обстоятельство, будучи связаны со сказуемым, тесно соприкасаются и своеобразно переплетаются между собой, и граница, проходящая между ними, часто бывает крайне зыбкой и подвижной. Поэтому мы полагаем, что в языках изолирующего строя существительные, занимающие позицию после сказуемого и не имеющие при себе служебных слов, независимо от того, обозначают ли они объект, орудие, место действия или находятся в иных отношениях с глаголом-сказуемым, следует отнести к одной синтаксической категории — к «дополняющим словам» (ср. с категорией французского синтаксиса, называемой complément[5]). Дополняющие слова — это некая еще нерасчлененная синтаксическая категория, из состава которой в процессе развития грамматической системы языка вычленяются различные типы дополнений и обстоятельств, обладающие уже специальными формальными признаками.

В разделе «Пояснение» высказаны интересные мысли, касающиеся «предложений сцепления» (смыкания). Эти соображения следует учитывать при интерпретации аналогичного явления в китайском языке, и *они свидетельствуют* о том, что термин «предложения сцепления» носит весьма условный характер. Вместе с тем нельзя не заметить, что автор не учитывает семантической стороны предложений данной разновидности. В этих синтаксических построениях первый предикатив отодвинут в смысловом отношении на второй план: он лишь констатирует бытие (наличие) лица или предмета, основное же смысловое содержание передает второй предикатив. Поэтому вряд ли правомерно рассматривать второй предикатив как второстепенный член предложения.

Материалы двух разделов синтаксиса, соответственно посвященных главным и второстепенным членам предложения, свидетельствуют о том, что А. А. Москалев пытается найти объяснение сложным синтаксическим явлениям и стремится дать классификацию членов предложения, отличающуюся от обычных построений. Однако предложенная классификация нуждается в дальнейших уточнениях.

Не всегда безупречна внутренняя логика отдельных разделов. Так, в разделе «Синтаксис» в один ряд на правах самостоятельных подразделов поставлены такие вопросы, как: типы простых предложений, сложное предложение, классификация предложений по цели высказывания. Представляется более последовательным выделить два подраздела: классификация предложений по структуре и классификация предложений по цели высказывания, рассмотрев в первом из них сначала типы простых, а затем типы сложных предложений.

В заключительной части работы дано описание наиболее распространенных типов простых и сложных предложений. Простые предложения распадаются на одночленные и двучленные, что соответствует в основном традиционному делению на односоставные и двусоставные предложения. Двучленные предложения в свою очередь подразделяются на связочные предложения и предложения со сказуемым-предикативом, последние же образуют две группы: безобъекные предложения и предложения объектные. Предложенная классификация отличается внутренней упорядоченностью и иерархичностью. Касаясь отдельных положений, содержащихся в этом разделе грамматики, заметим, что вряд ли следует говорить о пропуске глагола-связки (стр. 297). Точнее рассматривать соответствующие синтаксические структуры как предложения, в которых не употребляется глагол-связка.

Что касается сложных предложений, то они, прежде всего, подразделяются по признаку сочинения и подчинения. Сложносочиненные предложения распадаются на бессоюзные и союзные, а сложноподчиненные предложения обра-

[5] Термин complément применяется к нескольким второстепенным членам предложения (Е. О. Костецкая, В. И. Кардашевский, Грамматика французского языка, М., 1957, стр. 271). С дополняющими словами терминологически сопоставима также и категория китайского синтаксиса *буюй*, но лишь терминологически, так как по существу она обозначает иные структурные элементы простого предложения (см., например: «Сяньдай ханьюй», III, Чунцин, 1957, стр. 293—295).

зуют шесть разновидностей, соответственно имеющих в своем составе придаточные предложения: времени, условия, причины, уступки, сравнения, цели. Это — традиционная классификация, имеющая свои достоинства и недостатки, но в целом приемлемая для описания структурно-семантических типов сложных предложений языка чжуан. Наиболее уязвимым местом этой классификации является деление сложносочиненных предложений на бессоюзные и союзные. Сочинение и подчинение суть синтаксические способы формирования сложных предложений посредством специальных аналитических средств, среди которых важнейшую роль играют союзы. В бессоюзных предложениях смысловое соотношение частей сложного целого выражается лексико-морфологическими и ритмико-интонационными средствами. Поэтому членение на сложносочиненные и сложноподчиненные предложения допустимо лишь в сфере союзных предложений. Бессоюзные же предложения не выдерживают деления по признаку сочинения и подчинения.

Один из общих недостатков книги — слаборазвитая система дефиниций: автор или совсем не приводит определений грамматических понятий или дает слишком краткие определения, а это иной раз затрудняет уяснение отличительных признаков обозначаемых ими явлений. Такой подход распространяется не только на понятия, хорошо известные в грамматической науке, но и на понятия, которыми оперирует автор в процессе описания феноменов грамматической системы языка чжуан. Например, не дано определения столь своеобразной разновидности чжуанских предикативов, как интенсивные прилагательные (стр. 201), а о фразовых частицах сказано лишь, что это слова, употребляемые в исходе предложения (стр. 237).

Книга содержит немало тонких наблюдений и интересных умозаключений. Несомненным ее достоинством является наличие большого числа схем и таблиц, что делает легко обозримой систему фонологических и грамматических средств языка чжуан и в значительной степени облегчает уяснение его характерных особенностей.

В целом рецензируемая книга является удачной попыткой систематизации и научной интерпретации основных фонологических и грамматических явлений одного из своеобразных и до сего времени малоизученных языков. Она вносит существенный вклад в изучение языков Юго-Восточной Азии.

В. И. Горелов

H. Vogt. **Grammaire de la langue géorgienne.** — Oslo, Universitetsforlaget, 1971. 278 стр.

«Грамматика грузинского языка» выдающегося исследователя картвельских языков Г. Фогта является переработанной редакцией его монографии «Esquisse d'une grammaire du géorgien moderne» (Oslo, 1936). В ней отразились результаты позднейших многочисленных картвелологических исследований автора [1]. В результате читатель получил фактически новую книгу, хотя основные принципы анализа остались те же, что и в издании 1936 г. Рецензируемую книгу можно отнести к лучшим зарубежным трудам, посвященным вопросам структуры современного грузинского языка.

«Грамматика грузинского языка» состоит из «Введения» и «Предисловия» (стр. 1—6) и следующих глав: «Фонология» (стр. 7—16), «Склонение» (стр. 17—74), «Послелоги» (стр. 75—78), «Спряжение» (стр. 79—195), «Наклонение и подчинение» (стр. 195—212), «Союзы и сочинение» (стр. 212—213), «Частицы» (стр. 213—220), «Замечания о порядке слов» (стр. 220—224), «Словообразование» (стр. 224—257). Книга снабжена индексом проанализированных слов и грамматических показателей (стр. 263—278).

В главе «Фонология» кратко характеризуются вокализм и консонантизм современного грузинского литературного языка, рассматриваются основные вопросы дистрибуции фонем и ударения. Установлены также фоностатистические черты грузинского языка.

Здесь же содержатся интересные наблюдения по фонетике грузинского языка. Так, например, Г. Фогт справедливо указывает на стабильность фонетической реализации согласных грузинского литературного языка: влияние соседних гласных на произношение согласных является минимальным. Автор обращает внимание на наличие позиционных вариантов согласных фонем /n/ и /r/ — на велярную реализацию /n/ перед заднеязычными фонемами и на глухой вариант фонемы /r/ после глухих согласных (стр. 12—13).

[1] См. например: H. Vogt, Alternances vocalique en géorgien, NTS, XI, 1939; его же, Suffixes verbaux en géorgien ancien, NTS, XIV, 1947; его же, Le système des cas en géorgien ancien, там же.

Грузинской фонотактике Г. Фогт посвятил монографическое исследование[2], поэтому в «Грамматике грузинского языка» по этому вопросу сказано сравнительно мало. На стр. 14, основываясь на дистрибутивных данных, автор указывает на возможность монофонематической интерпретации некоторых комплексов согласных фонем: dg, ʒg, ǯg, dγ, ʒγ, ǯγ, tk, ck, čk, cḳ, čk, ṭq, čq.

Представляется интересным наблюдение автора, что в комплексах pk, pt, tk и т. п. аспирация характерна лишь для вторых компонентов этих комплексов. Это подтверждается формами вроде *bckvni* вместо *pckvni*, которые нередко обнаруживаются в письменном языке (стр. 11). На стр. 10 Г. Фогт замечает, что имевшаяся в фонематической системе древнегрузинского языка велярная смычная /q/ начиная с XIV в. перешла в /x/. Некоторые факты, выявленные в последнее время в памятниках древнегрузинского языка позволяют предположить, что в живой речи, которая была основой грузинского литературного языка в X—XV вв., переход /q/ > /x/ осуществился довольно рано.

В главе «Склонение» (стр. 17—74) Г. Фогт детально описывает все наиболее характерные явления склонения имен и одновременно указывает на те отклонения от норм, которые наблюдаются при склонении некоторых основ. В современном грузинском литературном языке им выделяется семь падежей: звательный, именительный, дательный, повествовательный (эргативный), родительный, творительный и обстоятельный. Автор указывает на наличие так называемых «кратких» и «длинных» алломорф падежных окончаний (стр. 20—21), формулирует основные правила дистрибуции этих алломорф (стр. 32—34). Г. Фогт первым отметил фонологический характер процессов, имеющих место при склонении некоторых типов имен существительных. Он установил, что редукция гласных *a* и *e* имеет место при склонении таких односложных имен существительных, которые в анлауте имеют комплексы согласных фонем, например, *mṭer-i* «враг», *mṭr-is(a)* «врага»; в односложных же основах, которые начинаются одним лишь согласным, гласные *a* и *e* обычно не подвергаются редукции (стр. 22—24). В многосложных основах, оканчивающихся на сонантные фонемы, эти гласные, как правило, редуцируются без всякого ограничения (стр. 23—24). Г. Фогт обращает внимание и на такой факт: в слове *γmert-i e* не редуцируется, если им обозначается языческий бог, но когда оно обозначает христианского бога, *e* обычно выпадает (стр. 25).

Односложные слова, оканчивающиеся на *-o*, в род. падеже принимают окончание *-is*, в твор. *-it*, а многосложные — *-s* и *-t* (стр. 26).

В монографии подробно описываются способы образования мн. числа имен. Дело в том, что суффиксы *-n* и *-t(a)*, распространенные в древнегрузинском литературном языке, в современном грузинском почти во всех случаях вытеснены суффиксом *-eb*. Глаголы согласуются в числе с именами, на мн. число которых указывают суффиксы *-n* и *-t(a)*, но не согласуются в числе с именами, мн. число которых обозначается посредством суффиксов *-eb* (стр. 30—32).

Далее описываются правила склонения атрибутивного слова вместе с определяемым (стр. 34—38), рассматриваются подгруппы местоимений и их довольно сложное склонение (стр. 38—56), образование числительных и их склонение (стр. 56—58).

Функции падежных форм современного грузинского литературного языка впервые в картвелологии с такой полнотой изучены автором рецензируемой работы (стр. 58—66).

В системе склонения имен Г. Фогт выделяет основные и вторичные падежи. Вторичными падежами (их насчитано 11) названы падежные формы с послелогами (стр. 67—74)[3]. Однако на синхронном уровне в некоторых из этих форм (например, *cqarostan* «у родника», *saxlivit* «подобно дому») легко выделяются основы (*cqaro-*, *saxl-*), окончания падежей (*-s* — дат. падеж, *-i* — им. падеж) и послелоги (*tan*, *vit*).

Нам кажется, что нет основания для сегментации формы обстоятельного падежа *mam-ad* (стр. 28); такая сегментация вызывает ряд возражений как с синхронической, так и с диахронической точки зрения.

Основная часть «Грамматики» (стр. 79—195) посвящена анализу глагола. Описывая дистрибуцию алломорф субъектного и объектного лиц в современном грузинском литературном языке, Г. Фогт отмечает, что показатель 2-го субъектного лица здесь, как правило, отсутствует (лишь изредка встречаются префиксы *-h*

[2] H. Vogt, Structure phonemique du géorgien, NTS, XVIII, 1958. Эта работа переведена на грузинский язык и вышла в свет отдельной книгой в Тбилиси в 1961 г.

[3] О вторичных падежах в современном грузинском литературном языке см. также: А. Г. Шанидзе. Основы грузинской грамматики, I, Тбилиси, 1953, стр. 73—76 (на груз. яз.); Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, М., 1962, стр. 14; ср.: Арн. Чикобава, К вопросу о послеложных падежах грузинского языка, «Вопросы структуры картвельских языков», II, Тбилиси, 1961, стр. 197—209 (на груз. яз.).

и *s-*, а также *x-*; последний имеется лишь в трех глагольных основах; *x-ar* «ты есть», *x-val* «ты идешь», *x-ved* «ты пришел»). Исследованы возможные комбинации показателей субъектного и объектного лиц (стр. 84—87).

Классифицируя глагольные формы (стр. 87—90), Г. Фогт указывает, что в системе спряжения грузинского глагола ведущая роль принадлежит категориям времени и аспекта (стр. 87). По этим фундаментальным категориям спрягаемые формы делятся на три группы: 1) формы продолжительного аспекта; 2) формы пунктуального аспекта; 3) формы результативного аспекта, вторичного образования от форм 1 и 2-й групп. Так, *çers* «пишет» (1 группа) и *dauçeria* «оказывается, он написал», «является написанным им» (3 группа) считаются формами настоящего времени, противопоставленными по аспекту: первая является формой продолжительного аспекта, а вторая — формой результативного аспекта. Формы прошедшего времени признаются также отличающимися друг от друга по аспекту: *çerda* «он писал» (imparfait) — форма продолжительного аспекта; *daçera* «он написал» (aorist) — пунктуального аспекта; *daeçera* «писал(бы)он» («plusqueparfait») — результативного аспекта. В составе каждой из трех названных групп намечено противопоставление детерминированных и недетерминированных форм, но это противопоставление является менее четким; основной категорией, доминирующей над всей системой спряжения, является категория аспекта (стр. 180).

В рецензируемой книге не вычленяется группа (или подгруппа) будущего времени. По мнению Г. Фогта, наличие и отсутствие превербов во всех трех группах указывает на противопоставление глагольных форм по признаку определенности — неопределенности (стр. 87).

Анализируя принципы спряжения глаголов в грузинском, Г. Фогт выделяет семь классов спряжения переходных глаголов и рассматривает подгруппы непереходных глаголов: префиксальную и суффиксальную, а также безаффиксальные непереходные глаголы, указывает на особенности, характеризующие спряжение отдельных глаголов.

Г. Фогт усматривает две разновидности аориста: 1) сильный аорист и 2) слабый аорист. Сильный аорист характеризуется отсутствием тематического суффикса и аблаутом гласного (*a* или *e*, принадлежащие к основе, чередуются с нулевой ступенью). Слабый аорист принимает тематический суффикс *e* при отсутствии чередования гласных (стр. 91—92). Отмечается, что аблаут *e/i* имеет место в аористе всех переходных глаголов, которые принимают суффиксы *-en* и *-ev*. В остальных же глаголах чередование *e/i* обуславливается фонологически: 1) если аблаут глагольной основы состоит из сочетания шумных согласных, чередование *e/i* имеется; 2) если глагольная основа начинается с одного согласного, аблаута нет; 3) если же в аблауте за согласным следует *v*, аблаут может быть, а может и отсутствовать (стр. 95).

В «Грамматике» большое внимание уделяется категории версии, причем устанавливаются следующие разновидности этой категории: субъектная, объектная, нейтральная и локальная (стр. 118—127). Несмотря на то, что у глагола *izam* «ты сделаешь для себя» нет аориста, Г. Фогт все же считает его переходным потому, что здесь имеется префикс субъектной версии *i* (стр. 112), а, как известно, наличие субъектной версии свойственно лишь переходным глаголам. Подробно рассматриваются значение и образование каузатива (стр. 127—133).

Особо изучаются средние глаголы с учетом формальных признаков, свойственных им: эти глаголы имеют формы только настоящего времени (стр. 133), в большинстве случаев не принимают превербов (стр. 134—135), а при наличии превербов они не в состоянии образовать противопоставление настоящего и будущего времени (стр. 135). Средние глаголы делятся на псевдоактивные и псевдопассивные. В грузинских грамматиках эти подгруппы противопоставлялись друг другу по синтаксическим признакам. Автор же указывает на формальные признаки, по которым можно разграничить средние глаголы на две группы (стр. 136—145).

Спряжение средних глаголов описывается на стр. 145—154, далее исследуется противопоставление непереходных глаголов по признаку статичности — динамичности (стр. 154—162).

Г. Фогт рассматривает так называемую группу перфекта, указывает на особенности спряжения переходных и непереходных глаголов, освещает вопросы формообразования и некоторые оттенки глагольных форм этой группы (стр. 163—172).

В рецензируемой книге освещаются вопросы структуры и функций превербов (стр. 173—180), которые в научной литературе не раз были объектом изучения, и тем не менее в разработку столь изученного вопроса автор смог внести много нового. Прежде всего, он выделяет две группы превербов: в первую группу объединены простые превербы *mi-*, *mo-*, *da-*; вторая группа состоит из остальных превербов с простыми и сложными вариантами, например, *a-/amo-*, *ça-/çamo-* (стр. 172—173). Указаны некоторые оттенки, придаваемые глагольным формам отдельными превербами, например, превербы *ga-*, *gamo-* обычно образуют оппозицию по признаку направления, но иногда противопоставление этих превербов имеет иной характер: *gaaketa* «сделал», но *gamoaketa* «исправил» (стр. 177); преверб

gada- может обозначать повторяемость действия: *gadaibečda* «был перепечатан» (стр. 179) и др.

Вопросы словообразования рассмотрены на стр. 225—257, где описаны основные модели именного и глагольного словообразования.

Основные вопросы синтаксиса в рецензируемой монографии освещены при рассмотрении глаголов и частиц. Такой способ анализа согласуется с практикой дескриптивного языкознания — нестрогого разграничения морфологии и синтаксиса, а также оправдывается тем, что глагол в грузинском языке является ядром предложения (часто он — эквивалент целого предложения).

Одной из особенностей рецензируемой книги является постоянное внимание к формам живой речи, изучение взаимоотношения литературного языка и живой речи. В частности, намечены диалектные ареалы ряда грамматических форм. Например, редукция гласных присуща главным образом восточногрузинским диалектам (стр. 22); так называемые «длинные» алломорфы падежных окончаний встречаются в восточногрузинских диалектах, «краткие» же — в западногрузинских (стр. 34). Приводятся интересные статистические данные относительно распространения форм превосходной степени имени прилагательного в литературном языке (стр. 237).

Не все выводы и предположения, которые имеются в рецензируемой монографии, приемлемы для грузинских языковедов, тем не менее их необходимо принимать во внимание.

«Грамматика грузинского языка» бесспорно займет почетное место в истории изучения кавказских языков. Монография Г. Фогта, характеризующаяся ясностью изложения и насыщенностью новыми идеями, имеет значение не только для зарубежных лингвистов, интересующихся вопросами грузинского языка, но и для советских специалистов-картвелологов.

З. А. Сарджвеладзе

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1973

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

6—8 сентября 1972 г. в Саранске состоялась XIV Всесоюзная конференция финно-угроведов, посвященная 50-летию образования СССР. В ее работе приняли участие лингвисты, археологи, этнографы, антропологи, фольклористы и литературоведы РСФСР, Украины и Эстонии. На конференции было прослушано и обсуждено около 150 докладов и сообщений. Конференцию открыл первый секретарь Мордовского Обкома КПСС А. И. Березин.

На пленарных заседаниях было сделано шесть докладов, в том числе «Мордовия в братской семье народов» Н. И. Чиняева (Саранск), «Мордовский героический эпос „Тюштянь мастор“» В. В. Горбунова, Г. Я. Меркушкина, А. Д. Шуляева (Саранск). В докладе П. Аристэ (Тарту) «Вопрос балтийских заимствований» была подвергнута критике установившаяся точка зрения на то, что предки поволжских финно-угров и балтийцев некогда были соседями. Еще до прихода финно-угров в Прибалтику там были редкие поселения индоевропейцев, говоривших на сатем-языке. Поволжские финно-угры также жили в непосредственной близости от индоевропейцев — носителей сатем-языка. Общие индоевропейские заимствования (прежде они считались балтийскими) в прибалтийско-финских и поволжских языках вошли в отдельные финно-угорские племенные языки, как доказывает П. Аристэ, еще до того, как балтийцы стали соседями прибалтийских финнов. Кроме того, в поволжских, прибалтийско-финских и балтийских языках, по мнению П. Аристэ, имеются отдельные слова, вошедшие в эти языки из языков-субстратов неиндоевропейского происхождения.

В докладе «Пути образования единого эстонского литературного языка» А. Каск (Тарту) отметил, что это становление происходило на базе североэстонского наречия, причем решающими были не только экономические, географические и исторические условия, но и культурные и лингвистические факторы.

В докладе В. И. Лыткина (Москва) «Система гласных мордовских языков и древнерусский вокализм» обращалось внимание на тесную связь между происхождением аканья в русском языке и развитием вокализма общемордовского языка: эта связь обусловлена историческими судьбами древнерусского диалекта вятичей и тех мордовских говоров, носители которых в течение ряда столетий жили в бассейне Оки на общей с вятичами территории.

К. Е. Майтинская (Москва) в докладе «Будущее время в финно-угорских языках» выявила следующие типы образования форм будущего времени в современных финно-угорских языках: а) употребление особых личных окончаний (например, в пермских языках); б) использование особого показателя будущего времени (например, в венгерском); в) наличие вспомогательного глагола в составе аналитической формы (например, в мордовских); г) супплетивность (в прибалтийско-финских, пермских). Наличие разных способов выражения будущего времени в одном и том же языке докладчик объясняет широкими возможностями использования формы настоящего времени и некоторых других, неспециальных (для выражения времени) грамматических средств. Выбор того или иного способа, как правило, обусловливается стилистическими причинами.

В докладе А. П. Феоктистова (Москва) «Из истории мордовских письменно-литературных языков второй половины XIX в.» проанализированы переводы с русского и некоторых других языков на мордовские и, в частности, с эрзя-мордовского на близкородственный мокша-мордовский. Отрицательные явления в переводческой практике XVIII—первой половины XIX в. были вызваны строгим предписанием синода о неуклонном следовании букве канонических текстов при их переводе.

На заседаниях секции лексикологии широко обсуждались вопросы изучения состава и ареалов распространения заимствованной лексики в разных группах финно-угорских языков (Т. И. Тепляшина, Москва; Т. М. Шеянова, Саранск и др.), усвоения финно-угорских заимствований русскими говорами (В. Д. Бондалетов, Пенза; Л. Г. Гусева, Свердловск и др.), проблемы фор-

мирования отраслевой лексики (Ф. И. Гордеев, Йошкар-Ола; Р. Н. Бузакова, Саранск; Ю. Ю. Сурхаско, Петрозаводск; В.-Л. Х. Кингисепп, Тарту; К. Т. Самородов, Саранск; В. П. Федотова, Петрозаводск, и др.), результаты этимологических разысканий последних лет (Е. С. Гуляев, Сыктывкар; М. В. Мосин, Саранск; С. В. Соколов, Ижевск, и др.).

Участники секции фонетики, теории грамматики и истории языка прослушали доклады об истории чередования ступеней согласных в прибалтийско-финских языках (А. Лаанест, Таллин), о структуре слога в селькупском языке (Ю. А. Морев, Томск), разграничении вопросов и ответов по контурам основного тона (К. Венде, Таллин), пограничных сигналах под углом зрения фонотактики (М. Хинт, Таллин), интонационных моделях (М. С. Биушкин, Стерлитамак), фонетическом освоении заимствований (Е. А. Игушев, Сыктывкар), гармонии гласных (В. К. Кельмаков), происхождении новых фонем (Р. Ш. Насибуллин, Ижевск).

В секции морфологии были обсуждены некоторые спорные вопросы грамматики уральских языков, в том числе Nomenverba (Н. М. Терещенко, Ленинград), структура вторичных глагольных конструкций (Э. Ууспыльд, Тарту), фузия (М. Д. Имайкина, Саранск), сложные слова (Е. И. Ромбандеева, Москва), образование и функции словоизменительных формантов и деривационных морфем (В. И. Алатырев, Ижевск; Р. В. Бабушкина, Саранск; В. И. Данилов, Тарту; Н. Г. Зайцева, Петрозаводск; Е. И. Коведяева, Москва; И. Коньт, Таллин; А. Кюннап, Тарту; Д. Т. Надькин, Саранск; В. В. Сенкевич-Гудкова, Петрозаводск; Т. М. Тихонова, Саранск и др.), урало-алтайская и балто-славянская изоглосса (Г. И. Лаврентьев, Глазов) и т. п.

На заседаниях секции синтаксиса дискуссия развернулась вокруг вопросов синонимии устойчивых глагольно-именных словосочетаний (М. И. Зайцева, Петрозаводск), классификации определенно-личных предложений (Р. А. Алешкина, Саранск), бессоюзных сложных предложений (И. С. Бузаков, Саранск), глагольного управления (В. М. Вахрушев, Ижевск), субъектно-причастных и глагольно-именных конструкций (Л. И. Калинина, Ижевск), развития союзов от отрицательных форм глагола (Р. Карельсон, Таллин), элементарных предложений (Х. Рятсеп, Тарту), атрибутивных сочетаний имен существительных в финно-угорских языках (К. Коньт, Таллин), соотносительности именных и глагольных словосочетаний, выражающих объектные отношения (В. М. Тюркина, Саранск), употребления отрицательных слов (В. С. Щемерова, Саранск).

Внимание участников секции диалектологии привлекли доклады, посвященные выяснению роли периферийных диалектов в изучении истории языка (Р. М. Баталова, Москва; Г. И. Ермушкин, Москва; В. Д. Объедкин, Саранск; Я. Н. Попова, Новосибирск; А. В. Пунжина, Петрозаводск; Т. Сейлентал, Тарту; Л. И. Тураева, Саранск, и др.), исследованию взаимодействия русских говоров с финно-угорскими (на материале фразеологии — А. С. Кривощекова-Гантман, Пермь), межъязыковых контактов в лингвогеографическом аспекте (П. Н. Лизанец, А. М. Рот, Ужгород), принципов отбора слов в диалектологический словарь (В. М. Оллыкайнен, Петрозаводск), вариантности на разных уровнях языка (Д. В. Цыганкин, Саранск), финно-угорского населения на территории разных областей РСФСР (В. Д. Бондалетов, В. П. Волков, Т. Г. Дидиченко, Пенза).

Участники секции ономастики в своих выступлениях касались вопросов микро- и макротопонимии (А. П. Афанасьев, Москва; Н. Н. Мамонтова, Петрозаводск; В. Палль, Таллин; А. И. Туркин, Сыктывкар), антропонимии (Г. А. Архипов, Глазов), космонимии (В. А. Никонов, Москва) и этимологии топонимов (И. К. Инжеватов, Саранск, и др.).

На заседаниях секции фольклористики и литературоведения обсуждались вопросы национальной специфики жанров фольклора и литератур финно-угорских народов, взаимодействия фольклора и художественной литературы. На заседаниях секции археологии, антропологии и этнографии на обсуждение были поставлены проблемы генезиса древних культур финно-угров, этногенеза финно-угров по данным антропологии и др.

Участники конференции приняли решение очередную, XV Всесоюзную конференцию финно-угроведов провести в 1974 г. в одной из финно-угорских республик. Значительным событием стало создание Советского комитета финно-угроведов при ОЛЯ АН СССР. Постановлениями Президиума АН СССР от 28 октября 1971 г. и 11 января 1973 г. на Комитет возложено координирование основных направлений научно-исследовательской работы в области финно-угроведения в союзных и автономных республиках, осуществление научных и организационных связей с национальными комитетами финно-угроведов зарубежных стран, участие в подготовке международных конгрессов и симпозиумов финно-угроведов, издание материалов международных конгрессов и симпозиумов финно-угроведов, проводимых в СССР.

А. П. Феоктистов (Москва)

*

С 12 по 15 сентября 1972 г. в г. Самарканде проходила республиканская конференция «Актуальные проблемы русского словообразования», организованная Самаркандским гос. пед. ин-том им. С. Айни совместно с Самаркандским гос. ун-том им. А. Навои и Ташкентским гос. ун-том им. В. И. Ленина. В ее работе приняли участие языковеды ряда городов Узбекистана и других союзных республик. Было прослушано и обсуждено 90 докладов и сообщений.

В ряде докладов были поставлены теоретические проблемы словообразования. Ю. С. Маслов (Ленинград) посвятил свой доклад вопросу разграничения понятий основы и форматива в дериватологии и парадигматике. Определение производящей основы как общей части производного и производящего слова распространяется на все случаи, включая явления усечения и аббревиации. При этом «общая часть» необязательно воплощается в «общем и материальном отрезке», она должна пониматься более абстрактно, в смысле элемента «глубинной структуры».

В докладе Е. А. Земской (Москва) были рассмотрены специфические черты окказиональных и потенциальных слов в русском словообразовании, которые, по ее мнению, составляют два его полюса. Однако и те и другие демонстрируют возможности, заложенные в системе языка: только в первом случае — это возможности, уже пробившие себе дорогу, а во втором случае — глубинные. Л. И. Ройзензон (Самарканд) в своем докладе говорил об особенностях деривационно-семантической абсорбции как специфического явления славянского глагольного словообразования. Доклад Р. И. Могилевского (Самарканд) был связан с вопросом, является ли аббревиация словообразованием.

Вопросы диахронии и синхронии в словообразовании рассматривались в докладе А. Н. Тихонова (Самарканд). Наиболее важными областями словообразования, где необходимо последовательно различать эти явления и где чаще всего они не различаются, отметил докладчик, является словообразовательная пара, гнезда слов, способы словообразования.

И. С. Улуханов (Москва) указал на возможность сопоставления исторических и современных явлений при строгом различении синхронии и диахронии, что было продемонстрировано им на двух группах промежуточных случаев в словообразовании (1 — слова, синхронно отражающие процесс возникновения новых значений у аффиксов, и 2 — слова, синхронно отражающие процесс возникновения новых аффиксов и новых способов словообразования).

А. С. Львов (Москва) в своем выступлении обратил внимание на значение словообразовательного анализа при этимологических разысканиях. Опрощение в результате семантического преобразования слова (на материале суффиксальных существительных) было показано А. Е. Ольшанским (Славянск). О принципе экономии и вопросах словообразования в лингвистическом наследии В. А. Богородицкого говорилось в докладе Г. Х. Суярова (Самарканд).

На конференции обсуждались и вопросы морфемного состава и словообразовательной структуры, членимости и производности слова. В. В. Лопатин (Москва) в своем докладе выразил решительное несогласие с традиционной точкой зрения на соотношение морфемного и словообразовательного анализа. По его мнению, морфемный анализ языка в целом вторичен от анализа словообразовательного.

Вопросу членимости слов посвятили свои доклады М. И. Морозова (Липецк) и Л. А. Шкатова (Челябинск). Выражение направления производности в русском языке рассмотрено в докладе А. Д. Зверева (Черновцы) и Ю. Н. Богдановой (Ашхабад).

Доклад О. П. Ермаковой (Москва) был связан с выявлением некоторых закономерностей в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова.

Л. Л. Ким и В. А. Низинская (Ташкент) охарактеризовали словообразовательную структуру отпричастных наречий на *-ще* в современном русском языке в аспекте статуса причастий в словообразовательной системе.

Внимание участников конференции было также привлечено к морфемам и их значениям. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов в докладе о формальной (фонематической) близости алломорфов рассмотрели один из критериев идентификации морфемы, сформулированный в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. Делая акцент на неразрывности формы и значения морфемы как двусторонней языковой единицы, авторы считают необходимым учитывать семантическую и формальную стороны при установлении единства морфемы.

В. С. Гимпелевич (Баку) выделил и проанализировал несколько видов асемантем: 1) интерфиксальные элементы, например: *-он-*, в словах *иллюзионист*, *абстракционист* и т. д.; 2) наращения в конце слова — *-ник* в слове *палисадник* (дублетном с *палисад*), *-щик* в *дегазатор* — *дегазаторщик*.

Р. С. Манучарян (Ереван) обосновал мысль о необходимости последовательного разграничения полисемии слово-

образовательных аффиксов и их семантической вариантности (по терминологии автора, аллосемии).

Е. Н. Лагутова (Самарканд) раскрыла явление интерфиксации при словообразовании от неизменяемых существительных. В. А. Горпинич (Николаев) показал особенности сочетания словообразовательных морфем в оттопонимических производных восточнославянских языков. Н. М. Черненко (Самарканд) на конкретных примерах продемонстрировала правила выбора морфов при образовании оттопонимических прилагательных в современном русском языке.

На специальном заседании обсуждалась книга А. Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка». Выступавшие (Ю. С. Маслов, А. И. Моисеев, В. С. Гимпелевич и др.) единодушно приветствовали саму идею составления гнездового словообразовательного словаря. С точки зрения И. Б. Штерн и других, «книга вносит весомую лепту в теорию словообраования и лексикографическую практику». Широкая дискуссия развернулась вокруг явления множественности словообразовательной структуры, которое исследуется в книге. О. П. Ермакова, в отличие от А. И. Моисеева, Л. Н. Засориной, считает множественность словообразовательной структуры явлением бесспорно существующей в языке. Выступавшие высказали и ряд замечаний в связи с отдельными моментами.

На конференции были поставлены вопросы словообразовательной синонимии, омонимии и антонимии. Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) установила специфический характер синонимии словообразовательных средств в языках с общей типологией и возникающие в связи с этим особые межъязыковые эквивалентные отношения.

В докладе о словообразовательных омонимах В. Н. Виноградова (Москва) обратилась к некоторым процессам словообразования в разговорной речи, приводящим к появлению омонимов. В разговорной речи обнаруживается довольно большая степень терпимости к омонимии и активное стремление к использованию омонимии с целью создания экспрессивности.

В. Ю. Франчук (Киев) в сообщении о вопросах исторического словообразования в неопубликованных трудах А. А. Потебни указала на то, что уже в его работе «Именные суффиксы» заметна тенденция изучить формальную сторону словообразовательных элементов, характерная для современного языкознания, в тесной связи с теми значениями, которые они вносят в лексические разряды слов, образующихся с их помощью.

Вопросы словообразовательной омонимии затрагивались также в докладах Б. К. Щигаревой (Самарканд), О. М. Ким (Ташкент), Л. И. Василевской (Москва) и др., синонимии — в докладах С. А. Емельяновой и Н. П. Билимович (Самарканд) и др.

На конференции широко обсуждались проблемы словообразовательных гнезд, семантической соотносительности производящего и производного слов. С интересными докладами выступили И. В. Альтман, П. А. Соболева, В. Н. Шевчук (Москва) «Сопоставительный анализ отглагольных словообразовательных гнезд в русском и английском языках» (совместный доклад), Л. Н. Засорина (Ленинград) «Генеративное словообразование и семасиология», И. Б. Штерн (Киев) «Об одной трактовке анализа морфемной структуры гнезда в связи с построением грамматики синтеза гнезд», Е. Л. Гинзбург (Москва) «Синтаксическая и лексическая деривация», С. Н. Шепелева (Москва) «Некоторые результаты опыта алгоритмического описания словообразовательной системы русского языка на графическом уровне» и др.

Н. П. Билимович, Н. М. Черненко
(Самарканд)

*

20—21 декабря 1972 г. в Москве проходила конференция «Глубинные и поверхностные структуры в языке», организованная МГПИИЯ им. М. Тореза и Институтом языкознания АН СССР. Открывая конференцию, Б. А. Серебренников (Ин-т языкознания) отметил, что интерес к «глубинным» явлениям и процессам в языке, получивший сейчас чрезвычайно широкое распространение, всегда присутствовал в лингвистических теориях; изучение смысловой стороны языкового высказывания является одной из актуальных задач современного языкознания и может способствовать анализу зарождения мыслительных и речевых процессов. Неоднозначное понимание термина «глубинные структуры», отмечающееся в литературе, ставит перед исследователями задачу — выявить генезис и объем понятий глубинных и поверхностных структур, установить их соотнесенность с имеющимися представлениями о языковой структуре и определить возможность применения данных понятий. Наибольшее распространение получили три следующих понимания: глубинные структуры есть особый подход к анализу синтаксиса и семантики; глубинные струк-

туры — это метод анализа языкового материала или, наконец, операциональный прием при выявлении смысла предложения.

Вниманию участников конференции было предложено семь докладов, посвященных рассмотрению проблемы как в общетеоретическом, так и в конкретном и прикладном аспектах [1].

В докладе «О понятии глубинной и поверхностной структуры в языке» Г. В. Колшанский (МГПИИЯ) определил глубинные структуры как отношение между конкретными формами языка, представляющими его поверхность. На примере соотношения падежных форм (поверхностная структура) и внутренних грамматических отношений (глубинная структура), а также глубинных синтаксических отношений и поверхностных форм их проявления (в частности, атрибутивных связей) докладчик показал, что существование глубинных и поверхностных структур есть факт строения языка-объекта, характеризующий его внутреннюю сущность. Что касается соотнесенности теории глубинных структур с общераспространенными семантическими теориями, то первая рассматривает значение как функцию формы, без выхода за пределы языковой структуры, в сферу предметной соотнесенности, в то время как в проблематику семантических исследований входит и изучение отношений форм языка к обозначаемым ими явлениям.

Проанализировав состояние исследования глубинных структур по материалам XI Международного конгресса лингвистов, Н. А. Слюсарева (МГПИИЯ) пришла к выводу, что большинство исследователей склонно отождествлять глубинные структуры либо с семантикой языка, либо с логическими структурами, либо рассматривать их как операциональный прием, применяющийся в порождающей грамматике. Сам термин представляется мало удачным по своей внутренней форме. В названии доклада— «Вместо глубинной структуры — семантика отражения и лингвистическая семантика» — Н. А. Слюсарева сформулировала предлагаемый ею путь изучения внутренней стороны языка. Семантика отражения и синтаксис отражения вычленяются как компоненты процесса отражения действительности, т. е. процесса познания. Объектом семантики отражения являются типы смысла, понятия и понятийные поля, основная задача — выяснение способности языка выступать в форме знания; в решении ее участвуют смежные с языкознанием дисциплины. Объекты лингвистической семантики — слова и сочетания слов с точки зрения их содержания. Противопоставление семантики отражения и лингвистической семантики — это отображение не разной «глубины», а разных сфер анализа: сферы мышления и сферы языка.

Л. С. Бархударов (МГПИИЯ) в докладе «Понятие поверхностной и глубинной структуры в свете „аллоэмической“ модели языковых единиц» показал, что понятие глубинной и поверхностной структуры помогает распространить различие эмических и алло-единиц на синтаксический уровень, так как различия глубинных структур можно считать функциональными, а поверхностных — вариативными. Действительно, привлечение понятий глубинной и поверхностной структуры помогает разъяснять случаи синтаксической синонимии и омонимии, подобно тому, как различение морфем и алломорфов позволяет разграничивать случаи грамматической и лексической омонимии и синонимии. Степень абстрактности глубинной структуры как единицы языка такова же, как и у фонем и морфем. Применение понятия глубинной структуры важно не только для синтаксической теории, но и для теории перевода и для преподавания иностранных языков. Л. С. Бархударов предложил выделить несколько уровней глубины с определенной иерархией: 1) поверхностный уровень; 2) модель НС — «дерево зависимостей»; 3) уровень трансформаций; 4) универсальная мыслительная структура.

Возникновение и различные применения понятия глубинной структуры прослеживаются в докладе П. А. Соболевой (Ин-т русского языка) «Понятие глубинной и поверхностной структуры и три типа порождающих грамматик». Очевидно, первым употребил термин «глубинная структура» Л. Витгенштейн; Ч. Хоккет назвал глубинной структурой синтаксические связи, не данные в прямом наблюдении. Н. Хомский ввел это понятие в трансформационную грамматику. В «стандартной теории» Хомского глубинной структурой, которой завершаются лексические трансформации и начинаются грамматические, определяется смысл предложения. Представители порождающей семантики (Дж. Лакоф, Дж. Росс, Дж. Мак-Колей и др.) критиковали Хомского за то, что таким образом синтаксис в его модели отрывался от семантики и неясным оставались роль и место кванторов, артиклей, отрицаний и пр. в порождении предложения. Эта критика заставила Хомского пересмотреть стандартную теорию, расширив роль семантического компонента и ослабив требование сохранения смысла не-

[1] См. «Тезисы научной конференции „Глубинные и поверхностные структуры в языке“», М., 1972. Представленный в тезисах конференции доклад Т. В. Булыгиной «Глубинно-фонологическое представление морфологической структуры и простота описания» не был прочитан из-за болезни автора.

измененным в процессе грамматических трансформаций. В модели, созданной в рамках порождающей семантики, где процесс порождения начинается с семантической репрезентации в синтаксической форме, глубинная структура в понимании Хомского не может иметь места. В теории аппликативной порождающей грамматики глубинной структуре (и семантической репрезентации) соответствует структура базисного (эталонного) подъязыка, построенного из элементарных предикатных структур, моделирующих мысли. В отличие от двух других типов порождающих грамматик, АПГ способна различить при процессе порождения универсальное, специфическое и линеарное.

В докладе «Глубинные структуры и неоднозначность предложения» Н. Д. Арутюнова (Ин-т языкознания) показала, что идея глубинных структур возникла в связи с тем интересом, который логики, а затем и лингвисты стали проявлять к неоднозначности в отношениях между формой и содержанием в синтаксисе, и прежде всего — к явлению синтаксической омонимии. На раннем этапе развития теории глубинного синтаксиса эксплицитная конструкция (чаще всего в виде предложения) принималась за глубинную структуру имплицитной (свернутого предложения, словосочетания, иногда сложного слова); таким образом глубинная структура была контекстуально необусловленным основным вариантом, а поверхностные структуры — его позиционно ограниченными производными. Исследования, проводимые в этом направлении, расширили круг явлений синтаксической неоднозначности, что обусловило постепенный отход глубинных структур от формы к смыслу, пока школа порождающей семантики не стала различать глубинную семантическую репрезентацию и ее поверхностную синтаксическую реализацию. Семантическая репрезентация должна не только снимать омонимию и омосемию, но и выявлять все возможные виды неоднозначности лексического и коммуникативного типа. На материале русской художественной прозы докладчиком были убедительно продемонстрированы факторы, влияющие на различное чтение предложения. Чем больше выявляется факторов неоднозначности, тем сложнее становится семантическая репрезентация, включающая такое множество компонентов, что это требует ее определенной стратификации. Таким образом, теория глубинных структур, объектом которой стало значение предложения, поставила перед лингвистами сложную задачу создания теории «грамматического смысла», и анализ синтаксической неоднозначности — один из предварительных этапов решения этой задачи.

Ю. С. Мартемьянов (МГПИИЯ) в докладе «Глубинные структуры в описании языковой семантики» показал, что эмпирическое понимание глубинной структуры как некоторого инварианта поверхностных манифестаций препятствует регулярному исчислению глубинных структур, введению критерия правильности/неправильности и выяснению их функциональной сущности и назначения. Поэтому представители теории порождающей грамматики, в отличие от структуралистов других школ, определяют глубинные структуры через процесс порождения в соответствии с естественным текстом. Применение понятия глубинной структуры позволяет включить «поверхностный» факт в систему соответствий с другими фактами, создает возможность построения развернутых гипотез о связях, сходствах, функциях языкового явления, «исчезающих» на поверхности. Отметив, что в теории Хомского базисный компонент порождает синтаксические структуры, а семантический компонент предстает как добавочный, в то время как Филлмор, Лакоф и др. вводят семантику в начальную стадию процесса порождения, а затем «подстраивают» синтаксические категории под семантические, докладчик предложил свое решение проблемы соотнесенности семантики и синтаксиса: до и независимо от синтаксиса членов предложения вводится синтаксис смысла, порождаемый в процессе его артикуляции (расчленения), направляемого особыми синтаксическими факторами. На этой основе строится грамматика направленно-артикулируемого смысла, характерные особенности которой позволяют предусматривать семантическую правильность порождаемых выражений, полноту и адекватность поверхностных структур, понять функцию залоговых форм и некоторых вспомогательных глаголов и преодолеть ряд трудностей в описании текста.

М. Д. Степанова (МГПИИЯ) в докладе «К вопросу глубинных и поверхностных структур (опыт словообразовательного анализа») подчеркнула, что не следует соотносить понятия глубинной и поверхностной структуры с планом содержания и планом выражения, так как поверхностная структура не лишена содержания; при этом возникает сложная проблема соотношения «глубинного» и «поверхностного» содержания и намечаются два подхода к решению этой проблемы: 1) «скрытые» категории не получают формального выражения в языковых знаках, а раскрываются в дистрибуции; 2) обобщенно-категориальное значение, свойственное поверхностным структурам, потенциально развертывается в более конкретных глубинных структурах. На примере типичных немецких словосложений основ существительных $St_1 + St_2$ с привлечением большого фактического материала было показано, что здесь при одной и той же форме представлены две модели, а внутри каж-

дой из моделей случаи различной семантической емкости (докладчик придерживается второго из указанных пониманий глубинных структур). Применив несколько разных способов анализа данных словосложений, М. Д. Степанова показала, что выявление глубинных и поверхностных структур производится исходя из значения соединения в целом, из значения его компонентов в отдельности или из ситуационного контекста различного объема.

Выступавшие в прениях подчеркивали необходимость творческого подхода к анализу теории глубинных структур и к использованию ее в лингвистических исследованиях. В. Н. Ярцева отметила, что трезвый подход к понятию глубинных структур должен исключить его универсализацию и предостерегла от чрезмерной схематизации при раскрытии языкового содержания. И. Р. Гальперин подверг критическому анализу термин «глубинная структура» в сопоставлении с терминами «смысл», «семантический инвариант», «понятийная категория», указав при этом на возможности применения глубинных структур в стилистических исследованиях. Е. С. Кубрякова предложила наиболее общее и общеприемлемое понимание глубинной структуры как направления исследования от формы к содержанию, от лексики и грамматики — к семантике. В. А. Звегинцев также подверг критике термин, выразив сомнение в том, что глубинные структуры можно считать фактом языка, а не лингвистической теории. Б. А. Абрамов констатировал, что неоднозначность и девальвация терминов является общей проблемой современной научной терминологии. Поэтому нецелесообразно заимствовать словесные обозначения понятий из одной теории и переносить их в другую, изменяя их смысл. Н. Ф. Иртеньева показала в своем выступлении важность трансформационного анализа для методики преподавания языка. И. Н. Сухова, приведя в качестве аргумента залоговые трансформации, высказала сомнение в существовании для них общей глубинной структуры и в возможности восстановления единой внеязыковой ситуации. С. К. Шаумян еще раз коснулся различий между концепциями Н. Хомского и представителей порождающей семантики, отметив, что причинами этих различий являются не только лингвистические, но и общетеоретические расхождения. После краткого обзора сделанных докладов Б. А. Серебренников отметил, что большинство выступавших критиковало сам термин «глубинная структура», и предложил в качестве возможной его замены термины «определяющая функция» или «глубинный смысл».

Закрывая конференцию, Г. В. Колшанский констатировал, что основными ее задачами было выявление того, на каких уровнях языка и в каких пределах можно оперировать понятиями глубинной и поверхностной структур, а также поиск точек соприкосновения общей лингвистической теории и порождающей грамматики. Эти задачи можно считать успешно выполненными. Конференция показала, что понятия глубинной и поверхностной структуры плодотворно применяются как в исследованиях общетеоретического характера, так и в разработке проблематики синтаксиса, семантики, словообразования, морфологии. Совместное проведение конференции силами научно-исследовательских и научно-педагогических учреждений также способствовало более полному освещению ее темы.

М. А. Журинская (Москва)

The Editorial Board of the journal «Voprosy Jazykoznanija» is deeply obliged to the Publishing Houses who send us their books for review. The Editorial Board announces that it cannot guarantee the reviewing of all the books received at the Editorial Office. The critiques will be published according to the possibilities of our journal. Two offprints will be sent to the Publishers. Books received are not sent back.

*

La rédaction de la revue «Voprosy Jazykoznanija» [exprime sa gratitude profonde à toutes les maisons d'édition qui nous envoient leur production imprimée pour critique. La rédaction annonce qu'elle ne peut pas garantir la publication d'un compte-rendu pour chaque livre reçu à la rédaction. Les comptes-rendus seront publiés selon les possibilités de la rédaction. Deux tirages-à-part seront envoyés aux maisons d'édition. Les livres reçus à la rédaction ne sont pas rendus aux éditeurs.

*

Das Redaktionskollegium der Zeitschrift «Voprosy Jazykoznanija» ausspricht sein tiefempfundenen Dank den Herausgeber, die uns Rezensionsexemplare ihrer Bücher senden. Das Redaktionskollegium teilt mit, daß alle erhaltene Bücher können in unserer Zeitschrift natürlich nicht besprochen werden. Die Rezensionen werden je nach den Möglichkeiten unserer Zeitschrift veröffentlicht. Zwei Sonderabdrücke werden unbedingt jeden Herausgeber abgeschickt. Die an die Redaktion erhaltene Bücher sind gewöhnlich znhu zurückgesandt.

CONTENTS

Articles: M. M. Gukhman (Moscow). Linguistic universals and typological studies; I. K. Beloded (Kiev). Investigation of the Ukrainian language in the works of academician V. V. Vinogradov; **Discussions:** N. Y. Svedova (Moscow). Some debatable problems in the description of structural schemes of the simple sentence and its paradigms; N. S. Avilova, S. N. Dmitrienko, V. A. Plotnikova, I. S. Ulukhanov (Moscow). Some debatable problems in the description of grammatical structure of the Russian language; I. I. Kovtunova (Moscow). Word-order as object of grammatical study; Y. S. Stepanov (Moscow). Contemporary links between linguistics and logic; **Materials and notes:** V. P. Danilenko (Moscow). Concerning terminological word-formation; A. T. Krivonosov (Kalinin). Structure of language and system of word-classes; T. G. Khazagerov (Rostov-on-Don). Accent as a means for the differentiation of grammatical forms; V. N. Teplova (Moscow). Materials for the stydy of historical connections between western and northern dialects of the Russian language; A. A. Weilert (Krasnodar). On the use of quantitative data in dialectology; **Reviews.**

SOMMAIRE

Articles: M. M. Goukhman (Moscou). Les universaux linguistiques et les études typologiques; I. K. Beloded (Kiev). Investigation de la langue ukrainienne dans les oeuvres de l'académicien V. V. Vinogradov; **Discussionns:** N. Y. Svedova (Moscou). Quelques problèmes litigieux dans la description des schèmes structuraux de la proposition simple et ses paradigmes; N. S. Avilova, S. N. Dmitrienko, V. A. Plotnikova, I. S. Ouloukhanov (Moscou). Quelques problèmes litigieux dans la description de la structure grammaticale de la langue russe; I. I. Kovtounova (Moscou). L'ordre des mots comme objet de l'étude grammaticale; Y. S. Stepanov (Moscou). Les liens contemporains entre la linguistique et la logique; **Matériaux et netices:** V. P. Danilenko (Moscou). À propos de la dérivation terminologique; A. T. Krivonosov (Kalinin). Structure de la langue et système de classes des mots; T. G. Khazagerov (Rostov-sur-le Don). L'accent comme moyen pour la différentiation des formes grammaticales; V. N. Teplova (Moscou). Matériaux pour l'étude des rapports entre les dialectes occidentaux et septentrionaux de la langue russe; A. A. Weilert (Krasnodar). Sur l'emploi des données quantitatives en dialectologie; **Comptes-rendus.**

Технический редактор *Т. И. Шеленкова*

Сдано в набор 28 IV 1973 г. Т-07482 Подписано к печати 2/VII-1973 г. Тираж 6900 экз.
Зак. 2207 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,0 Бум. л. 5,0 Уч.-изд. л. 16,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10